

ФАНТАСТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ЕСЛИ

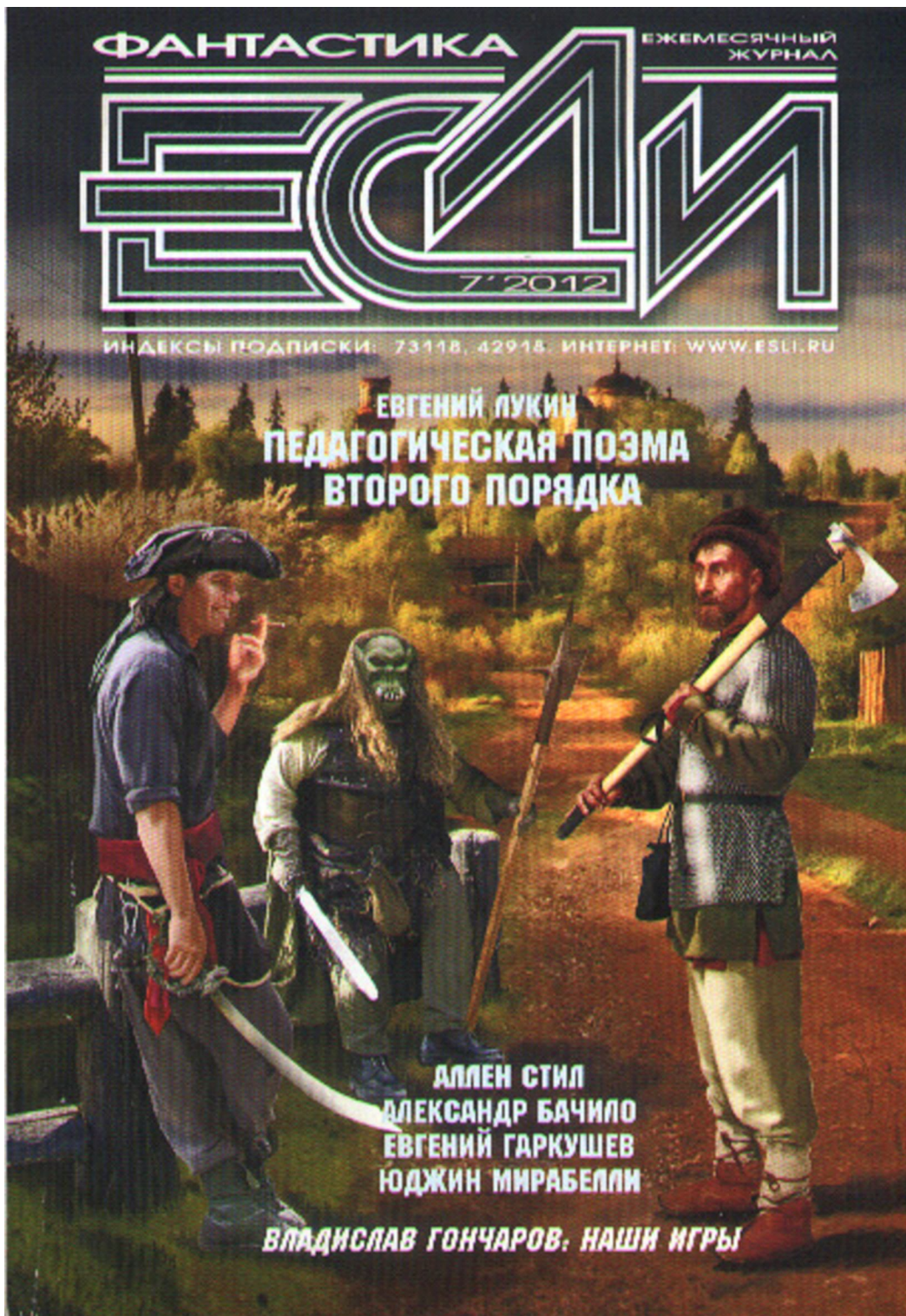
7' 2012

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН
**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА
ВТОРОГО ПОРЯДКА**

АЛЛЕН СТИЛ
АЛЕКСАНДР БАЧИЛО
ЕВГЕНИЙ ГАРКУШЕВ
ЮДЖИН МИРАБЕЛЛИ

ВЛАДИСЛАВ ГОНЧАРОВ: НАШИ ИГРЫ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

Первая книга нового цикла
от признанного мастера жанра классического фэнтези.

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**Первая книга нового цикла от признанного мастера жанра
классического фэнтези**

**РОБИН ХОББ
ХРОНИКИ ДОЖДЕВЫХ ЧАЩОБ
КНИГА I. ХРАНИТЕЛЬ ДРАКОНОВ**

КНИГА-ФАНТАЗИЯ

Первый из романов «Хроник Дождевых чашоб», будучи столь же добротным, сколь и объемистым, подтверждает право Хобб на место в ряду лучших современных писателей фэнтези.

Booklist

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Александр ШАЛГАНОВ.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:

Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:

Дмитрий БАЙКАЛОВ.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Екатерина АРОЯН.

СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:

Инесса ЛУГАЧЁВА.

ВЕРСТКА:

Татьяна МУРИНА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:

Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЬЯНЕНКО, Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:

МОСКВА, 119435,

Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга», тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

IP Media (США), Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

ЗАО «АРИА-АиФ», ООО «Горпечать», ЗАО «Сейлс», ЗАО «Центропечать», «АПР», ЗАО «Наша пресса», «Формула Делового мира», ООО «Метропресс» (С.-Петербург), «Урал-пресс», ООО «Желдорпресс ГП», «Деловые издания», «Артос-ГАЛ», «Интер-почта-2003».

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография»
143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный кв., д. 2.
Зак. 2007.

Тираж 11 300 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.

Редакция не несет ответственности за содержание рекламных
объявлений.

©«ЕСЛИ», 2012

ФАНТАСТИКА № 7 (233)
ISSN 1680-645X

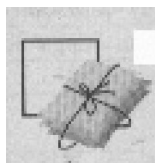
ЕСЛИ

157 Евгений ЛУКИН

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА ВТОРОГО ПОРЯДКА

Известный писатель вернулся в родные места, но ситуация оказалась настолько фантастичной, что пришлось восстанавливать последовательность событий.

3 Аллен СТИЛ

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ

Кеннеди и Хрущев об этом так и не узнали... Да и что бы они сумели сделать?

27 Юджин МИРАБЕЛЛИ

ПОГОВОРИМ ПО-ИТАЛЬЯНСКИ?

Вот что бывает, когда у вас в квартире начинает петь вода.

47 Пьер ЖЕВАР

СКОЛЬКО ВСЕГО СЛУЧИЛОСЬ...

На самом деле все произошло не так, как в действительности.

59 Джек СКИЛЛИНСТЕД

ЦИФРОВОЙ ПУДЕЛЬ

Есть вещи куда более важные, чем копирайт.

73 Тимур АЛИЕВ

Е-MAN

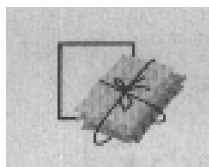
В компьютерную эпоху у людей в головах заводятся не только

тараканы.

107 Анна КИТАЕВА

ДЕНЬ ПРИОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ

Одна из самых популярных тем в фантастике - попытка изменить собственное прошлое, но здесь с неожиданным «техническим» решением.

125 Александр БАЧИЛО

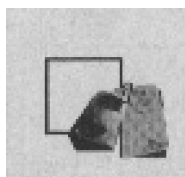
НЕ НУЖНЫ

Да кто же, в конце концов, эти инопланетяне?

145 Евгений ГАРКУШЕВ

БАРСУКИ

Вот бы порадовался Гринпис!

95 Дмитрий БАЙКАЛОВ

НЕ ЗАРЕКАЙСЯ...

Твой дом - тюрьма. Космическая.

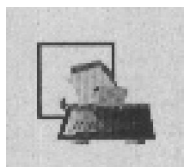
100 Аркадий ШУШПАНОВ

ПОСМЕЁМСЯ «ПО-ЧЁРНОМУ»

Зачем разрываться между фантастикой и юмором, когда их можно объединить, решил Барри Зонненфельд - и сделал «Людей в черном».

97 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

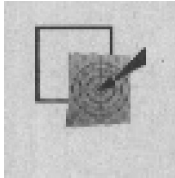
Все супергерои в одном флаконе! Не случилось бы передоза.

243 Владислав ГОНЧАРОВ

ЗАЧЕМ МЫ ИГРАЕМ?

Взгляд изнутри человека, который и в самом деле знает, зачем и как.

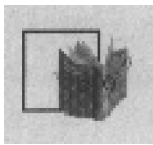

248 РЕЦЕНЗИИ

Говорят: «Друзей не выбирают». А книга, как известно, лучший друг. И не только потому, что умный. Но еще и потому, что всегда оставляет право выбора.

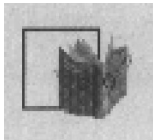
267 КУРСОР

На «Интерпрессконе» доказали: биографическая работа об авторе вполне может победить при голосовании фэнов монографию самого писателя.

253 КОНКУРС «РОСКОН-ГРЕЛКА»

По традиции, знакомим читателей с одним из рассказов-лидеров.

269 ПЕРСОНАЛИИ

Это как своеобразный ежемесячный ритуал: почитал тексты, познакомься и с авторами.

АЛЛЕН СТИЛ

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ

А Д П Е Н С Т И П

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ

ПУНКТ

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Теперь я уже стар, но то, что я совершил в молодости, до сих пор лежит тяжким грузом на моей совести. За все прошедшие годы я так никому об этом и не рассказал. Ни покойной ныне жене, ни детям, ни внукам, ни кому-либо из друзей, ни даже священникам, которым послушно каялся во всех прочих грехах. Мои действия, возможно, спасли мир, вот только выглядели они предательством... и даже хуже.

Несколько месяцев назад у меня нашли рак, неоперабельную форму на последней стадии. Врач сказал, что, по всей вероятности, я не дотяну до конца года. Ноя бы все равно унес тайну с собой в могилу, чтобы никто так и не узнал, что я сделал почти пятьдесят лет назад. Меня это вполне устроило бы. Я вовсе не герой.

Однако на днях я встретил на улице человека, которого не видел с 1962 года. И это заставило меня изменить решение. Пожалуй, все-таки надо рассказать людям, что произошло - хотя бы лишь для того, чтобы напомнить им, сколь опасным стало наше время и что деяния наши будут вспоминаться последующими поколениями.

* * *

Меня зовут Флойд Мур. В 1962-м мне было двадцать три, и в звании энсина¹ ВМС США я служил радистом на «Центурионе». «Центурион» - это полужесткий дирижабль, один из пяти воздушных кораблей N-класса, построенных в 1950-х в качестве противолодочных; еще до того как была развернута подводная сеть СОСУС^{**2}, они были переоборудованы для обслуживания системы раннего обнаружения.

Дирижабли с телекамерами, рекламирующие покрышки «Гудиер» над футбольными полями, так же похожи на «Центурион», как пикап «шевроле-шеви» на спортивный «шевроле-корветт»: один и тот же производитель, и только.

Длина «Центуриона» составляла чуть более ста метров, высота - более тридцати. Дирижабль нес двухпалубную гондолу с помещениями для экипажа из двадцати одного человека: на второй палубе, над кабиной пилотов, радиолокационным отсеком и машинным отделением теснились кубрик, душевая, камбуз и кают-компания. Этот корабль мог находиться в воздухе более двухсот часов, два двигателя по 800 л.с. поддерживали крейсерскую скорость до ста километров в час, а разогнаться можно было и до ста пятидесяти.

Закончив подготовку в летной школе ВМС в Пенсаколе, я надеялся, что меня направят на какой-нибудь авианосец, и потому был разочарован, когда оказался на дирижабле. Вскоре, однако, я понял, что эта работа мне куда больше по душе. «Центурион» базировался на Ки-Уэст. Я недавно женился, и мы с женой сняли домик на побережье за территорией базы, а отлучки из дому на патрулирование занимали

¹ * Энсин - младший офицерский чин в сухопутных и военно-морских силах некоторых стран, соответствующий в наших ВМС мичману. (Здесь и далее прим. перев.)

² ** СОСУС (SOund SUrveillance System) - Звуковая система наблюдения, гидроакустическая противолодочная система США.

несколько дней, не дольше. Наш капитан Рой Джеррард летал на дирижаблях со Второй мировой, экипаж был дружным, и нас вполне можно было принять за членов какого-нибудь клуба, которому посчастливилось обзавестись собственным дирижаблем.

Правда, удовольствие, которое нам доставляла работа, омрачалось сознанием, что дни «Центуриона» сочтены. Дирижабли устарели. Самолеты уже взяли на себя поиск подводных лодок, а после развертывания СОСУС у нас должны были забрать и раннее обнаружение. Америка и Россия уже запускали парней в космос и поговаривали, что скоро появятся военные космические станции. Алан Шепард^{*3} был моряком, и мы гордились, что он стал первым американцем в космосе - но при этом понимали, что по сравнению с его «Меркурием» наш дирижабль выглядит совсем уж древним. И каждый раз, когда «Центурион» отправлялся в патрулирование, мы знали, что оно может оказаться последним.

Однако на первой неделе октября 1962 года мы получили необычное задание. Вместо привычного облета Атлантического побережья до Новой Англии и обратно капитан Джеррард получил приказ взять курс на юг, к Багамским островам северо-восточнее Кубы, и провести там воздушную разведку проходов между островами Аклинс, Маягуана и Кайкос. Конечно же, нашей задачей был поиск русских подлодок: недавно Никита слишком уж скорешился с Фиделем, но заодно мы должны были присматривать за всеми сухогрузами и рыболовецкими траулерами, следовавшими на Кубу.

Еще у нас на борту появился новый член экипажа - лейтенант Роберт Арно, офицер разведки, временно заменивший младшего лейтенанта, обычно выполнявшего ту же работу. Никто из нас его прежде не встречал, он объявился из Вашингтона всего лишь за пару дней до вылета, и вскоре стало очевидно, что в нашу компанию он не вольется, как бы ни старался. Командиром по-прежнему оставался капитан Джеррард, однако фактически распорядился Арно. Он доставил приказы в запечатанном пакете, и они с капитаном были единственными, кто их прочел, остальные же лишь терялись в догадках, что же там говорилось. Властолюбом Арно не был: спал он в одном кубрике с нами, ел ту же пищу и запросто мог поболтать о чемпионате по бейсболу или о том новом шпионском фильме, где играет некий Коннери, - однако он и словом не обмолвился о нашем новом задании.

Вам, конечно же, проще - историю вы уже знаете. Именно тогда Советский Союз начал секретную операцию по развертыванию на Кубе

³ * Алан Бартлет Шепард-младший (1923-1998) - американский астронавт, контр-адмирал ВМС США, первый американец, совершивший суборбитальный космический полет.

ядерного оружия. Он пошел на это, потому что США разместили в Турции ядерные ракеты дальнего действия, а также для предотвращения вторжений на Кубу вроде высадки в заливе Кочинос годом раньше. Вот русские корабли и завозили туда Р-12 средней дальности и Р-14 промежуточной дальности, любая из которых с легкостью могла достигнуть американского континента, а также боевые ракеты ближнего действия, оснащенные тактическими ядерными зарядами для отражения интервенции.

Однако у американцев был крот в Кремле, офицер ГРУ, который передавал секреты русских ЦРУ. В конечном счете полковник Пеньковский был разоблачен и казнен, но до этого успел сообщить американцам о планах Хрущева. Веских доказательств, что СССР переправляет ядерное оружие на Кубу, у ЦРУ не было, а для того чтобы поставить вопрос перед президентом Кеннеди, нужны были неопровержимые свидетельства. Потому-то «Центурион» и следил за русскими судами, следовавшими на Кубу. На протяжении четырех дней мы курсировали вокруг Аклинса, Маягуаны и Кайкоса, осуществляя непрерывное наблюдение за проходами между ними с высоты в 750 м. Мы видели много кораблей, но только на двух развевался красный флаг. Мы опустили до 500 метров и некоторое время следовали за ними, прослушивая их радиосвязь и фотографируя - снимки мы переслали в Ки-Уэст по радиотелеграфу. Впрочем, ничто в облике кораблей не указывало, что они перевозят ракеты, а их радиопередатчики, пока мы находились поблизости, молчали.

Мы не знали, что большая часть ракет была еще далеко. Корабли с ядерным оружием пока что проходили Северную Атлантику и в Карибском море должны были появиться лишь через неделю или около того. Хотя первые несколько Р-12 уже прибыли на Кубу, равно как и несколько тактических ракет. Радиус действия Р-12 не давал возможности ударить по Вашингтону или Нью-Йорку, но они вполне могли стереть с лица земли Майами или Новый Орлеан. Помимо этого Хрущев дал добро Кастро на запуск ракет в случае нападения США на его страну, так что с нанесением ядерного удара по уаnquis проблем у Фиделя не было. Как и некоторые сторонники жесткого курса в Кремле, он полагал, что если ударить первым, то вопрос будет решен раз и навсегда.

Впрочем, наш генерал ВВС Кертис Лемэй и многие другие его коллеги придерживались таких же взглядов.

Мир был на грани атомной войны, но никто об этом даже и не подозревал. То есть почти никто.

* * *

Утром в пятницу 5 октября я заступал на вахту. Сменив радиста с ночного дежурства, я обратил внимание на зловещий красный оттенок рассветного неба. Последние два дня сводки погоды из Пуэрто-Рико предупреждали о тропическом шторме близ Подветренных островов к юго-востоку от нас. Увидев эти испещренные малиновыми полосами облака, я догадался, что шторм подобрался ближе.

Так оно и было. Только я уселся, как телекс трижды звякнул, сигнализируя о новом сообщении. Капитан Джеррард как раз спустился вниз, и я протянул ему расшифровку депеши.

- Здорово, - проворчал он. - Худые вести не ждут на месте. - Офицеры повернулись к нему. - Этот тропический шторм к югу от нас стал циклоном 1-й категории. Теперь он называется ураганом Дэйзи, переходит во вторую категорию и поворачивает на северо-северо-запад.

- Это как раз по нашему курсу, так ведь, капитан? - спросил выглянувший из машинного отделения бортмеханик Джимми Коста. Красавчик Джимми, как мы называли его, потому что таковым он вовсе не был.

- Ага. - Капитан сложил сообщение. - Мы должны приземлиться на ближайшем пригодном аэродроме и пересидеть ураган. - Скупая улыбка. - Рад, что кому-то достало здравомыслия на такой приказ.

Все согласно закивали. В тридцатые годы во время штормов флот потерял два дирижабля - «Акрон» и «Мейкон». Никто в воздухоплавательном корпусе не забыл этих катастроф, но мы побаивались, что однажды в штабе найдется какой-нибудь идиот, который будет уверен, что дирижабль способен лететь через ураган. К счастью для нас, приказы отдавал не идиот. Вся проблема была в том, где приземлиться. Взлетно-посадочная полоса дирижаблю не нужна, он может опуститься практически где угодно, но его все-таки нужно привязать к причальной мачте, чтобы благополучно переждать ураган. Ки-Уэст находится слишком далеко, и мы не успеем туда добраться раньше шторма. Пуэрто-Рико ближе, однако как раз с той стороны и шел ураган. О военно-морской базе в Гуантанамо и речи нет: лейтенант Арно напомнил капитану, что в приказе особо подчеркивалось - мы ни при каких обстоятельствах не должны приближаться к Кубе.

Наш штурман Гарри Таггарт вытащил тетрадку, открыл список причалов для дирижаблей в районе Карибского моря и нашел один подходящий - Большой Инагуа, крупнейший из пары островков примерно в девяносто километрах к западу от Кайкоса и в ста к востоку от Кубы. Один городок с аэродромом и причальной мачтой, сохранившейся со времен Второй мировой. «Центурион» плыл по другую сторону Кайкоса, и мы запросто успевали добраться до Большого Инагуа, прежде чем нагрянет Дэйзи.

Так что я отослал телекс в Ки-Уэст, и как только пришел ответ, Фил Беннет повернул штурвал и взял курс зюйд-вест-тень-вест к Большому Инагуа. Я начал заблаговременно связываться с Мэтью-Тауном и через полчаса наконец-то услышал в наушниках голос с карибским акцентом. Его обладатель сообщил: зовут его Самюэль Паркер и он удивлен, что к ним держит курс американский дирижабль, но заверил, что соберет для нас бригаду наземного обслуживания. Незадолго до полудня «Центурион» достиг островов Инагуа. Мы прошли над Малым Инагуа - крошечной косой из песка и травы, единственными обитателями которой, судя по всему, были морские птицы да дикие козы, - и вышли на Большой Инагуа, который оказался лишь немногим крупнее, но по крайней мере обнаруживал признаки человеческого присутствия. Мэтью-Таун располагался на юго-западной оконечности острова. Когда тень дирижабля заскользила по его выгоревшим на солнце крышам, горожане высыпали из домов и разинули рты. Городок внизу был не бог весть какой: горстка домов, шпиль церкви и гроздь рыбацких лодок, привязанных к пристани.

Одинокaя взлетно-посадочная полоса была примитивной и выглядела так, будто последний раз ее асфальтировали, когда исчезла Амелия Эрхарт⁴. Причальная мачта находилась на ее береговом конце, недалеко от пары небольших полуразвалившихся ангаров. Она выглядела словно неуместная пирамида ацтеков, ее железный скелет был покрыт черной ржавчиной с белыми соляными разводами. Шестеро темнокожих мужчин в шортах и цветастых рубашках покуривали подле доставившего их древнего безбортового грузовика, поглядывая на приближающийся дирижабль. И только когда «Центурион» был уже метрах в шести от асфальта, один из них отшвырнул сигарету и неспешно поднялся, воздев руки над головой, а его товарищи бросились ловить наши стропы.

Островитяне подтянули корабль поближе, один из них вскарабкался по лестнице на мачту и прицепил к носу дирижабля крюк. Дизельная лебедка принялась выбирать трос, пока «Центурион» не пристыковался вплотную к мачте. Восемь наших парней выпрыгнули из гондолы и помогли местной бригаде растянуть стропы на всю длину, а затем с помощью кувалды забить железные крючья в песчаную почву и привязаться к ним. Капитан убедился, что «Центурион» не унесет, и отдал приказ Филу заглушить двигатели.

Я присоединился к капитану Джеррарду и лейтенанту Арно, когда

⁴ * *То есть в 1930-х годах. Амелия Мэри Эрхарт (1897 г.р., пропала без вести 2 июля 1937 г.) - американский авиатор, одна из первых женщин-пилотов, к тому же первой из представительниц слабого пола перелетевшая Атлантический океан. Пропала над Тихим океаном во время осуществления кругосветного полета.*

неспешно подошли местные, чтобы нас поприветствовать. Сказать, что они были удивлены тому, что на их Богом забытом клочке земли совершил вынужденную посадку дирижабль ВМС США, значит ничего не сказать. Вообще-то, как мы узнали позже, единственная причина, по которой эту мачту до сих пор не разрезали на металлолом, заключалась в том, что Госдеп ежегодно пересылал округу Инагуа чек на пятьсот долларов за аренду. Встречавших возглавлял Самуэль Паркер, с которым я разговаривал по радио. Помимо руководства аэродромом он также исполнял обязанности таможенника. Он разыграл сущее представление, потребовав у нас паспорта, которые изучил самым тщательным образом, как будто мы могли быть кем-то другими, нежели теми, кем нас очевидным образом представляла форма, - и только потом официально пожал руку капитану Джеррарду и приветствовал весь экипаж на Большом Инагуа.

К тому времени ветер начал усиливаться. Небо все еще было ярко-голубым, однако на южном горизонте уже виднелась темная стена туч. Мы приготовились провести ночь на дирижабле, однако мистер Паркер и слышать об этом не хотел. В Мэтью-Тауне имелась большая гостиница, которую нам с удовольствием предоставили, а ресторанчик через дорогу готов был пригласить нас на ужин.

Капитан Джеррард охотно принял приглашение: после четырех суток сна на узких койках и консервов на завтрак, обед и ужин карибское гостеприимство вносило приятное разнообразие в нашу жизнь. Само собой, совсем оставить «Центурион» мы не могли, потому капитан вызвал двоих добровольцев для дежурства. Руки подняли Гарри и Фил. В случае, если ураган будет угрожать сорвать дирижабль со швартовов, они должны, вызвать подмогу. Остальные собрали вещмешки и вместе с туземной бригадой погрузились на платформу выдавшего вида грузовичка, который со скрежетом покатил в Мэтью-Таун по таким ухабам, что из нас чуть души не вытрясло.

Городок выглядел в точности, как и любая другая карибская пристань: побеленные каркасные домики на усыпанных песком улочках, заброшенная тюрьма, датированная восемнадцатым веком, церквушка да несколько лавок вокруг городской площади. Население представлено уроженцами Карибов да горсткой британских чиновников на пенсии; чаек, быть может, здесь было больше, чем людей. Никак не приманка для туриста. Я решил, что мы наверняка единственные гости, в кои-то веки посетившие этот уголок.

Я ошибался.

* * *

Как оказалось, Дэйзи прошелся лишь по краю Багам. К концу дня

ураган повернул на север и двинулся к Восточному побережью США - на следующий день он обрушил с десятков сантиметров дождя на Новую Англию и где-то над Новой Шотландией выдохся. По сравнению с большинством циклонов Дэйзи оказался сущим тихоней. Тем не менее подниматься в воздух не имело смысла. День мы скоротали в гостинице, под шум ливня за окнами играя в карты и слушая сериалы по радио. Перед закатом буря утихла, однако для безопасного полета ветер оставался слишком сильным, и капитан Джеррард решил, что мы можем провести на Большом Инагуа еще и ночь, а вылететь утром. Что-то вроде увольнительной на берег.

Такому решению никто не опечалился, за исключением лейтенанта Арно, которого, похоже, изрядно нервировала перспектива упустить направляющиеся на Кубу русские сухогрузы. Тем не менее командовал «Центурионом» капитан, и он никак не хотел без крайней необходимости подвергать корабль и экипаж опасности. К тому же, заметил он, советские суда с таким грузом наверняка где-нибудь встали на якорь, чтобы переждать шторм, так что никуда они не денутся.

Гостиница представляла собой небольшое двухэтажное здание в центре Мэтью-Тауна, двери номеров выходили на улицу. В свободных местах недостатка не было, и все же нам пришлось брать общие номера, лишь капитан Джеррард потребовал одноместный. Так же поступил и лейтенант Арно, что вызвало раздражение у многих парней - мол, что он о себе возомнил? Мне досталось делить номер с Красавчиком Джимми, пользовавшимся дурной славой за свой храп, и я знал, что навряд ли хорошо выплыву.

Единственный на острове ресторан располагался напротив гостиницы, и, как нам сказал мистер Паркер, хозяев предупредили, что на ужин заявится двадцать один моряк. Когда мы вошли, столы уже ломились от яств: жареный тарпон прямо с пристани, кукурузные оладьи, зелень и лучший лаймовый пирог, который я когда-либо пробовал. Наевшись до отвала, мы переместились в соседний зал - с баром, бильярдным столом и телевизором.

Мало-помалу в ресторан просочились завсегдатаи, и поначалу присутствие множества людей в форме их явно напрягало: по-видимому, они опасались, что мы окажемся стереотипными американскими моряками и разнесем забегаловку. Однако капитан строго-настрого велел нам быть паиньками, и довольно скоро отношение местных потеплело. Двое наших затеяли с ними соревнование по бильярду, остальные же собрались перед телевизором, чтобы посмотреть «Шоу Джеки Глисон», транслировавшееся из Майами.

Вернувшись в бар за очередной порцией пива, я увидел, что у стойки сидит девушка. Она была примерно моего возраста - может, постарше

на год-два. Женщины тогда только начали снова носить длинные волосы - у нее были белокурые, распущенные по плечикам хлопкового платица. Красавицей ее не назовешь, но все же она была очень привлекательна, и притом одна.

В мои планы вовсе не входило подцепить ее. Мой брак был прочен, я оставался верен жене, и роман на одну ночь никогда меня не прельщал. Я всего лишь устал от постоянного лицемерия одних парней, а симпатичная девушка могла бы для разнообразия составить приятную компанию. Так что я подошел, представился и попросил позволения сесть рядом с ней. Она отнеслась ко мне настороженно, но все же кивнула, и я устроился на соседнем табурете, спросив, как ее зовут.

Ее звали Хельга - просто Хельга, без всяких фамилий, - и она была уроженкой Западной Германии. Европейский акцент я уловил, как только она заговорила, так что это меня не удивило. Хельга рассказала, что на Большом Инагуа она с двумя спутниками - кузенком Куртом и их приятелем Алексом, американцем: все трое завзятые орнитологи и на острова приехали из-за местных птиц. Они снимают домик к югу от города, и она заказала здесь коктейль, пока Курт и Алекс закупаются в гастрономе чуть дальше по улице.

Я рассказал ей о себе, как здесь оказался, и она понимающе улыбнулась: да, она заметила дирижабль, когда он пролетал над островом. Хельга любопытствовала, что заставило дирижабль американских ВМС оказаться в этих краях. Поскольку задание наше было секретным, я ответил, что мы проводим обычное патрулирование. Не успел я закончить фразу, как почувствовал, что кто-то встал у меня за спиной. Оглянувшись через плечо, я увидел, что на соседний табурет взгромоздился Арно.

- Простите, - сказал он, - не хотел мешать. - Он посмотрел на меня. - Не возражаешь, если я встряну, Флойд?

- Да пожалуйста. Мы всего лишь болтаем. - Я указал на девушку, сидевшую рядом: - Это Хельга, а это...

- Боб Арно. - Он сделал знак бармену, чтобы тот подал еще одно пиво. То был первый раз, когда я услышал, что он представляется Бобом. На дирижабле он всегда был лейтенантом Арно. - Вы местная?

- Нет, - Хельга покачала головой. - Я только что рассказала Флойд, что со своими друзьями приехала на Инагуа изучать местных птиц. Здесь обитают прекрасные розовые фламинго, и мы их фотографируем.

- Они поселились на окраине города, - добавил я, не желая уступать инициативу в разговоре. - Она говорит...

- Откуда вы? - спросил Арно, совершенно меня игнорируя. - Вы не из Штатов, мне кажется.

Хельга рассмеялась:

- Я - нет, но мой друг Алекс американец. А я и мой кузен из Западной Германии.

- Вот как? - Арно сделал глоток из бутылки «Рэд Страйп», которую перед ним поставил бармен. - Из какого города?

- Из Ганновера.

- Из Ганновера! Замечательный город! Я был там пару лет назад. Жил в гостинице в самом центре, э-э... - Арно прикрыл глаза и постучал пальцем по стойке, взывая к памяти. - Не помню названия.

- Да, конечно. - Хельга снова повернулась ко мне: - Как я говорила, здесь множество карибских фламинго. Еще попугаи, цапли, шилохвостки...

- Вы должны знать. Крупная гостиница в центре города.

- В Ганновере много гостиниц, - улыбка Хельги немного дрогнула.

- Эта самая большая. - Он сверлил ее взглядом. - Вы понимаете, о чем я говорю... не так ли?

Хельга побледнела и демонстративно отвернулась. Я недоумевал, почему он ведет себя столь грубо.

- Лейтенант, мы о птицах разговаривали. Вы не можете...

- Что не могу, энсин? - Он сощурился, намеренно сделав ударение на моем звании. - Говорить о гостиницах вместо птиц? - Сухая улыбка. - Я могу... Но, думаю, гораздо интереснее, что ваша подруга не может сказать мне название...

- Прошу прощения... Какие-нибудь проблемы?

Я повернулся и увидел высокого блондина, который подошел к нам сзади. У него был такой же акцент, как у Хельги, и не составило труда догадаться, что это и есть Курт. Не знаю, сколь долго он стоял там, но мне показалось, что он слышал кое-что из сказанного Арно.

Лейтенант покраснел.

- Не совсем, - ответил он, теперь уже не столь самоуверенный. - Мы всего лишь говорили о Германии... Вы ведь оттуда, да?

- Да. - Курт посмотрел на Хельгу. - Мы купили все для ужина, Алекс ждет в машине. Ты готова?

- Да, конечно. - Хельга поднялась, оставив коктейль недопитым. Она посмотрела на меня и улыбнулась: - Рада была познакомиться, Флойд. Надеюсь, вам здесь понравится.

- Спасибо, - ответил я. - И... э-э... удачного наблюдения за птицами! - Хельга кивнула в ответ и подошла к брату. Они направились к двери, совершенно игнорируя Арно.

Однако лейтенант с ними еще не закончил. Он подождал, пока не закроется дверь, соскочил с табурета и подбежал к окну. Спрятавшись за занавеской, он вглядывался наружу минуту-другую, потом вернулся к стойке.

- Лейтенант, какого черта... - начал было я.

- Слушайте, Флойд... Вы ведь не купились на эту ее байку, а? - Арно

не сел, лишь оперся о стойку. - Выходит, они здесь просто разглядывают фламинго?

- О чем это вы?

- Ах да, конечно. - Он взглянул на меня с досадой, а затем придвинулся ближе, понизив голос едва ли не до шепота. - Советские корабли идут на Кубу, а на острове по соседству с двумя главными морскими путями к кубинскому побережью как раз оказываются два немца. Совпадение?

- Может, и так. - Я пожал плечами и взялся за свое пиво.

- А может, и нет. - Он умолк и огляделся, не подслушивает ли кто, а затем продолжил: - А не кажется ли вам странным, что кое-кто якобы из Ганновера не может ответить, как называется тамошняя самая большая гостиница?

- Ладно, сдаюсь. И как же?

- Не знаю. Никогда там не был. - Хитрая ухмылка. - Но она все равно не знала, вот в чем дело. Да, она немка, конечно, как и ее кузен... Если он действительно ее кузен. Вопрос только в том, с какой они стороны КПП «Чарли»?*⁵

Это меня заинтересовало.

- Так вы думаете, что они могут быть из Восточной Германии?

- Это объясняло бы, почему она не смогла ответить на мой вопрос, а?

- Он указал подбородком на зал. - Я случайно подслушал, как вы тут разговариваете, и когда уловил акцент этой немчуры, решил разобраться. Я зашел, как раз когда она спрашивала, как мы здесь оказались.

- Да ладно, - покачал я головой, - это была обычная болтовня.

- Э, нет, не думаю. - Арно помолчал. - Флойд, вы многого не знаете о нашем задании, но поверьте, есть веские причины, чтобы в округе могли ошиваться красные шпионы. И если это они, то мы должны убедиться наверняка.

По мне, все это отдавало паранойей. Я знал парней, которым только дай потрепаться в духе Общества Джона Бёрча**⁶ про коммунистических агентов, и рассуждения Арно мне показались такими же. Должно быть, это отразилось на моем лице.

- Вы мне поможете, - объявил Арно. - Считайте это приказом.

- Слушаюсь, сэр. - Я поставил пиво, однако с табурета не слез. - Что я должен делать, сэр?

⁵ * КПП «Чарли» - пограничный контрольно-пропускной пункт на улице Фридрихштрассе в Берлине, созданный после разделения города берлинской стеной.

⁶ ** Общество Джона Бёрча - американская политическая группа, поддерживающая антикоммунизм, ограничение государства, конституционную республику и личную свободу; относится к праворадикальным.

Либо он не уловил сарказма в этом «сэр», либо решил не обращать внимания.

- Где они остановились?

- Снимают домик к югу от города.

- Хм... - Какое-то время он обдумывал информацию. - Что ж, вряд ли на острове найдется много красных «бьюиков» 1952 года выпуска. - Он оттолкнулся от стойки. - Пошли... Прогуляемся, может, найдем, где он припаркован.

Найти машину - найти дом. Логика вполне здравая, пускай даже о мотиве этого и не скажешь. Я сделал последний глоток и неохотно слез с табурета.

- А потом?

- А потом попытаемся разгадать, что они здесь делают. - Как будто он уже не решил этого заранее.

* * *

Когда мы вышли из ресторана, было уже темно и улицы опустели. Гастроном закрылся, как и немногие остальные магазины, и центр города освещался лишь одиноким уличным фонарем. Глухая ночь в сонном городишке.

Мы не сказали остальным, куда и зачем направляемся, и это меня радовало. Я вовсе не хотел оказаться в дурацком положении, когда выяснится, что «шпионы-коммуняки» действительно всего лишь орнитологи в отпуске. Я лишь надеялся, что мы покончим со всей этой чепухой, прежде чем капитан заметит наше отсутствие. Небо было сплошь затянуто тучами, так что не было видно даже месяца, но разобрать дорогу было несложно. На берегу к югу от Мэтью-Тауна стоял маяк, и каждые несколько секунд его луч поворачивался в нашу сторону, высвечивая ветки, сучья и сорванные ветром пальмовые плоды. Примерно через полтора километра город закончился, и мы оказались на узкой прибрежной дороге с разбросанными там и сям домами, возвышавшимися над океаном.

Мы уже почти дошли до маяка, когда наткнулись на двухэтажный каркасный дом на небольшом возвышении за дорогой, идущей от побережья. На первом этаже горел свет. Подойдя поближе, мы заметили автомобиль, полускрытый невысоким кустарником и юккой. Мы прошли немного по подъездной дорожке, мягко ступая по гравию и осколкам ракушек, и убедились, что это тот самый красный «бьюик», который лейтенант видел отъезжающим от ресторана.

Под прикрытием кустов мы подобрались к дому достаточно близко, чтобы заглянуть в боковое окно. Судя по всему, там была столовая. За столом, накрытым для позднего ужина, сидел коренастый пожилой

мужчина с седыми волосами, зачесанными назад. Я решил, что это и есть Алекс, американский друг Хельги и Курта. Он сидел к нам спиной в полразворота и как будто разговаривал с кем-то в другой комнате. Слышно его не было, но через минуту появилась Хельга, неся в прихватках горшочек. Она осторожно поставила его на стол и снова вышла, вероятно, на кухню.

- Что-то Курта не видно, - прошептал я.

- Если они собираются ужинать, то он наверняка где-то здесь, на первом этаже. Давай-ка посмотрим, что там, - Арно указал за дом и принялся пробираться через кусты.

Позади дома обнаружилась лестница, которая вела на небольшой балкон на втором этаже. Недолго думая, Арно выбрался из кустов и нетерпеливо махнул мне, чтобы я следовал за ним. Забираться в дом мне хотелось меньше всего, особенно в присутствии жильцов, но выбора не оставалось. Едва слышно чертыхнувшись, я присоединился к лейтенанту. Деревянные ступеньки были побиты непогодой и немного расшатаны, и первые две отчаянно заскрипели, пока мы не догадались перенести большую часть веса на перила. Мы осторожно прокрались к балкону, и Арно подергал ручку двери. Дверь оказалась незапертой, и он осторожно отворил ее. Темноту внутри рассеивало лишь тусклое синее свечение, исходившее от какого-то невидимого источника. Арно вошел, и хотя мое сердце было готово пробить ребра, я последовал за ним.

Мы оказались в коридоре, рядом с лестницей на нижний этаж. С каждой стороны располагались закрытые двери, а впереди была еще одна комната. Ее дверь была приоткрыта, исходивший из щели тусклый свет служил нам скудным освещением. Свет этот немного мерцал, и я решил, что это включенный телевизор.

По приглушенным голосам внизу, сопровождаемым звуком передвигаемых стульев, мы поняли, что Хельга, Курт и Алекс рассаживаются ужинать. Я мог лишь надеяться, что они полностью поглощены смакованием содержимого горшочка Хельги, пока мы с Арно прокрадывались на цыпочках по коридору, словно мотыльки, влекомые на свет в его конце.

Дверь глухо скрипнула, когда лейтенант толкнул ее, и на секунду мне показалось, что голоса внизу приумолкли. Но потом лейтенант еле слышно охнул, я заглянул внутрь - и тут же позабыл обо всем остальном. Я оказался прав насчет света: он исходил от экрана. Точнее, от четырех - они размещались полукругом на двух деревянных столах, приставленных друг к другу в форме тупого клина. Однако это не были телевизоры - во всяком случае, они не походили на те, что я видел в универмагах «Сирс».

- Ну и ну! - прошептал Арно, медленно заходя в комнату. - Да ты только посмотри на это!

Я и смотрел, а как же... И не верил глазам. Два центральных экрана показывали то, что, на первый взгляд, представлялось снимками, сделанными высотным фотоаппаратом, - вроде тех, что доставлял самолет-шпион У-2. Однако ничто из запускаемого в небо ВВС или ЦРУ не производило фотографий, подобных этим. Они смахивали на фотонегативы с инвертированными цветами, но даже эти цвета странно подчеркивались неестественными оттенками зеленого, красного и синего, придавая им вид жутковатых карикатур. Хотя съемка явно велась с высоты, разрешение было во много раз больше, чем на всех аэрофотоснимках, какие я до сих пор видел.

И они двигались.

На правом экране показывалась расчищенная площадка, по-видимому в джунглях, освещенная прожекторами. На одной стороне открытого участка стоял ряд военных грузовиков, за которыми выстроилось еще больше заправщиков. Напротив располагался ангар, который мог быть всего лишь большим сараем для просушки табака, если бы в него медленно не въезжала задним ходом грузовая платформа. На ней покоился вытянутый цилиндр с конусом на одном конце. По обе стороны платформы медленно двигались крошечные фигурки людей, в то время как другие охраняли площадку по периметру, наблюдая за окрестностями.

Картинка на левом экране была еще более злобещей. Она показывала пришвартованный к причалу океанского порта сухогруз. Грузовой трюм был открыт, и портовый кран что-то вытягивал из него. Пока я смотрел, кран сдвинулся, и мне удалось разобрать, что же выгружается с корабля: то был еще один цилиндр, в точности как на соседнем экране.

- Вот же черт, - проговорил Арно тихим, но хриплым от ярости голосом. - Черт! - Он указал на два экрана. - Это Куба, а это советские ракеты!

Я едва обратил на него внимание, поскольку меня заинтересовали сами экраны. Они выглядели не как обычные электронно-лучевые трубки, а оказались плоскими, словно подносы в кафе, и на них не было заметно никаких кнопок или переключателей. Два других, крайних, были затемнены, но когда я подошел поближе, левый внезапно осветился и показал ряд маленьких символов на мерцающем, словно миниатюрное полярное сияние, фоне.

На столах под крайними левым и правым экранами находилось нечто, поначалу показавшееся мне парой компактных портативных печатных машинок. Катюшек с лентой не было заметно, а когда я наклонился поближе, то увидел, что клавиши с привычной раскладкой QWERTY такие плоские, словно их нарисовали на стеклянной поверхности, и еще над ними располагался двойной ряд таких же нарисованных кнопок. Разглядывая это хозяйство, я вспомнил кое-что, виденное

раньше: шифровальную машинку «Энигма», которую немцы использовали во время Второй мировой. Она тоже выглядела как печатная машинка, но таковой не являлась.

- Я же говорил, - Арно все так же тарасился на два экрана посередине, - что это шпионское гнездо красных. Нечто вроде наблюдательного пункта.

Я пропустил его слова мимо ушей и заглянул за столы. Никаких проводов и кабелей... где же источник питания? Я ломал голову над этим, как вдруг заметил на левом столе подле клавиатуры лист пластика размером с тетрадку. Я взял его и чуть не выронил, когда он сам по себе засветился, тоже показав ряд маленьких символов на меняющемся фоне. В порядке эксперимента я прикоснулся к одному из них, и картинка мгновенно изменилась: на этот раз она демонстрировала еще один вид с воздуха - другая площадка, расчищенная от джунглей, где крошечные солдаты устанавливали нечто, смахивавшее на зенитную ракетную установку.

- Это оборудование не из России, - пробормотал я, и голос мой дрожал. - И не из Восточной Германии.

- Меня не волнует, откуда это. Ракеты я узнаю с первого взгляда...

- Ночью? - Я указал на правый экран в центре. - Посмотрите на этот грузовик и людей. Они двигаются, лейтенант. Это не фотография... Это происходит прямо сейчас, пока мы смотрим. Разве у красных есть подобное...

Дверь за нашими спинами заскрипела.

Сердце мое замерло, и только я обернулся, как под потолком вспыхнул свет. Я зажмурился, но успел увидеть на пороге Хельгу, Курта и Алекса.

* * *

Какое-то время обе группы тарасились друг на друга в немом изумлении. Я мысленно возвратился в детство, когда отец поймал меня за попыткой стянуть четвертак из комода в спальне. Сейчас у меня, вероятно, было такое же выражение лица. Только на этот раз роль отца исполняла Хельга.

- Флойд... Что ты здесь делаешь? - спросила она, скорее шокированная, нежели разгневанная.

- Это и есть тот человек, о котором вы говорили? - Алекс так и не убрал руку с выключателя. Хельга кивнула, и он уставился на нас. - Вы нарушаете права владения, - произнес он, констатируя очевидное.

- А вы - русские шпионы! - огрызнулся Арно, как будто безапелляционный приговор мог оправдать наше вторжение.

Алекс раскрыл рот, Курт часто заморгал, а Хельга просто вытаращила

глаза. Потом она прикрылась рукой, однако недостаточно быстро, чтобы утаить смех. Курт и Алекс переглянулись, после чего Курт закатил глаза, а Алекс попытался подавить ухмылку, которая грозила растянуться до ушей.

- Нет... Нет, мы не русские шпионы. - Алекс немного расслабился и наконец убрал руку с выключателя. - Уверю вас.

- Тогда что это значит? - Арно ткнул пальцем в экраны. - Расскажите-ка об этих снимках советских ракет на Кубе!

Все трое немедленно посерьезнели. А я ощущал себя единственным в комнате, кто не понимает, что происходит.

- лейтенант, - проговорил я, - с чего вы взяли, что русские размещают ракеты на Кубе?

Арно на меня даже не посмотрел.

- К нам поступила информация, что Иван может переправлять ракеты на Кубу, - ответил он, не сводя глаз с Хельги, Курта и Алекса. - В этом и состоит наша задача: найти подтверждение, что эта информация верна. - Он ухмыльнулся краешком рта. - Думаю, все необходимые нам доказательства мы получили прямо здесь.

Я снова взглянул на экраны. Изображение кубинского порта оставалось, картинка же на правом экране сменилась. Теперь он показывал морской берег. Поблизости в джунглях накрывали камуфляжной сеткой зенитную ракетную установку. Похоже, это был тот же снимок, что и на пластиковом листе, который я все еще держал в руках, но на этот раз он тоже походил на негатив, как и предыдущие изображения. Тут я понял, что они делались с высоты всего лишь в несколько сотен метров. Это было гораздо ниже, чем мог пройти незамеченным наш дирижабль, однако люди на земле явно не осознавали, что за ними наблюдают.

- лейтенант, это не русское оборудование. - Я взял клавиатуру и протянул ее ему. - Послушайте: да они приличный тостер сделать не могут!

- Ракеты у них хорошо получаются!

- Вы когда-нибудь видели такие телевизоры? Или... - Я положил клавиатуру и взял тот загадочный лист пластика: - Вот это что такое? Ничего подобного нет даже у НАСА!

Оторвав взгляд от трех человек в дверях, Арно немного повернул голову к оборудованию на столах. Кажется, он впервые обратил внимание на что-то, кроме ракет.

- Это аэрофотосъемка...

- Ночью? Одновременно с происходящим на земле? - Тут мне в голову пришла новая мысль. Я повернулся к Хельге. - Это... это ведь из космоса, так?

Она неохотно кивнула.

- Да, мы используем спутники... Гораздо более сложные, чем те, что

есть у вас или у Советского Союза. Радиолокационное изображение высокого разрешения...

- Не слишком увлекайся, - тихо прервал ее Алекс.

- Ладно, не буду, - ответила Хельга. - Но Флойд прав. У Советского Союза нет таких технологий, как и у Восточной Германии. - Она поколебалась. - И ни у кого не будет... по крайней мере до определенного времени.

- Хельга... - Курт бросил на нее предупреждающий взгляд.

- Пускай говорит, - вмешался Алекс. - Лучше уж правда. - Он покосился на Курта. - И потом, это твоя вина: это ведь ты оставил дверь незапертой. Я же просил тебя быть бдительным. - Курт покраснел, и Алекс снова обратился к Хельге: - Продолжай.

Хельга глубоко вздохнула.

- Мы наблюдатели. Не шпионы, просто наблюдатели. Я не скажу вам, откуда мы, за исключением того, что это не место, которое существует в вашей системе времени.

- Наблюдатели... - повторил я, а затем припомнил слова лейтенанта как раз перед тем, как нас обнаружили. - Тогда это наблюдательный пункт, как я понимаю.

Она чуть заметно улыбнулась.

- Да, правильное название. Мы здесь обосновались, чтобы наблюдать и записывать, что произойдет - или сможет произойти - в данной конкретной точке.

- Что вы подразумеваете под «произойдет или сможет произойти»? - вскинул брови Арно. - Нам хотелось бы знать! - Курт пробурчал что-то под нос, возможно ругательство, и Хельга побледнела, как будто поняла, что сболтнула лишнее. - Эти ракеты, - продолжал лейтенант, - все это как-то связано, так ведь?

- Да. - Теперь настала очередь Алекса быть одновременно сдержанным и содержательным. - Есть, скажем так, определенные точки во времени... когда существование человечества висит на волоске и его будущее зависит от действий немногих. И настоящий момент как раз один из таких случаев. Тем не менее все относящиеся к делу факты записываются не всегда. Из-за этого последующим поколениям остается лишь гадать, что могло бы произойти, изменись ситуация совсем немного.

- История податлива, - сказала Хельга, - потому что время само по себе нелинейно. Любое отклонение - неважно, сколь малое - может вызвать громадные последствия, которые, в свою очередь, способны привести к появлению параллельных линий времени, в которых...

- Слушайте, все это меня не волнует. - Арно начал проявлять нетерпение. - Единственное, что имеет значение: русские складывают ракеты на Кубе и на них ядерные боеголовки.

У меня по спине пробежал холодок.

- Это правда? - спросил я. - В этих штуках есть ядерные заряды?

- Да, черт возьми! - лейтенант явно принимал меня за идиота. - Какой смысл размещать ракеты в ста километрах от нас, если на них нет ядерных боеголовок? - Он посмотрел на остальных в комнате. - Может, вы и не русские, но дела это не меняет. Я должен сообщить своим о происходящем!

Он двинулся к двери. Алекс встал у него на пути:

- Вы не можете...

Арно остановился и посмотрел ему в глаза.

- Не указывайте мне!

- Если о том, что известно вам, узнает еще кто-нибудь, это может привести... - Алекс умолк в нерешительности. - Слушайте, я не могу открыть вам, что произойдет, хочу лишь сказать, что любые изменения в данной линии времени могут оказаться катастрофическими.

- Прочь с дороги! - Арно сделал шаг вперед, и Алекс поднял руки, чтобы остановить его. Неверный ход: лейтенант прошел то же обучение рукопашному бою, что и я. Он схватил обеими руками Алекса за плечо, и в следующий миг тот был уже на полу, задыхаясь от боли. Курт начал было движение, но замер, когда лейтенант развернулся к нему. Какое-то время они смотрели друг на друга, потом Арно перешагнул через Алекса и спокойно вышел за дверь.

Хельга повернулась ко мне:

- Флойд, не дайте этому произойти!

Я был ошеломлен увиденным и не мог даже пошевелиться.

- Флойд... Послушайте меня. - Хельга бросилась через комнату и схватила меня за плечи. - Я сказала правду, - продолжала она, понизив голос, чтобы Арно не услышал ее. - Мы видели последствия в других временных линиях. Если ваш президент узнает о советских ракетах на Кубе слишком рано, это подтолкнет его начать вторжение или нанести упреждающий удар. Но ему неизвестно, сколько там ракет, и он не знает их точного месторасположения. А русский премьер разрешил своим офицерам на Кубе применить тактические ракеты против вторжения или выпустить ракеты средней дальности по США в случае авиаудара.

- Вы знаете, что произойдет, если это случится, - подключился Алекс. Курт помог ему подняться с пола и принялся массировать его вывихнутое предплечье. Алекс поморщился. - Кеннеди прикажет нанести ядерный удар по Советскому Союзу, Хрущев ответит запуском русских ракет стратегического назначения...

- Погибнут миллионы, - Хельга не сводила с меня глаз. - Мир, каким вы его знаете, будет уничтожен. Мы видели, как это произошло.

Я задыхался, ноги у меня подкашивались. С другого конца коридора до меня донесся шум открывающейся двери на балкон и быстрый топот Арно вниз по лестнице.

- Почему... Почему не можете вы?

- Мы не имеем права вмешиваться, - ответил Курт виновато, однако при этом чуть ли не смехотворно спокойно, словно всего лишь сообщал, что я просрочил книгу в библиотеке. - Неважно, что происходит: нам запрещено предпринимать какие-либо действия лично. - Он взглянул на Алекса и покачал головой. - Мы и так слишком напортачили. Когда мы посещаем критические события наподобие этого...

- Иди, - Хельга встряхнула меня за плечи, чтобы вывести из шокового состояния. - Ради всех, кого ты знаешь и любишь... Останови его!

Я оттолкнул ее в сторону и помчался к двери. Шагов Арно по лестнице уже не было слышно, а когда я оказался на балконе, появившийся луч маяка на секунду выхватил его на подъездной дорожке.

В спешке я едва не свалился с лестницы, и мне удалось нагнать лейтенанта, когда он уже дошел до дороги.

- Лейтенант, подождите! - закричал я, но он не остановился и даже не оглянулся. - Да стойте же! - Я тронул его за плечо, и он резко обернулся ко мне:

- Что вам надо?

- Мы... мы... - хватал я воздух, - мы не можем сделать это. Если мы расскажем...

- Энсин Мур, смирно!

Выучка взяла верх. Я вытянулся: плечи расправлены, руки по швам, ноги вместе. Он подступил ближе, так близко, что я почувствовал его дыхание на своем лице. Над нами снова пробежал луч маяка, и я увидел его глаза сантиметрах в десяти от своих.

- Энсин Мур, вы моряк военно-морского флота США.

- Так точно, сэр...

- Не слышу!

- Так точно, сэр!

- Как военный моряк вы присягнули защищать свою страну. Это верно?

- Да, сэр!

- Как вышестоящий офицер я приказываю вам следовать присяге. Мы пойдем на дирижабль, где вы обеспечите меня средствами отправки срочного шифрованного сообщения в разведку ВМС обо всем, что мы узнали! Вам понятно?

- Да, сэр!

- Замечательно. - Он отступил и развернулся. - Следуйте за мной.

Луч маяка снова прошел над нами, и в этот миг я увидел на обочине дороги сук, отломившийся во время шторма. Сомнений у меня не было. Я знал, что должен сделать.

Я нагнулся и подобрал сук. Он был размером с бейсбольную битую и такой же крепкий. Я взял его двумя руками и с размаху ударил

лейтенанта по затылку. Раздался глухой стук, дубинка отдалась у меня в руках. Арно хрюкнул и пошатнулся вперед, но прежде чем он смог как-то отреагировать или даже обернуться, я поднял сук над головой, бросился вперед и обрушил второй удар на череп лейтенанта. Тот издал сдавленный звук и рухнул, но, едва лишь коснулся земли, как я снова ударил его по голове.

И еще раз.

И еще.

При новой вспышке маяка я увидел, что он умирает. Он лежал лицом вниз, раскинув руки. Весь его затылок был в крови, и она вытекала из-под него, окрашивая дорожное покрытие черным. Я не видел его лица, лишь слышал сдавленные хрипы, пока он выпускал дух. Я снова поднял дубинку, однако не ударил, увидев, как его руки дернулись пару раз, потом он тихо вздохнул и замер.

Я все еще смотрел на него, когда Хельга взяла меня за локоть.

- Мне так жаль, - прошептала она. - Мне очень, очень жаль...

Я кивнул. Потом отбросил сук, отошел в сторону, и меня вырвало.

* * *

История гласит, что Карибский кризис унес жизни лишь нескольких человек: пилота американского У-2, сбитого над Кубой советской зенитной батареей, и русских солдат, погибших, когда их грузовик сорвался с горной дороги и скатился по откосу.

Был, однако, и еще один погибший: лейтенант разведки ВМФ США Роберт Арно. Пускай он и не числится в скорбном списке.

Хельга отвела меня назад в дом, где я вымылся, пока она выводила пятна крови с моей рубашки. На кухне нашлась бутылка шотландского виски, и я выпил тройную порцию, даже не запив водой.

Чуть позже вернулись Курт и Алекс. Я заметил, что они сняли обувь и закатали брюки, а их ноги в песке. Они мне все рассказали. И что сделали с телом Арно, и как забросили в лес мою дубинку, и как смыли кровь на дороге, натаскав в ведре морской воды с берега. Для меня сочинили алиби, которое звучало вполне правдоподобно, и мы повторили его несколько раз, пока я основательно не запомнил. Я выпил еще: мне было это необходимо и к тому же являлось частью моего алиби, а потом надел рубашку и ушел.

Когда я вернулся в Мэтью-Таун, было уже совсем поздно. Ресторан закрылся, стояла тишина. В одном из гостиничных номеров светилось окно, там резались в покер, но меня никто не заметил. Когда я проник в свой номер, Красавчик Джимми громко храпел и даже не проснулся, пока я в темноте раздевался и забирался в кровать.

Мне долго не удавалось заснуть.

Капитан Джеррард устроил подъем вскоре после рассвета, переходя от номера к номеру и колотя в двери. Тогда-то и обнаружилось отсутствие лейтенанта. Его постель была застелена, а вещмешок нетронут. Все помнили, что он и я вышли из бара вместе, поэтому капитан спросил меня, не видел ли я его после этого.

Я сказал капитану, что Арно заинтересовался девушкой, с которой мы познакомились в баре, и мы вдвоем пошли к ней в дом, где она остановилась со своим кузеном и другом. Мне не хотелось сопутствовать ему, объяснял я, но лейтенант перебрал, и я составил ему компанию, чтобы он не влип в какую-нибудь историю. К сожалению, именно это и произошло: увидев Хельгу, Арно устроил скандал, требуя, чтобы она вернулась с ним в бар, и в итоге Курт и Алекс вытолкали его за дверь. Я остался, чтобы извиниться, однако мой визит затянулся, и я еще немного выпил с ними. После этого я лейтенанта не видел... А разве что-нибудь случилось?

Капитан Джеррард вызвал полицию и сообщил, что пропал член экипажа. Примерно через час начальник полиции принес в гостиницу шокирующее известие: лейтенант мертв, его тело обнаружено на берегу за окраиной города. Судя по всему, его забили до смерти, а затем оттащили тело на берег. Отпечатки ног на песке свидетельствовали о том, что на него напали два человека - вероятно, когда лейтенант возвращался в город. Его часы исчезли, и хотя на берегу нашли бумажник, денег в нем не было. По версии полиции, Арно оказал сопротивление, и тогда грабители убили его.

Поскольку я был последним, кто видел лейтенанта живым, мне пришлось повторить свой рассказ несколько раз. И сделать это снова перед флотской комиссией по расследованию убийства. Я помнил свое алиби назубок и тщательно следил, чтобы не отклониться от заученной версии, поэтому меня ни в чем не заподозрили. Когда же полиция явилась в дом, трое отдыхающих орнитологов полностью подтвердили мои слова: лейтенант приставал к Хельге, и Курт с Алексом прогнали его, позволив мне остаться ненадолго, потому что я понравился Хельге.

Убийц так и не нашли, но в Мэтью-Тауне это никого не удивило. Преступность на Большом Инагуа была низкой, а когда что-нибудь все-таки случалось, в этом обычно обвиняли гаитянцев, которые периодически наведывались туда на лодках с Эспаньолы. Подобное объяснение вообще распространено по всем Багамам: в нераскрытом преступлении всегда были виноваты гаитянцы. Флотское расследование в конечном итоге пришло к такому же заключению: лейтенант просто оказался в неподобающем месте в неподобающее время, а убийц интересовали лишь его часы и деньги.

Менее чем через две недели после смерти лейтенанта президент Кеннеди узнал, что СССР разместил ракеты с ядерными боеголовками

на Кубе. В последующие девять дней Америка и Россия вели опаснейшую битву умов, готовые начать войну, в которой не могло быть победителя. В конечном итоге Кеннеди и Хрущеву - людям, которые знали и войну, и ее последствия не понаслышке, - удалось взять верх над «ястребами» с обеих сторон и достигнуть дипломатического соглашения: в обмен на обещание, что Соединенные Штаты прекратят попытки устранить Кастро от власти и будут уважать суверенный статус Кубы, СССР выводит оттуда свои ракеты.

«Центурион» вернулся на Ки-Уэст задолго до всего этого. Он вылетал еще только один раз: проследить, чтобы во время кризиса русские подлодки не появлялись у Атлантического побережья. А в следующем месяце ВМС решили приземлить свои дирижабли навсегда. Так что «Центурион» спустили в последний раз, а его гондола в конечном итоге оказалась в авиационном музее в Коннектикуте. Меня перевели на корабль ВМС США «Лексингтон», где я служил офицером, специалистом по связи, до самой отставки.

Мне дали почетную отставку. Я усмотрел в этом своего рода иронию. Однако я так никому и не рассказал о той ночи, хотя воспоминания преследовали меня годами. Правильно ли я поступил? Я предпочитал думать, что да - хотя бы лишь потому, что это помогало успокоить совесть. Однако то, что сказала Хельга, изводило меня столь же сильно, как и само убийство.

«История податлива, - сказала она, - потому что время само по себе нелинейно». То есть выходит, существовало - существует - несколько исходов событий октября 1962 года. Зависят ли эти альтернативы - которые Хельга, по ее словам, действительно видела - от того, что сделал или же не сделал я? Или же смерть лейтенанта была лишь происшествием без отдаленных последствий? Этого мне никогда не узнать. Однако есть и еще кое-что.

Несколько лет назад я переехал в небольшой поселок под Колорадо-Спрингс и недавно посетил в городе своего врача. Меня возил сын - он заботится обо мне после смерти моей жены. У него самого были там кое-какие дела. Покинув кабинет врача, я направился в ресторан, где мы договорились пообедать. Болезнь еще не приковала меня к постели, хотя я и вынужден полагаться на ходунки и кислородный баллон, чтобы ходить.

Стоял полдень, и тротуары были запружены, в основном куда-то спешившими конторскими служащими. Я уже почти добрался до ресторана, когда рядом со мной распахнулась входная дверь многоквартирного дома и из нее вышла девушка.

Это была Хельга. В этом я абсолютно уверен. Я не забыл ее лица даже спустя все эти годы. Хотя она была с другой прической и в деловом костюме, но не состарилась ни на день. Как будто прибыла

прямо с Большого Инагуа, сделав по пути лишь короткую остановку в модном магазине и парикмахерской.

Естественно, она меня не узнала. Ведь я всего лишь больной старик, согнувшийся над ходунками, да со вставленной в нос кислородной трубкой. Она прошла мимо меня и исчезла, прежде чем я смог что-либо сказать.

Значит, она здесь, в нашем времени. Но почему?

Подумайте над этим: в горе Шайенн, как раз близ Колорадо-Спрингс, располагается ставка НОРАД - Центра объединенной системы противовоздушной и противокосмической обороны Северной Америки. С 1966 года штаб военно-воздушных сил управляет американской стратегической обороной из подземного комплекса, спрятанного глубоко в недрах горы. И если суждено разразиться глобальной ядерной войне, об этом прежде всего станет известно здесь.

Быть может, это лишь совпадение, что я встретил Хельгу снова. А может, и нет. И я боюсь прожить достаточно долго, чтобы узнать наверняка.

Перевел с английского Денис ПОПОВ

© Allen Steele. The Observation Post. 2011. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's» в 2011 году.

ЮДЖИН МИРАБЕЛЛИ

ПОГОВОРИМ ПО-ИТАЛЬЯНСКИ?

Ю Д Ж И Н М И Р А Б Е Л Л И

ПОГОВОРИМ

ПО-ИТАЛЬЯНСКИ?

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

1.

Как-то утром в понедельник Саманта заметила, что льющаяся из крана кухонной мойки вода стала издавать некие дополнительные, необычные звуки.

- Ух ты, вода из крана на кухне журчит как-то по-другому.

Сай замер и прислушался.

- А по мне так все нормально. - И принялся намазывать масло на тост. Саманта перекрыла воду.

- Раньше кран таких звуков не издавал, - произнесла она озадаченно.

- Звучит, как обычно, - возразил Сай. Он поселился у Саманты примерно месяц назад. - Именно так, как и должна звучать льющаяся из старого крана вода: буль-буль-буль.

Он поднял пустую чашку, намекая на то, что неплохо бы ее наполнить.

- Да, но внутри обычного журчания можно различить еще какой-то звук, - настаивала Саманта. Она принесла кофейник, вернулась к мойке и снова пустила воду. - Неужто ты не слышишь кроме журчания еще и другие звуки - как бы за ним или внутри него?

Сай покосился на мойку, в течение нескольких мгновений прислушивался, потом покачал головой.

- Глюки... Начинаешь слышать голоса в голове?

Саманта закрыла кран, вернулась за стол и какое-то время молча пила кофе.

- Это итальянский, - с улыбкой провозгласила она и поставила чашку на стол.

- Ты купила итальянский кофе?

- Нет, я о звуках в воде. Это звучит, как будто кто-то говорит по-итальянски. Как я сразу не догадалась!

Сай тоже поставил чашку и внимательно посмотрел на Саманту.

- Ты говоришь по-итальянски?

- Нет. Но отец всегда хотел, чтобы я научилась. Сам-то он говорил свободно.

- Тогда откуда ты знаешь, что кран разговаривает на итальянском?

- Потому что это так звучит. Необязательно самому разговаривать на каком-то языке, чтобы распознать его звучание.

- И ты полагаешь?..

- Да, именно. Не правда ли, поразительно?

Сай какое-то время пристально глядел на нее. За месяц он успел изучить ее странную небрежность по отношению ко всему на свете (ну вот, например, прямо сейчас ее заколка для волос расстегнулась и болталась на локоне, а она этого не замечала) и еще более странные представления, вроде того что растения на подоконнике растут быстрее, потому что она с ними разговаривает. А теперь она вообразила, что звуки, издаваемые струей жидкости, - это слоги языка, которого она не понимает.

- Все это можно исправить, - сказал он наконец. - Вызови сантехника.

Сай поднялся, перебросил ключ от машины с одной ладони на другую.

- Ну, мне пора. А ты все же вызови водопроводчика.

- Нет-нет, - торопливо возразила Саманта. - Мне это нисколько не мешает, и вообще...

- А если ты и дальше будешь все это слышать? - спросил Сай, снимая с вешалки куртку.

- Меня это ничуть не беспокоит, - ответила Саманта. - А ты вообще ничего не слышишь. Так пусть оно все остается, как есть.

Сай надел парку на гусином пуху и уже натягивал перчатки.

- Ладно, - согласился он, вскользь поцеловал ее в щеку и вышел.

2.

Сай и Саманта впервые встретились на конференции по технологиям в Кеймбридже, штат Массачусетс, на каком-то приеме. Саманта в белом платье, которое она сама сшила (чем и объяснялся его несколько корявый вид), стояла за столиком с кофе, и Сая потянуло к ней так же естественно, как человека, видящего криво висящую картину, тянет ее поправить.

Он поздоровался и сказал:

- Я занимаюсь нанотехнологиями.

Саманта какое-то время ожидала продолжения, а когда его не последовало, проговорила:

- О, это должно быть очень интересно...

Сай улыбнулся и не дал ей закончить:

- У вас сережки непарные.

Саманта подняла руку, тщательно ощупала одну серьгу, потом другую.

- Ой! Вы правы. Как глупо.

- Могу я предложить вам бокал вина? - спросил Сай.

Она растерянно улыбнулась, как будто это ее поразило.

- О, вы так добры. Но нет, не надо.

Сай шлепнул себя ладонью в грудь и назвал себя:

- Сайрус Кляйнер, для друзей - Сай.

- А я Саманта Джиардино.

- Прекрасное имя, Сам.

Саманта даже отважилась возразить:

- Вообще-то, я предпочитаю, чтобы меня называли...

Но Сай ее перебил:

- У вас какая специализация?

- Специализация? - переспросила озадаченная Саманта.

- Ну, вот я занимаюсь нанотехнологиями в Массачусетском технологическом. А вы?

- А! - засмеялась Саманта. - Я кондитер в кафе «Монделло».

- В самом деле? - Сай был поражен. - Э-э... ладно. Все в порядке. Тут совершенно нечего стыдиться. Но как вы попали на эту конференцию? Она организована для ученых, не для красоток. - Тут он улыбнулся, давая понять, что определение «красотка» относится именно к ней.

- Нас наняли. Кафе «Монделло» довольно часто обслуживает такие мероприятия.

Бретелька лифчика Саманты соскользнула с плеча, но она тут же запихнула ее на место.

- Извините, иногда случаются такие вот аварии. Расскажите про эти ваши на-на-технологии.

- Нанотехнологии? - Сай рассмеялся и подумал, что она прелестна. - Нанометр - это миллиардная часть метра, а нанотехнология - это все, что касается работы с очень маленькими штуками, вроде молекул и атомов.

Сай рассказал ей еще много чего о нанотехнологиях, не все, конечно, и не прямо здесь, на месте, а позже, тем же вечером, за обедом в ресторане «Ганди».

Пока они поглощали овощное карри, Сай рассказывал про свою докторскую диссертацию, посвященную выращиванию хлорофилла в воде, и что его урожайность зависит от интенсивности освещения, потому получается, они собирают световой урожай...

- Урожай света, - восхитилась Саманта. - Это круто!

...и про свои успехи в «молекулярной мастерской» в Беркли, где он со своей командой работал над наномембранами для опреснения воды. И что как раз на этой неделе он, собственно, и перебрался из Калифорнии в Массачусетс, чтобы участвовать в проекте по очистке воды. За десертом из кулфи*⁷ Саманта узнала, что через несколько лет человечество начнет испытывать нехватку пресной воды, поскольку ее запасы на планете подходят к концу...

- А вот это уже не круто, - расстроилась Саманта.

... поэтому так важен проект, в котором он участвует.

Саманта не решилась заговорить о пирожных и прочей выпечке: вдруг это покажется ему скучным... но когда они пили сладкий индийский кофе с молоком, все же рассказала немного про своего брата, его жену и их новорожденного ребенка и что они переехали в Коннектикут, а она навещает их по выходным. Уже на улице, прощаясь, она успела рассказать ему про свою лучшую подругу, с которой они вместе снимали квартиру, пока та не вышла замуж в июне этого года и не перебралась в Аризону. Саманта немного опасалась, что это звучит, как признание в одиночестве, - но ведь так оно и было? - однако к ее облегчению Сай на все это вообще не обратил внимания.

3.

⁷ * *Кулфи* - разновидность индийского мороженого, в состав которого входят, в частности, кардамон и фисташки. (Здесь и далее прим. перев.)

Ну, Сай любил Саманту, может, и не с такой силой, как месяц назад, но она ему все еще нравилась. Его прежняя подруга, оставленная в Калифорнии, была бухгалтером-криминалистом и могла учуять тридцатидолларовую приписку в трехмиллионном бюджете. Жить с ней было трудно. А с Самантой, как сказал бы сам Сай, жить было легко. И хотя он никогда этого не высказал бы вслух (с ней, кстати, и в постели тоже было легко), но сам все понимал. Правда, в таком ее беззаботном и слегка отстраненном отношении ко всему на свете имелась и теневая сторона: она зачастую забывала об опрятности и аккуратности, а на кухне всегда царил хаос. Сай пытался это поправить, но без особого успеха. В обшарпанной старой мойке постоянно грудились кружки, кастрюли, тарелки и миски, да еще ножи для разделки мяса, молотки для отбивания вырезок, ложки и ситечки, а то и какие-то шпатели и бутылки. Даже и отмытые до блеска, они подолгу оставались в раковине, пока на Саманту не находило вдохновение разложить все это по местам.

Но готовить она любила и в этом была мастером. Сай не раз наблюдал, как Саманта раскатывает тесто, доводя его толщину до листа бумаги, затем покрывает сливочным маслом, сворачивает, снова раскатывает, снова покрывает маслом, снова сворачивает и раскатывает - и так в течение часа, не меньше. А задвинув противень с этой маслянистой заготовкой в духовку, она никогда не пользовалась таймером, всецело полагаясь на инстинкт, и, открыв дверцу, извлекала почти прозрачные золотистые листы, которые превращала в деликатесы, промазывая всевозможными кремами, украшая цукатами и посыпая сахарной пудрой; а затем, угощая других, не забывала и себя, возмещая унции и фунты, потерянные, когда она в поте лица раскатывала тесто. Но фигура у нее оставалась превосходной. Или, если уж придирааться, была бы таковой, сбрось она дюжину фунтов или даже всего десяток - да, десяти фунтов хватило бы.

Девизом Массачусетского технологического было «Mens Sana In Corpore Sano», то есть: «В здоровом теле - здоровый дух», и Саю этот девиз нравился. Он и раньше подумывал, что если Саманту приучить к дисциплине тела, то это автоматически повлечет за собой и дисциплину разума. А вот теперь Саманта заявляет, что вытекающая из крана вода говорит по-итальянски. И если она не свихнулась (вообще-то, чокнутой была, скорее, его калифорнийская подружка), то ей все равно не помешает развить мыслительные способности и укрепить разум. Поэтому у себя в лаборатории Сай первым делом открыл в телефонном справочнике раздел гимнастических залов и отыскал одно заведение неподалеку от кафе «Монделло», в котором имелась секция аэробики «Крутые пышки». И записал Саманту в эту секцию: занятия - пять дней в неделю.

4.

В понедельник кафе «Монделло» было закрыто, и Саманта, проводив Сая, неспешно занялась мытьем оставшейся после завтрака посуды, прислушиваясь к новым звукам льющейся в раковину воды. Она чувствовала себя беспричинно счастливой. Если отстраниться от обычного журчания и бульканья, сфокусировать внимание на тех звуках, что за ними прячутся, и слушать внимательно, то можно разобрать неторопливый поток слов. Разумеется, она ни слова не понимала, но, как уже объясняла Саю, не обязательно знать язык, чтобы понять, что слышишь именно речь, состоящую из фраз. Кран она закрывала плавно и нежно, полагая, что было бы грубостью резко обрывать льющийся поток речи. Она проверила краны в ванной: сначала холодный, затем горячий, потом оба сразу. Каждый раз она внимательно вслушивалась, но то был лишь обычный шум, а когда спускала воду в туалете, тоже ничего необычного не заметила.

В спальне Саманта стащила заколку с волос (она носила ее только потому, что Саю это нравилось) и бросила на шифоньерку. Если бы ее кто-нибудь спросил, то Саманта со всей определенностью ответила бы: конечно же, Сай ей нравится, иначе она не позволила бы ему поселиться в своей квартире. Саманта до сих пор вспоминала, как он подошел к ней во время их первой встречи. И он каждый раз поражал ее, когда тщательно задергивал шторы, зажигал свечи и располагал подушки, перед тем как заняться любовью. И относил ее в постель на руках, правда-правда, и ей льстило, что нечто в ней продолжало его очаровывать, неважно что.

Поэтому Саманта ощущала некоторую вину, когда, бывало, ловила себя на том, что отдаляется от Сая, но она тут же оправдывалась тем, что его страсти хватит на них обоих.

И вот, расправив постельное белье - ну, почти расправив, она впрыгнула в ботинки, застегнула молнию на лыжной куртке и вышла на улицу, где ее встретили ледяной воздух, чистейшая голубизна неба и яркое солнце. Саманта прошлась по авеню, напевая что-то так тихо, что разобрать можно было, только очень тщательно вслушиваясь. В книжном магазине «Просперо» она приобрела самоучитель итальянского и направилась в кафе «Монделло», куда вошла через заднюю дверь. Положила книгу на полку, заперла дверь и, все так же напевая, приступила к исполнению своих нехитрых понедельничных обязанностей.

5.

Теперь каждое утро Саманта просыпалась в предвкушении двух приятных вещей. Первой был самоучитель, который она штудировала всякий раз, когда выдавалась передышка в кафе, а второй - встреча с Кейт Свифт, инструктором аэробики в секции «Крутые пышки». Саманта Кейт пышкой не была: когда она разделась до шортов и спортивного лифчика, Саманта увидела хорошо накачанный пресс и маленькие крепкие ягодички. И вообще она была прелесть. Саманте даже стало неловко за свою фигуру, и в первый день занятий она было принялась извиняться: «Я немного... я имею в виду, мое тело малость... Ну, вы сами видите». «А по мне так у вас прекрасная фигура, - ответила Кейт. - Наши упражнения, конечно, укрепят ваши мышцы, но главным образом они улучшают работу сердечно-сосудистой системы. На сердце будет падать меньшая нагрузка, и это хорошо. - Кейт улыбнулась. - Видимо, у вас и так большие нагрузки на работе...»

Большинство упражнений выполнялось под быструю, ритмическую музыку, и Саманте особенно нравился фрагмент, который Кейт сама сочинила, когда в свое время выступала с какой-то рок-группой. Саманта каждый раз приносила на занятия свою выпечку и угощала Кейт со словами: «Это вот почти не содержащие жира канноли»^{*8} или «Я вот тут кое-что испекла, скажите, если вам понравится...». Через неделю они уже завели обычай выпивать по бокалу вина в кафе «La Brasserie», а под конец второй Саманта пригласила Кейт отобедать в ее скромной квартирке пятничным вечером - к немалому удивлению Сая. Впрочем, все прошло прекрасно. Сай болтал с Кейт и был к ней внимателен и обаятелен на свой манер, хотя в самом начале слегка зациклился на долгом и нудном объяснении, насколько малой величиной является нанометр, который к метру относится так же, как мраморный шарик к планете Земля, или монетка в один цент к куче секстильярдов долларов, или как что-то еще к чему-то еще.

Тем не менее он слушал Кейт необычно внимательно, не перебивая, и был явно обрадован, когда выяснилось, что она тоже увлекается скалолазанием. Они поговорили про веревки и прочее снаряжение, и Сай даже предложил в шутку померяться силами в армрестлинге. В ответ на это Кейт рассмеялась и заявила, что уверена в его победе. К концу обеда щеки Сая запунцовели от выпитого вина, и он выглядел вполне довольным. Саманта вынесла на кухню грязные тарелки, а когда вернулась в комнату с кофейником, услышала, как Сай, заговорщицки наклонившись к Кейт, негромко говорит: «Сам думает, что ее кухонный кран разговаривает по-итальянски...».

- Не кран, - уточнила Саманта, обращаясь к Кейт. - Вода. Вода, текущая из крана. Причем только из кухонного крана.

⁸ * *Канноли* - пирожное с начинкой из взбитого творога.

- Но Сам даже не знает итальянского, - няябедничал Сай.

- Я его изучаю! - пылко возразила Саманта. - На работе. И Майя меня обучает. Она знает итальянский. А еще по книге. Майя говорит, что если я научусь говорить по-итальянски, это добавит нашему заведению атмосферы. Посетителям это понравится.

- А вы как думаете? - спросил Сай.

- Мне кажется, это правильно, - ответила Кейт. - В конце концов, это же заведение в итальянском стиле.

- Нет, я имею в виду кран, то есть воду, которая говорит по-итальянски.

- О, это восхитительно!

- Восхитительно? Но это же невозможно! - воскликнул Сай. - Вы верите в воду, болтающую на итальянском?

- Ну, я только что слышала, и мне тоже показалось, что это похоже на итальянский язык, - подтвердила Кейт.

Сай перевел взгляд с Саманты на Кейт, потом обратно.

- Где мой кофе? - спросил он немного резко. - Хотя бы кому-то из нас следует протрезветь, и мне сдается, что это должен сделать я.

- Твой кофе в чашке, - сказала Саманта.

Обед закончился около одиннадцати вечера. Сай вызвался проводить Кейт до машины, но она сказала, что не надо - машина на противоположной стороне улицы и ему нет нужды выходить на холод. На прощание Сай попытался ее обнять, но напоролся на своевременно протянутую руку Кейт, и ему пришлось ограничиться рукопожатием. Зато Кейт, обогнув его, обняла и поцеловала Саманту. После ее ухода Сай заметил, что грудь Кейт слишком мала и слишком высоко расположена. Вывод его был таков:

- Это потому что она весь день подвергается физическим нагрузкам, повторяя свои упражнения. А это приводит к нарушению гормонального баланса. - В голосе Сая сквозило раздражение. - И нам надо вызвать сантехника, - добавил он.

- Сантехника? Зачем?

- Чтобы исправить кран.

- Но с ним же все в порядке!

- Значит, не всё, раз он разговаривает с тобой по-итальянски. Ты знаешь, кого можно пригласить?

- Ладно, кого-нибудь вызову, - пообещала Саманта, но как-то равнодушно и как бы вскользь. - Да только никакого толку от этого не будет.

6.

Утром в субботу Сай умчался в лабораторию, чтобы закончить какую-

то срочную работу. Когда он вернулся в полдень, Саманта и тощий парень в голубых джинсах, почти полностью засунув головы в мойку, вслушивались в журчание воды, вытекающей из крана и разбивающейся о стоящие в раковине тарелки. Они повернулись, заметив появление Сая, и Саманта сказала:

- Сай, это мистер Авакян.

- Рад знакомству, - произнес костлявый парень, с улыбкой пожимая руку Сая.

- Вы водопроводчик? - спросил Сай, расстегивая молнию на парке.

- Мистер Авакян лингвист, - с гордостью заявила Саманта. - Он эксперт по языкам.

- Лингвист? Лингвист! Ты же должна была вызвать сантехника.

- Сегодня суббота. Я обзвонила весь город. Ни один водопроводчик не согласился иначе, чем за повышенную плату. Очень повышенную.

- А вы что, знаете, как чинить краны? - спросил Сай мистера Авакяна.

- Он знает все о языках, - пояснила Саманта. - Он преподает в колледже.

- Да? - Сай окинул взглядом тощего молодого человека в черной водолазке и с легкой бронзовой щетиной на подбородке. - И где же вы преподаете?

- В колледже кулинарных искусств, - ответил тот.

- И что же это за кулинарный техникум такой, где преподают лингвисты?

- Он находится здесь, в Кеймбридже, - с достоинством ответил мистер Авакян. - На Маунт-Оберн, неподалеку от Гарварда.

- Это там я научилась выпечке, - подхватила Саманта. - Не в Гарварде, конечно. В кулинарных искусствах. Поэтому я туда позвонила и спросила, знает ли кто-нибудь из тамошних преподавателей языки, и мне назвали мистера Авакяна и дали его телефон.

- Она сказала, что дело срочное, поэтому я и поспешил, - пояснил мистер Авакян. - А то бы я успел побриться.

- И она вам сказала, что кран разговаривает по-итальянски?

- Не кран, - возразил мистер Авакян. - Если вы прислушаетесь, то поймете, что слова произносит вытекающая из крана вода.

- Так значит, вода говорит по-итальянски?

- Это просто поразительно! - Авакян рассмеялся. - По-настоящему поразительно.

Сай снова застегнул молнию на парке и решительно заявил:

- Я иду за водопроводчиком.

Резко развернулся и вышел из дома.

После того как за Саем захлопнулась дверь, в кухне наступила долгая минута тишины. Потом Саманта задумчиво произнесла:

- А может, я и впрямь начинаю слышать воображаемые голоса? Может, у меня просто крыша едет?

Она смотрела в глаза мистери Авакяну, как бы желая прочесть в них ответ.

- Если два человека не слышат одно и то же, это не означает, что один из них сумасшедший. - Он сдержанно улыбнулся. - Скорее всего, один из них слегка глуховат.

- Сай не глухой, - возразила Саманта, но как-то уныло.

- Есть люди, не различающие цвета. Есть люди, не различающие тона. Вполне возможно, что он глуховат.

- Да?

- Некоторые даже с закрытыми глазами могут безошибочно определить, по какой клавише пианино вы ударили. Другие не услышат разницы между нотами до и ре, даже если их сыграть одну за другой. Таким людям кажется, что они слышат один и тот же звук, хотя для большинства это будут разные звуки.

Мистер Авакян сделал паузу: Саманта глядела на него с таким всепоглощающим вниманием, что ему показалось - она хочет что-то сказать. Но Саманта не произнесла ни слова.

- Некоторые не воспринимают тонкие звуковые различия, - продолжил Авакян. - Именно потому, что различия слишком малы. Вы мне говорили, что звуки, которые нужно было услышать, находятся как бы за звуком текущей, журчащей, плещущей воды или внутри него. Совершенно верно. Но воспринять их непросто. Для мистера Джиардино это невозможно. Или для других людей, похожих в этом смысле на мистера Джиардино.

Саманта рассмеялась и сделала жест рукой, как будто от чего-то отмахиваясь.

- Нет никакого мистера Джиардино. Его зовут мистер Кляйнер. Это я Саманта Джиардино.

- О! Э-э, так вы не...

- Не женаты? Нет.

- У вас такое прекрасное имя, Саманта Джиардино.

Мистер Авакян выглядел так, как будто что-то привело его в неопикуемый восторг.

- Вообще-то, мое полное имя Саманта Примавера Джиардино. Второе имя - это что-то вроде моей маленькой тайны.

- Саманта Примавера Джиардино, - повторил он, и лицо его прояснилось, Как небо на рассвете.

- Пожалуйста, зовите меня просто Саманта, мистер Авакян, - попросила она, протягивая руку.

- А вы меня, пожалуйста, Дзено, - ответил он, пожимая ей руку так, как будто они увидели друг друга первый раз в жизни.

После этого Саманта вновь открыла кран, и они оба склонили головы в мойку. Они экспериментировали, регулируя мощность потока и располагая в раковине под разными углами миски, ситечки и дуршлаг. Самое лучшее звучание получалось при средней силе потока, когда в мойке возвышались неровно штабелированные тарелки и миски, а на решетке стока стояло наклонно пристроенное ситечко.

- Это чистейший флорентийский диалект, - пробормотал Дзено, глубоко погрузив голову в раковину. - То, что мы слышали раньше, со всеми этими акцентированными звуками «у», я полагаю, был сицилийский говор.

- А что оно говорит? - спросила Саманта почти шепотом. Ее голова находилась рядом с головой Дзено. - Я по своему самоучителю еще не продвинулась дальше слов «аэроплано» и «туристика».

- Это песня, да, любовная песня из комической оперы.

Саманта предложила поэкспериментировать, помещая разные предметы непосредственно в струю воды. Она забросила в раковину виноградную кисть, и оба снова склонили головы, внимательно прислушиваясь. Сначала Саманта слышала только мягкое журчание воды, обтекающей виноградины, а затем ясно различила настоящее пение. Она повернула лицо к Дзено как раз в тот миг, когда он сам к ней повернулся. Их лица оказались в такой близости, что Саманта ясно видела, как блестит солнце на рыжих щетинках на его подбородке и в каких местах его нежные губы слегка потрескались от зимнего ветра. Она сделала движение, чтобы поцеловать его... нет, не сделала, а просто нерешительно прошептала:

- Мне кажется... мы... нам надо остановиться.

Дзено, схватившийся за край раковины, чтобы не провалиться в глубину этих темных глаз, ответил тихо, как будто ему не хватало воздуха:

- Мне тоже... так показалось...

Они медленно подняли головы, чтобы ненароком не задеть друг друга. Саманта испустила печальный вздох, нехотя перекрыла воду и смотрела, как Дзено натягивает свою тонкую поношенную ветровку. На пороге он повернулся к ней и сказал:

- Уверен, вы готовите превосходную выпечку.

- Я профессиональный кондитер, вот и все, - ответила Саманта.

- Но это же великолепно, это поразительно! - воскликнул Дзено, и видно было, что он говорит искренне.

- Выпечка? Что же в ней поразительного? Это ведь не наука.

- Это искусство, - твердо заявил Дзено.

Саманта немного растерялась.

- Немного найдется людей, которые могли бы такое сказать. Вы

действительно так думаете?

- Кулинарное искусство принадлежит к важнейшим и самым необходимым искусствам, - горячо проговорил Дзено. - Необходимо развитое воображение, чтобы придумать великолепное угощение, лакомство, которого еще не существует, и потом создать его. А сложность творческого процесса, отбор натуральных продуктов - свежих яиц, какого-то определенного сорта масла, особой муки, живых дрожжей! И смешать все это в строгих пропорциях, а дальше трансформировать, натирая, раскатывая, запекая, и все это за точно отмеренное время. У вас, должно быть, выдающийся талант к кулинарии! Уверен, вы делаете превосходную выпечку!

- Да, в кафе «Монделло». Делаю. Да.

Саманта рассмеялась, она чувствовала себя счастливой.

8.

Это было в субботу. А в воскресенье Саманта заметила, что вода, вырывающаяся из бачка в унитаз, тоже начала издавать новые звуки. Она специально несколько раз спустила воду, внимательно вслушиваясь. Горловые звуки не походили на какой бы то ни было из слышанных ею языков, но звучали раздраженно и злобно. Обычно сантехника таких звуков не издает. Саманта сомневалась, рассказать ли об этом Саю. С одной стороны, не хотелось его расстраивать, а с другой - она вовсе не желала, чтобы между ними были какие-то тайны. Поразмыслив и так и этак, Саманта решила ничего не говорить об этих странных звуках до тех пор, пока Сай не скажет, что нашел водопроводчика. И в глубине души она надеялась, что Сай его не найдет.

В понедельник после занятий аэробикой Саманта и Кейт отправились выпить в «La Brasserie». Сделав первый маленький глоточек, Саманта отставила бокал, наклонилась вперед и тихо произнесла:

- На днях я встретила самого чудесного мужчину. И не знаю, что мне делать.

- А в чем проблема? - спросила Кейт, тоже понижая голос.

- В воде. Я попросила его послушать воду, вытекающую из кухонного крана, потому что я не смогла вызвать водопроводчика. Так мы и встретились. Он послушал и сказал, что у Сая глухота в смысле различения тонов и что я не сумасшедшая.

- Пока не вижу, в чем затруднение, - заметила Кейт.

- Я думала о нем все утро, все долгое утро в кафе, а затем он вдруг возник за прилавком с выпечкой, как будто прямо из воздуха. Мое сердце так забилося, что я начала задыхаться. А в ушах послышался шум, как от ливня, и все в кафе как будто исчезло, и мы стояли там

вместе, только мы вдвоем, разговаривая в самой сердцевинке бури.

- Господи, чудесно! И о чем вы говорили?

- Все, что я помню, это канноли, сфольятелле и тирамису*⁹.

Они выпили и какое-то время молчали, потом Кейт спросила:

- И что ты будешь делать с Саем?

- Так вот в этом-то и проблема. Если мы расстанемся, это разобьет его сердце.

На это Кейт ничего не ответила. И заговорила, лишь допив бокал:

- Вот у меня сердце так никогда не билось. Возможно, именно в этом проявляется настоящая любовь, которой у меня никогда не было. В нашей рок-группе был один парень, и каждый раз, когда его видела, я чувствовала, как будто меня пронзала шпага, вот здесь, - Кейт ткнула себя в солнечное сплетение. - А он жил с одной из группы**¹⁰, девчонкой с вот такими губищами и с голубыми волосами, потому-то я и ушла из рока. После этого я какое-то время жила с одной женщиной. Бедное заблудшее создание, ну по крайней мере я так думала. Глупо с моей стороны.

- Как несправедливо: каждому достается не тот, кто ему на самом деле нужен, - заметила Саманта.

- Я намерена снова попытаться счастья с мужиками. Они не могут быть хуже баб.

Саманта и Кейт продолжали выпивать по бокалу всякий раз после занятий, и Саманта рассказывала, что Дзено приходит в ее кафе каждое утро купить круассаны и она поведала ему про угрожающие звуки в туалете. А Дзено ответил, что послушает эти звуки в субботу.

9.

На этой же неделе Сай узнал, как трудно отыскать водопроводчика для того, чтобы всего-навсего поменять кран. Сантехники сетовали на крайнюю занятость и божились, что раньше чем через три-четыре недели никак не смогут. Другие соглашались при условии, что будут менять всю сантехнику: трубы, краны, раковину, колена - иначе это пустая трата их драгоценного времени.

В обеденные перерывы Сай обзванивал ремонтные компании и частных с лицензиями, но так ничего и не добился. А в пятницу ему

⁹ * Сфольятелле (итал. sfogliatelle) - слоеное тесто, из которого делают как макаронные изделия, так и сладкие тортики. Тирамису - традиционное итальянское пирожное.

¹⁰ ** Группы (англ. groupie) - фанатка, поклонница той или иной поп- или рок-группы, повсюду следующая за командой и оказывающая музыкантам всевозможные, услуги, включая сексуальные.

позвонил некий специалист, отозвавшийся на один из прежних запросов, и сказал, что, да, он представляет «Ремонтную водопроводную компанию», а фактически сам и является этой компанией. Да, он может заглянуть в субботу около полудня и заменить кран. Сай спросил, есть ли у него лицензия. «Ремонтная водопроводная компания» ответила, что лицензии нет. На что Сай после секундного раздумья заявил:

- А, да пошло оно все в задницу! Приходите в субботу.

Он знал, что Саманте не хотелось менять кран, а этот сомнительный сантехник без лицензии может еще и не прийти, поэтому решил ничего не говорить, пока водопроводчик не появится на пороге.

10.

Между тем Саманта пригласила на субботу Кейт, и та с радостью согласилась. Сай, чувствуя, что остался в меньшинстве, решил выскочить из дома и прикупить сантехнический инструмент на случай, если придется менять кран самому. Как только он ушел, Саманта обратилась к Кейт:

- Я ничего ему не сказала и чувствую себя ужасно.

- Не сказала - что именно?

- И про воду, издающую злобные звуки, и про Дзено.

- Говорят, молчание - золото, - заметила Кейт.

- Будешь эспрессо с бисквитами?

- Непременно.

Послышался стук в дверь. Это пришел Дзено Авакян в своей тощей штормовке, улыбающийся и покрасневший от холода. Представив Кейт и Дзено друг другу, Саманта провела их в ванную комнату. Спустила воду в бачке, и они втроем слушали, как вращающийся поток мрачно рычит в унитазе: казалось, что либо кого-то тошнит, либо кто-то задыхается.

- Это ужасно, - проговорила Кейт, отступая назад.

Дзено, уставившись на унитаз, медленно покачал головой. Он еще раз спустил воду и прислушался внимательно, серьезно. Потом проделал это еще раз.

- Это турецкий, - сказал он наконец. - Очень вульгарный турецкий.

- И что же он говорит? - спросила Саманта.

- Ну, - Дзено явно колебался. - Я же сказал, это грубый сленг.

Непонятно было: щеки Дзено остаются румяными от холода или это он от смущения так зарозовел.

- Так все же, что он говорит? - переспросила Саманта. - Ты можешь перевести?

Дзено прочистил горло.

- Он говорит: «Как мне осточертело жрать все это дерьмо!». Вы понимаете, я употребил литературное слово «дерьмо», но в оригинале звучит гораздо более грубое выражение.

О, они понимают, ответили Саманта и Кейт.

- Эта штука настроена очень злобно, - сказал Дзено. - Очень.

- Похоже, это плохая новость, - раздумчиво протянула Саманта. Но затем просветлела лицом, улыбнулась Дзено и сказала: - Мы с Кейт намеревались попить эспрессо с бисквитами. Составишь нам компанию?

- Ну конечно! - ответил Дзено.

На кухне Саманта готовила кофе, Кейт расставляла на столе чашки, а Дзено просто сидел и слушал журчание стекающей в раковину воды. Тут распахнулась и вновь захлопнулась дверь, и перед ними предстал Сай с полными руками разнообразного добра, которое он тут же вывалил на стол. Ножовка по металлу, две отвертки, разводной ключ, плоскогубцы, сальник, машинное масло и новенький, сверкающий никелем кран. Сай выполз из парки и только тогда заметил присутствие Дзено.

- Вы здесь?.. - спросил он.

- Саманта попросила меня послушать звучание воды в смывке.

- Стоп, стоп! - воскликнул Сай. - Я догадываюсь. Вода в смывке тоже болтает по-итальянски.

- По-турецки.

- Вы знаете турецкий?

- Отец армянин, мама гречанка, мое детство прошло в Стамбуле, - пояснил Дзено.

- Ну, разумеется, унитаз говорит по-турецки! - воскликнул Сай, всплеснув руками.

- Моя семья уехала из Стамбула, как только представилась возможность, - добавил Дзено.

- Мы собирались попить эспрессо с бисквитами, - сказала Саманта.

- Отлично, - ответил Сай, усаживаясь. - Сначала мы попьем эспрессо, а затем я заменю кран.

- По правде говоря, я бы сперва заменила сантехнику в туалете, - сказала ему Кейт. - Она звучит ужасно. Чудовищное бульканье, как будто кто-то тонет в дерьме, задыхается и очень злобно по этому поводу негодует. И вот-вот взорвется.

- Я совсем забыла, - воскликнула Саманта, обращаясь то ли к Саю, то ли к Дзено, - сказать тебе об этом.

Развить тему она не успела, поскольку послышался стук в дверь, и Сай вскочил со стула, чтобы впустить атлетически сложенного молодого мужчину в свитере и стеганой куртке-безрукавке. Его длинные русые волосы были завязаны сзади пучком.

- Это «Ремонтная водопроводная компания», - провозгласил Сай.

- Дженс Стиллсен, - представился мужчина, поставив на пол обшарпанный чемоданчик для инструментов.

- Привет, Дженс, - слабым голосом произнесла Кейт.

Дженс Стиллсен пару мгновений молча глядел на нее.

- Привет, Кейт, - сказал он наконец.

- Вы что, знаете друг друга? - спросила Саманта.

- Да вроде играли в одной рок-группе, - ответила Кейт. - Туманные воспоминания давно забытого прошлого.

- Ты ушла от нас вместе с какой-то страхолюдной девкой. Помнишь?

- Что-то такое смутно припоминается, а ты жил с этой сучкой - забыла, как ее звали.

- Эй! - вмешался Сай. - Что здесь происходит? Вы займетесь сантехникой или нет?

- Для начала мы совершенно точно займемся эспрессо и бисквитами, - твердо заявила Саманта.

Дженс и Кейт негромко, но яростно продолжали освежать память друг друга.

- Мне ничего не надо, - произнес Сай с видом полного изнеможения. Он рухнул в кресло, опустил голову на столешницу и закрыл глаза.

Дзено наклонился к Саманте и прошептал:

- Может, мне следует уйти?

- О, нет, нет, нет и нет! - воскликнула Саманта, схватив его за запястье. Но тут же отдернула руку, как будто обожглась. - Я хотела, чтобы вы послушали, как льется вода из душа. Она тоже начала издавать новые звуки. Это то, что я забыла вам сказать. Вы можете послушать?

- Ну, разумеется, конечно же, да. А какой язык на этот раз?

- Мне кажется, что это французский, - сказала Саманта приглушенным голосом.

- Я изучал французский в средней школе.

Саманта и Дзено отправились слушать воду, вытекающую из душа.

Дженс уселся в кресло рядом с Кейт и продолжил ретроспективу:

- ...группы? Да нет. Нет, конечно. Она вечно визжала и швырялась, чем ни попадя. Это был настоящий ад. А что у тебя?

Кейт рассмеялась.

- Я так и не смогла привыкнуть. Я пыталась, видит бог, пыталась! Но это все равно что быть в постели с самой собой. Все, чего ни коснешься, ужасно знакомо. Это не могло длиться долго. Нет, она не визжала и не швырялась разными предметами, но она уделала три моих лучших свитера и единственную нитку жемчуга, которая у меня имелась.

Сай открыл глаза, выпрямился и полез в карман за мобильным телефоном.

11.

В ванной Саманта опытным путем установила, что струям, вытекающим из душа, нужно обо что-то удариться, прежде чем они начнут издавать быстрый и плавный поток французской речи. Когда она или Дзено держали в потоке кисть руки или (засучив рукав) всю руку, вокруг них в воздухе начинали звучать отдельные слоги, но они были так разрознены, что смысла уловить почти не удавалось.

- Не понимаю, почему не слышно целых слов. Раньше она произносила именно слова, - сказала Саманта разочарованно.

- Ну, цельных предложений я не слышал, но все же отдельные слова вроде звучат, - заметил Дзено.

- Добавлю-ка я горячей воды, - решила Саманта, поворачивая кран.

- Осторожно! - воскликнул Дзено. - Ты уже намочила блузку.

- Неважно. Я ее сама сшила, и сидит она плоховато.

- Ничего подобного, - возразил Дзено. - Она прекрасна и сидит превосходно. Но ты ее насквозь промочишь.

Саманта задержала на Дзено непонятный взгляд.

- Надеюсь, ты не подумаешь обо мне плохо, - сказала она наконец, - но, кажется, я догадалась, что нужно сделать, чтобы заставить воду говорить.

12.

На кухне Кейт Свифт и Дженс Стиллсен беседовали о своей бывшей рок-команде. Кейт сказала, что до нее дошли слухи о распаде группы.

- Что произошло? - спросила она Дженса.

- Майк перестал курить травку, но компенсировал это выпивкой и начал выходить на сцену пьяным. Нельзя в таком состоянии играть на клавишных. Ну, а Джим, должен сказать, никогда не был хорошим ударником. Так что продолжать было уже невозможно.

- А о том, чтобы сколотить новую группу, ты думал?

- Постоянно думаю.

Сай Кляйнер говорил в мобильник:

- Я знаю, что у нас с тобой разница в три часовых пояса, дорогая. Я тебе об этом сообщал каждый раз, когда ты звонила. Но выгляни в окно. Уже утро. Ты должна завтракать в это время. - После секундной паузы: - Ты права. Я забыл, что сегодня суббота. Прошу прощения.

13.

В ванной из душа били упругие струи горячей воды, клубы густого пара окутывали головы Саманты и Дзено, а запотевшее окно превратилось в расплывчатый прямоугольник туманного света. Дзено глядел, как Саманта расстегивает пуговицы на блузке, снимает ее и вешает на небольшой крючок на запертой двери. Когда она стала расстегивать лифчик, Дзено рванул свою рубашку так, что пуговицы брызнули в стороны и застучали по кафельному полу.

14.

В кухне Сай Кляйнер продолжал вещать в сотовый:

- Я знаю. Я понимаю. Бухгалтерское дело - это наука, такая же, как и нанотехнология. И такая же сложная. Может, даже и посложнее. И мне это стало ясно как никогда раньше. Что? Да, и я стал лучше понимать тебя. И я скучаю по тебе. Вот почему я позвонил, чтобы пригласить тебя. Я хочу, чтобы ты ко мне приехала. - Он какое-то время слушал, потом продолжил: - Без проблем. Я больше не живу в одной квартире с Сэмом. То есть я имею в виду, что когда ты приедешь, я уже буду жить в другой квартире. А Сэм уезжает в Новый Орлеан. Ему там предложили работу шеф-повара в одном ресторане.

Дженс Стиллсен спросил, сочиняла ли Кейт Свифт в последнее время какую-нибудь музыку?

- Да, наваяла несколько вещиц, - призналась Кейт. - И две-три из них получились вполне приличными, не стыдно людям показать. Но ты же знаешь, тексты я писать не умею.

- Зато я умею, - сказал Дженс.

- Да, я думала об этом.

- А у тебя все та же сдержанная загадочная улыбка, - проговорил Дженс, немного наклонившись к ней. Кейт, в свою очередь, подалась к нему, преодолев свою половину пути.

Сай Кляйнер продолжал говорить в мобильный:

- Милая, я всегда скучал по тебе. Всегда. Мне необходимо, чтобы рядом со мной была сильная женщина. Ты это знаешь. Я так рад, что ты приезжаешь!

15.

В ванной ничего не было видно из-за клубов пара и ничего не слышно из-за шума бьющей из душа воды. Вы, конечно, не могли бы их ни видеть, ни слышать, но вообразить-то можете, как они, сбросив одежды, стоят абсолютно голые, крепко обнявшись под хлещущими струями, прижавшись щеками и нашептывая друг другу самые

восхитительные слова, а обтекающая их вода поет о Париже, о Елисейских полях и о любви под весенними ливнями.

16.

Ну, что дальше, можете сами представить. Женщина Сая Кляйнера из Калифорнии, бухгалтер-криминалист, переехала на восток и поселилась с Саем в его новой квартире. Кейт Свифт перебралась к Дженсу Стиллсену, а к этому времени Саманта Джиардино жила уже у Дзено Авакяна. А чуть позже свихнувшийся сливной бачок в старом жилище Саманты действительно взорвался, разнеся вдребезги всю сантехнику и засыпав квартиру песнями.

Перевел с английского Евгений ДРОЗД

© Eugene Mirabelli. The Pastry Chef, the Nanotechnologist, the Aerobics Instructor, and the Plumber. 2011. Печатается с разрешения автора.

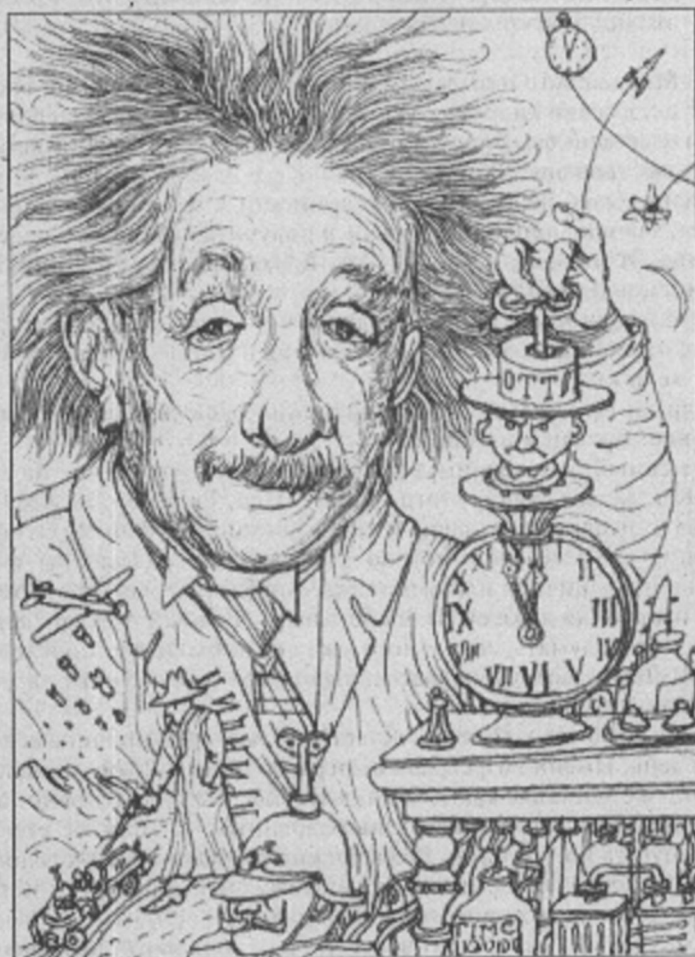
Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's» в 2011 году.

ПЬЕР ЖЕВАР

СКОЛЬКО ВСЕГО СЛУЧИЛОСЬ...

П Ъ Е Р Ж Е В А Р

СКОЛЬКО ВСЕГО

случилось...

Иллюстрация Андрея БАЛДИНА

Едва взявшись за перо, чтобы начать это повествование, я ощутил полнейшую бесполезность того, чем собираюсь заняться. И тем не менее я абсолютно уверен, что обязан написать этот рассказ, даже если его никто никогда не прочтет. Даже если вскоре я сам о нем и не вспомню. Поскольку все это не произойдет никогда.

Меня зовут Отто-Абрам Сиентсенхаль, я родился в Грогнице, в сотне километров к югу от Вены, где мой отец считался лучшим часовщиком. Впрочем, этот факт никак не связан с последующим повествованием.

Не испытывая ни малейшей склонности к благородной профессии отца, я решил продолжить учебу и получить в столице высшее образование. Император, старый Франц-Иосиф, назначил специальную стипендию для таких, как я.

В 1913 году я защитил диссертацию и получил должность преподавателя на кафедре современной истории в Линце. Впрочем, теперь это уже не важно.

6 февраля 1934 года полностью изменило мою жизнь, как и жизни миллионов мужчин и женщин.

В тот самый день француз впервые пересек Атлантику на дирижабле. Как же его звали, этого героя? Ах да, Гинемер, Жорж Гинемер. Все считали, что главный приз достанется фон Зихтгофену. В Берлине все уже было готово к празднику: развешаны флаги, включена праздничная иллюминация. Альберт, страстный германofil, от огорчения даже сказался больным. (Бедный Альберт! Кто бы сегодня мог подумать, что у него уже тогда были две нобелевские премии?) Да-да, воздухоплавательный спорт был его едва ли не самой большой страстью.

Но речь не об этом. Сегодня остается только одна причина вспоминать тот день. Именно 6 февраля император назвал нового канцлера.

Франц-Фердинанд, как и Франц-Иосиф, был, безусловно, большим тружеником, хотя и не столь одаренным. К тому же его идеи могли напугать кого угодно. Его чешские симпатии 1910-х годов понемногу соскользнули к систематическому антиславизму, к которому вскоре добавился животный антисемитизм.

А этот Адольф Гитлер не говорил ничего толкового. Многие годы он болтался в окружении артистов-неудачников, которыми кишмя кишела наша столица, пока в полной мере не развил ораторский талант. После этого он организовал подпольную группу и, сидя в тюрьме, даже успел написать книгу под названием «Мой протест». Кто бы мог подумать, что книжонка с таким названием будет иметь успех? Но нет же! Этот Гитлер завоевывал все большую и большую популярность, используя старый, как мир, способ: найти козла отпущения, у которого случайно оказалось две головы - славянская и еврейская. Но пока в Национальном собрании было достаточно депутатов от этих народов, его прокламации не представляли особой опасности.

Все изменилось после биржевого краха 1926 года и последовавшей вспышки безработицы. Политический вес Гитлера рос с каждым новыми выборами.

Тот день, 6 февраля 1934 года, когда под давлением императора этот

субъект был назначен канцлером, остался в памяти многих печальной датой.

Удивительно, но Альберт как бы ничего и не заметил. Все его внимание было поглощено полетом Гинемера и научными изысканиями. И в этом был весь Альберт. Способный вдруг загореться борьбой за правое дело, он на следующий день мог отгородиться от всего мира, зачарованный творениями своего блестящего интеллекта.

В тот самый день он собрался провести публичный эксперимент перед узким кругом венских интеллектуалов - представителей самых разных областей знания. Я тоже был приглашен - и в качестве друга, и как представитель исторической науки. Едва я закрыл за собой дверь, Альберт встретил меня словами, намертво отпечатавшимися в моей памяти: «Отто, я думаю, мы пошли за третьей!». Я понял, о чем идет речь - о третьей нобелевской премии.

- Взгляните на эти часы! - провозгласил он, не давая себе труда представить присутствующих.

Впрочем, я и так знал почти всех. И психоаналитика Фрейда, и того итальянца, с которым познакомился на прошлогоднем конгрессе в Триесте - он построил атомную батарею в помещении факультета естественных наук. Его называли Фремо или Ферми. Собралось еще много именитых гостей, люди искусства, журналисты.

Часы стояли на постаменте посреди лаборатории. Совершенно обыкновенные часы, разве что работающие на атомной энергии, так что Ферми и его помощники присутствовали здесь неспроста. И часы, и атомная батарея, занявшая место бывшего бассейна, имели весьма скромный вид.

- Эти часы были вчера установлены в присутствии мастера Захариуса, великого часовщика, и доктора Диеллиба, который пожелал лично опечатать их. То же время, секунду в секунду, мы выставили и на вторых часах, являющихся точной копией первых.

Пока Альберт объяснял все это, двое присутствующих один за другим привстали. Захариус мне заговорщицки улыбнулся; когда-то он был учеником моего отца.

Тем временем Альберт торжественно положил руку на какой-то предмет, накрытый тканью.

- А вот и вторые часы! - воскликнул он с неподобающим пафосом.

Он медленно снял ткань, открыв нашим взорам точно такие же часы и точно также опечатанные. За исключением одной детали: минутная стрелка отстала на три минуты.

- Смотрите! - воскликнул Альберт.

В ответ Фрейд заметил, что уже достаточно потерял времени на всякие пустяки. Демонстративно достал записную книжку и погрузился в свои заметки. Какой-то незнакомый офицер выразил удивление, что

часы мэтра Захаруса тоже могут отставать. Кто-то встал и, не попрощавшись, вышел. Альберт постучал о край стола, призывая всех к тишине.

- Часы мэтра Захариуса настроены самым лучшим образом, просто вторые отправлены в будущее на три минуты вперед, и эти три минуты пролетели для них, как одно мгновение, за которое стрелка просто не успела сдвинуться. Перед вами очевидное доказательство того, что путешествия во времени возможны. Необходимо лишь достаточное количество энергии.

Упала свинцовая тишина, которая тут же взорвалась бурей негодования. Кто-то громко упрекнул Альберта, что он перепутал шестое февраля с первым апреля. Все начали покидать лабораторию. И я не был ни первым, ни последним, кто так поступил. Честно говоря, тогда наши мысли занимало совсем другое: приход Гитлера к власти и то, что может последовать за этим.

Время пошло гораздо быстрее, чем этого хотелось бы. Фердинанд издал июльские законы, Альберт уехал в Париж, откликнувшись на приглашение Луи Перго возглавить кафедру в Сорбонне, оставшуюся вакантной после кончины мадам Кюри. До его отъезда нам так и не удалось увидеться.

Что касается меня, то я попробовал протянуть еще немного при новых законах. Но, будучи евреем, я в конце концов был вынужден уступить кафедру современной истории венгру.

Отныне только австрийцы, в чьих жилах не текло ни капли еврейской крови, мадьяры и чехи сохранили право преподавать в университете. Я же был вынужден удовлетвориться должностью преподавателя лицея.

За июльскими законами последовали майские декреты 1936 года. В то время как во Франции восторжествовала социалистическая революция, французы провозгласили равенство с жителями отдаленных колоний и сделали Дакар второй столицей, Австро-Венгрия погрузила своих граждан в еще большее неравенство. Как и многим собратьям по несчастью, мне пришлось отказаться от преподавания, и я стал служащим в городском архиве. Многие из моих бывших коллег предпочли изгнание. Но я был слишком привязан к Эмме и ее родителям, чтобы принять такое решение.

В 1939 году такие, как я, потеряли право занимать любые государственные должности. Надо было как-то выживать, к тому же возникла новая опасность в виде молодежных уличных банд - «арийцев», как они себя называли. Именно тогда на меня вышла подпольная организация.

Я знал, что эти люди помогают всем гонимым и преследуемым, но все же старался держаться от них подальше. После всего, что произошло, они казались мне одной из причин, по которым власти выдвигали

против нас столько нелепых обвинений. Тем не менее я решил с ними связаться в надежде, что мне помогут с отъездом, если дела пойдут уж совсем плохо.

Примерно в то же время я получил письмо от Альберта, он звал меня в Париж. Многие преподаватели уехали в университеты, открывшиеся в Африке и Индокитае, что предоставляло широкие возможности для научной работы. А еще Альберт спрашивал, могу ли я прихватить с собой кое-какие бумаги, забытые им при отъезде. Альберт оставил их в университете, а точнее, в шкафу лаборатории. Я немедленно направился за ними.

Но я упустил из виду, что для нас, евреев, все кардинально изменилось. Мало того что я лишился права преподавания, мне еще пришлось обзавестись особым паспортом, украшенным большой красноватой печатью. Этот паспорт надлежало предъявлять на каждом углу, а с 1938 года стало обязательным ношение желтой звезды.

Я снова увидел дверь, в которую входил сотни раз. Охранник-полицейский презрительно вернул мне паспорт и посоветовал уйти, пока мной не занялась какая-нибудь молодежная банда. Подобных случаев становилось все больше и больше. Старых профессоров и бывших служащих били и оскорбляли прямо на улице, причем никто даже не думал за них заступаться. Прохожие отворачивались, делая вид, что ничего не замечают, а императорская полиция не предпринимала никаких попыток арестовать дебоширов.

В тот же вечер я решил отправиться к Рольфу и Гертруде Оппенгейм. Мы работали вместе и находились в приятельских отношениях. Мы не виделись с тех самых пор, как меня отстранили от преподавания, но они всегда восхищались Альбертом - неужели они отказали бы ему в маленькой услуге?

Оппенгеймы жили все там же - в богатой квартире на Франц-Иосифштрассе. Оказавшись перед их дверью, я почувствовал невольный стыд за свой поношенный костюм и стоптанные, много раз чиненные туфли. Я позвонил. Дверь открыл незнакомый слуга. Из глубины квартиры слышались шум голосов и музыка, в которой я без труда узнал один из лучших романсов Шуберта. Несомненно, я пришел в разгар приема, в самый неподходящий момент. Горничная взяла мою карточку, сморщив нос от отвращения, будто говоря всем своим видом: «Меня бы очень удивило, если бы месье...» Но месье тем не менее вышел. Рольф очень изменился, постарел, его фигура заметно расплылась. Собственно говоря, я тоже мало был похож на себя двадцатилетней давности, в чудесном 1916 году. Мы тогда вместе проехали половину Европы, пересаживаясь с одного поезда на другой.

Рольф был откровенно раздосадован. Он принужденно улыбнулся и, бросив обеспокоенный взгляд в направлении залы, увлек меня за собой. Местом нашего разговора послужила крохотная комнатка у

входа, в таких обычно принимают поставщиков. В двух словах я изложил ему свое дело, и пока я говорил, лицо его принимало все более напряженное выражение. Из-за перегородки слышались взрывы смеха. Мне показалось, что я узнаю голос Гертруды. Рольф вздохнул.

- Я не могу, Отто, правда не могу.

Только сейчас я заметил на кармане его пиджака партийный значок.

- Понимаю, - разочарованно проговорил я. - Как Гертруда, все хорошо?

- У нее все прекрасно, она занята с гостями.

И не спросив ничего о моей семье и даже не предложив мне присесть, он взял меня под локоть и проводил к двери. От всей этой сцены меня едва не стошнило.

Конечно, я мог бы сообщить Альберту, что бумаги пропали, но, сам не зная почему, решил их заполучить во что бы то ни стало.

Я попробовал снова прибегнуть к помощи бывших коллег, но с тем же успехом. Один отказался, ломая руки и откровенно умирая от страха, другой оборвал разговор на полуслове. Мне ничего не оставалось, кроме как обратиться к подпольщикам.

Первую реакцию нельзя было назвать сочувственной. К Альберту там относились без особого восторга, а я сам лишь недавно примкнул к ним. Они ценили, что Альберт не стал сотрудничать с режимом, но упрекали его в том, что он слишком ушел в свою научную работу, вместо того чтобы активно выступать против внутренней политики императора.

В первый раз я заговорил о бумагах Альберта на собрании, которое прошло сразу после зальцбургской речи - той самой, когда Гитлер открыто объявил о своем намерении окончательно очистить Австро-Венгерскую империю от всякого еврейства и навсегда загнать славян в резервации.

«Естественно, - добавил он своим пронзительным голосом, - арийцы вовсе не дикари и будут действовать цивилизованными методами». И сказал, что лично проследит за тем, чтобы высылка евреев прошла с соблюдением всех прав, законности и, разумеется, «безо всякого насилия». Как будто приказ покинуть родную землю не был беззаконием сам по себе.

Исаак Левинский, наш руководитель, был резко против незаконного проникновения в университет, и неудивительно, что в моей просьбе отказали. Но, покинув собрание, я услышал за спиной чьи-то торопливые шаги. Меня догоняла молодая женщина. Там, на собрании, я едва обратил на нее внимание.

- А что это за бумаги, которые вы хотите раздобыть для господина Энштейна? Как я поняла, вы считаете их очень важными для нашего дела, - начала она без всяких предисловий. - Извините, я не

представилась: графиня Эстер Эгерхази.

- Разве вы еврейка?

- Неужели для того, чтобы противиться несправедливости, непременно надо быть еврейкой?

Я счел ее реплику несколько театральной и не удержался от улыбки. Эстер улыбнулась в ответ. Она была великолепна. На вид около тридцати, с молочно-белой кожей, миндалевидными глазами, что подчеркивалось очень сдержанным макияжем, волосы цвета черного агата собраны на затылке, что позволяло видеть уши с изящными мочками, украшенными жемчужными серьгами.

- Я могу вам помочь.

- Простите?

На мгновение я даже забыл о своих хлопотах, но эта фраза моментально вернула меня в реальность. Тут же я особенно болезненно почувствовал, насколько мы далеки друг от друга - изящная, благоухающая духами аристократка и полунищий оборванец, в которого я превратился.

- Я могу вам помочь, - повторила она. - Знаете, я ведь присутствовала на вашей последней лекции.

- В лицее?

- Нет, в университете. Я гораздо старше, чем кажусь. И я умею проходить, куда нужно. Просто скажите, что именно вы ищете, и я постараюсь это достать.

Некоторое время я колебался. Эффективная работа императорской полиции давно вошла в поговорку. Один шанс из двух был за то, что Эстер - секретный агент, которому поручено раздобыть бумаги Альберта. Но другого выхода у меня не оставалось. Сейчас я отдал бы все, что угодно, лишь бы еще хоть раз встретиться с ней. А тогда я как можно точнее описал, что нужно отыскать и где это лежит.

Прошла неделя, во время которой я буквально умирал от беспокойства и нетерпения. Наконец Эстер встретилась со мной и незаметно отдала пакет, заботливо упакованный в коричневую бумагу. После мы немного прошлись.

- Вы увидите господина Энштейна? - спросила она с самым простодушным видом.

Я едва не ответил ей утвердительно, но вовремя вспомнил, что мое путешествие должно сохраняться в строжайшем секрете.

- Нет-нет... - пробормотал я. - Мне всего-навсего поручено раздобыть эти бумаги.

- Если бы я осмелилась...

- Простите, о чем вы?

- Нет, ничего... Я только подумала, что моего мужа недавно назначили вторым секретарем императорского посольства в Париже. Говорят, что мэтр Перго любит устраивать совершенно грандиозные приемы, на

которые приглашает самых разных гостей: интеллектуалов, политиков, людей искусства и дипломатов.

Я осторожно взял Эстер за пальцы и наклонился, чтобы поцеловать их, но она остановила меня, взяв за плечи, и быстро поцеловала в обе щеки. При этом даже покраснела от смущения.

- Мне всегда так нравилась ваша манера преподавать...

Сказав это, она резко повернулась и исчезла в ночи.

Двумя месяцами позже я добрался до Парижа. Я был уверен, что раз выезжаю официально, никто не станет чинить мне препятствий. Но все оказалось не так-то просто, к тому же эмигрируя, я терял право вернуться назад. А деньги на дорогу пришлось занять у Эстер и ее мужа.

Наконец-то я был в безопасности - в богатой квартире на авеню Дю-Мэн, которую занимал Альберт со своей семьей.

Горничная принесла мне стакан портвейна, Альберт же поторопился проверить содержимое пакета, который я ему привез.

- Это связано с теми часами, отправленными в будущее?

- А, ты не забыл... С тех пор столько всего произошло...

Я прекрасно знал, что находится в пакете. Я не настолько глуп, чтобы вести документы с одного конца Европы на другой, даже не зная, о чем идет речь. Но должен признать, что за исключением нескольких страниц, посвященных эксперименту 6 февраля 1934 года, я почти ничего не понял.

Я подождал, пока горничная выйдет, и наконец-то задал вопрос, буквально висевший у меня языке:

- Альберт, ты и в самом деле веришь, что путешествия во времени возможны?

- Ну, разумеется, я же отправил те часы в будущее, хотя ты, как и все остальные, решил, что я немного не в себе.

Альберт произнес «не в себе» по-французски. Он в совершенстве изучил этот язык, и я подумал, что он уже получил французское гражданство и, скорее всего, принят в академию наук. Не за горами день, когда его изберут и во Французскую академию... Но больше всего меня тогда волновало совсем другое.

- Альберт, а возможно ли отправиться в прошлое и вернуться?

- Теоретически это не представляет особой проблемы, но на практике...

Я почувствовал, что сердце у меня перестало биться.

- На практике?

- Ну да, на практике это очень дорогостоящее предприятие, так как вместе с перемещаемым объектом нужно отправить вторую машину, которая должна будет его вернуть. А для этого потребуется гораздо больше энергии. Честно говоря, я не думаю, что такой туризм когда-нибудь станет легко осуществимым.

Я рухнул с небес на землю. Все ночи, проведенные под открытым небом и в случайных жалких пристанищах, я вынашивал свой проект, все время мысленно возвращаясь к нему. Но без путешествия в прошлое было никак не обойтись. И вот после всего этого Альберт заявляет мне, что дело не выгорит! В конце концов, я решил ему полностью открыться.

Альберт внимательно слушал - так, как умел лишь он, не перебив меня ни единым словом. Впрочем, не могу сказать, что он отнесся к этому с большим энтузиазмом. Ему совсем не нравилось, что его открытие может способствовать убийству. Но тем не менее ему пришлось согласиться, что мой план был наилучшим решением. Оставалась одна проблема - найти источник энергии. В Вене Альберт использовал атомную батарею Ферми. Но тогда всей ее мощности хватило лишь на то, чтобы переместить всего-навсего обычные часы на три минуты вперед. В то время как на осуществление моего проекта...

- Не думаю, чтобы мы и в самом деле смогли переместить человека, даже на самое короткое время. Но существует еще одна возможность, о которой ты, Отто, не подумал. Нет никакой необходимости отправляться туда самому. Достаточно лишь приоткрыть временное окно и заменить один предмет. А проблема возвращения решается при помощи самодвижущейся машины.

- Самодвижущейся?

- Ну да, той, которая может, как автомобиль, передвигаться со всем своим содержимым.

- А как скоро это можно осуществить?

- К сожалению, даже по самым скромным подсчетам потребуются месяцы. Надеюсь, ты понял, что, начиная с этого мгновения, вся эта история должна держаться в строжайшем секрете.

Последующие месяцы казались нескончаемыми. Я поддерживал контакт с Альбертом при посредничестве Эстер, когда она приезжала с мужем из Вены, которую я покинул тайно. Эмма тогда просто-напросто указала мне на дверь. А ситуация ухудшалась день ото дня. Поговаривали о погромах в районах Зальцбурга, Тимишоары, неподалеку от Балатонского озера и в Каринтии. В Турции правительство единомышленников Мустафы Кемаля устроило массовую резню армян, отправив большинство выживших в ссылку. Тем не менее оно же угрожало Империи военным вмешательством, если Гитлер не перестанет третировать евреев. Обстановка повсюду становилась все более и более напряженной.

В России царь Михаил призвал к власти Керенского, бывшего лидера социал-демократов, и сплошной фронт протянулся от Санкт-Петербурга до Мадрида, проходя через Берлин, где революционное правительство свергло старого кайзера и провозгласило республику.

Эта республика сразу же заключила долговременный союз с Францией ценой частичного возвращения областей, захваченных в 1871 году, а также разорвала дипломатические и торговые связи с Францем-Фердинандом. Принц Отто, который был мне симпатичен, так как носил то же имя, что и я, в свою очередь публично порвал со своим отцом и покинул страну. Это еще больше укрепило меня в моем решении.

С помощью подпольщиков я смог тайком навестить родные места. При поддержке славянской организации сопротивления я сделал все выписки и фотографии, которые нужны были Альберту, чтобы провести операцию.

Между тем время нас торопило. Наступил апрель 1943 года, когда Франц-Фердинанд ко всеобщему удивлению заявил о своей поддержке Сеутского пакта. Тогда обе стороны, подписавшие соглашение - Франко и Гамелен, внесли раскол в движение сопротивления против их правительств.

Все это было вовсе не в наших интересах. Альберт мне передал через Эстер, что его уже притесняют и держат на подозрении, так как он недостаточно однозначно осудил мятежников. Это могло значительно замедлить нашу работу.

Должен признаться, что я тогда всерьез упал духом и подумывал, не оставить ли эту затею. При этом я отдавал себе отчет, что в случае благоприятного исхода двадцатый век не останется в истории как эпоха мировой войны, которая приближалась семимильными шагами.

Японские войска произвели неожиданную высадку в Калифорнии, а через месяц Гамелен в Провансе заявил, что нужно срочно принимать самые экстренные меры.

- Если мы ничего не предпримем, - сказал он, - Земля скатится прямиком к катастрофе. Необходимо срочно объединиться, нельзя терять ни секунды.

Еще одним препятствием оказалось то, что Ферми встал на сторону национал-фашистского правительства Муссолини. Но у Альберта сохранилось достаточно связей, чтобы раздобыть необходимую энергию. Нам пришлось вновь эмигрировать, на этот раз в Германию, и это снова задержало осуществление наших планов.

Война уже шла и в Испании, и во французской колониальной империи, и в Соединенных Штатах, где американцам с большим трудом удалось остановить японцев на Миссисипи.

Муж Эстер был теперь послом в Рио-де-Жанейро, но она туда не поехала. Вскоре она передала, что находится под наблюдением и на какое-то время наше общение становится проблематичным. А потом я узнал, что ее арестовали.

В Берлине я показал пистолет знакомому оружейнику, которому, впрочем, не мог полностью доверять; оружейник объяснил, почему его

заклинило, и дал мне другой - точно такой же, но действующий.

В сентябре мы обосновались в Мюнхене. Товарищ Альберт (как называло его правительство Розы Люксембург) и я наконец-то достигли цели. От Мюнхена до границы империи было совсем недалеко, а немецкие власти располагали необходимыми нам запасами энергии.

Альберт устроил меня секретарем в университет на кафедру физики, и пока он отлаживал самодвижущуюся машину, я работал над координатами. Через подпольную организацию я переправил в Сараево временной маячок. Его установили в стене прямо над столом, в ящике которого лежал пистолет.

Тем утром я получил известие об Эстер; женщина, вместе с которой она оказалась после ареста, написала мне, что Эстер отправили в лагерь. Милена Йесенска, так звали эту женщину, не стала скрывать от меня, что положение заключенных там хуже всего, что только можно себе представить. Там была даже эпидемия тифа. Бедная Эстер! В том, что с ней произошло, есть отчасти и моя вина.

Наконец все было готово. Мы собрались в атомной лаборатории в Дахау. Все утро я думал об Эмме; сегодня, 8 мая, ее день рождения. Пусть Господь даст мне наконец забыть, что она сделала! Но через несколько минут все должно перемениться. Даже эти листы, на которых написано мое повествование, даже они не будут больше существовать.

Дело сделано. Франц-Фердинанд никогда не будет императором Австрии, никогда не призовет Гитлера к власти, и двадцатый век останется в истории как путь человечества к счастью и процветанию.

Я доволен собой. Чтобы действовать наверняка, требовался историк. И единственный возможный момент - неудавшееся покушение в Сараево 14 июня 1914 года. Сколько раз за эти годы мы сожалели, что пистолет Принципа дал осечку! И вот, пожалуйста, не позднее чем через десять минут, все будет исправлено. Гаврило Принцип останется в истории тем, кто убил Франца-Фердинанда, человечество будет жить в мире, и я здесь, в Дахау, наконец-то стану жить спокойно и счастливо, наслаждаться этим прекрасным весенним днем, даже не зная, какие опасности мне могли бы угрожать.

Перевела с французского Злата ЛИННИК

© Pierre Gevart. Comment les choses se sont vraiment passees. 2001.
Публикуется с разрешения автора.

ДЖЕК СКИЛЛИНСТЕД

ЦИФРОВОЙ ПУДЕЛЬ

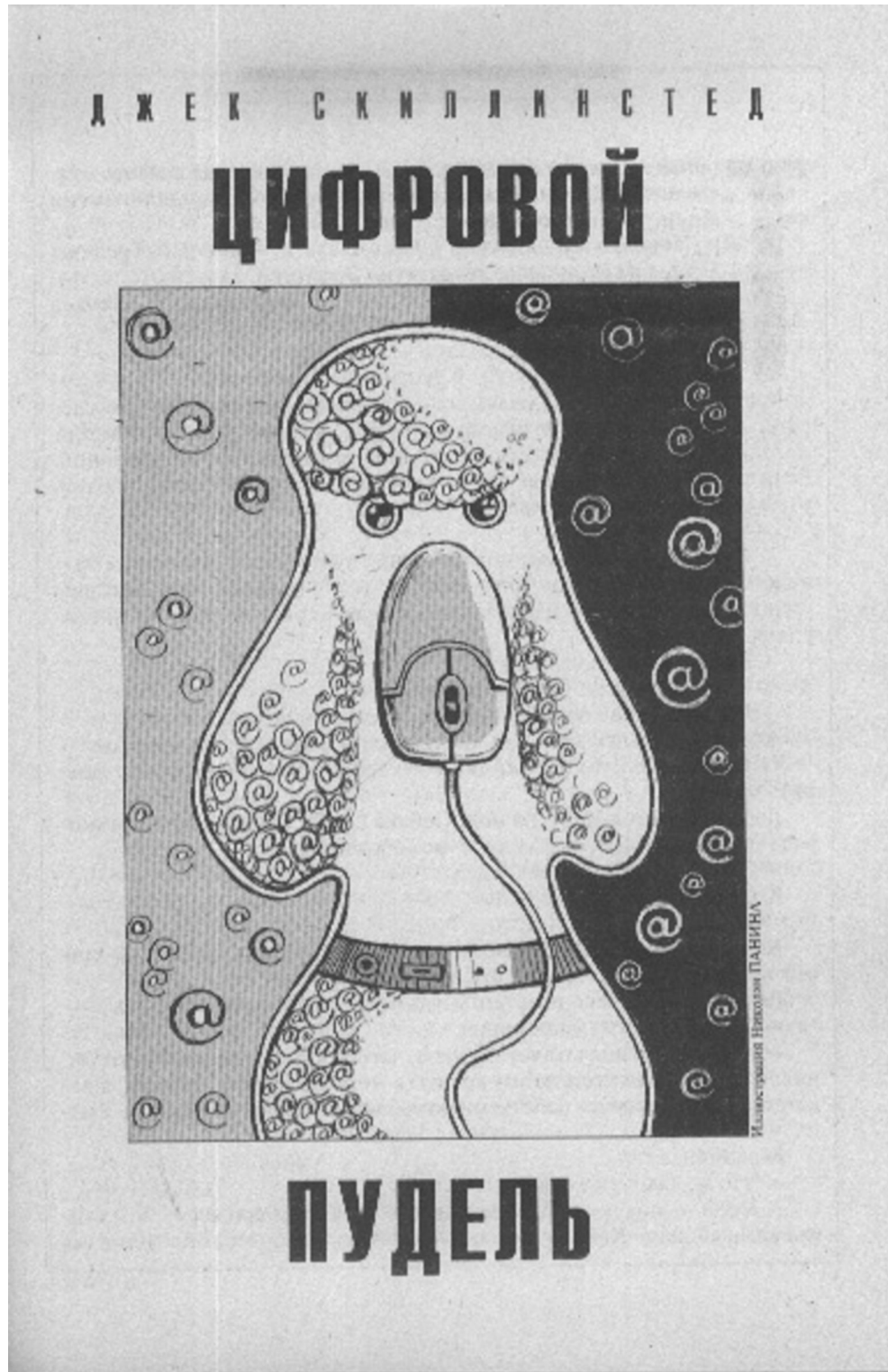

Иллюстрация Николая ПАНИНА

Трейвис Ларсон сидел в красном кожаном кресле в офисе своего адвоката и поглаживал пушистую голову пуделя по имени Кори, расположившегося у него на коленях.

- Неужели мы не можем ничего сделать? - спросил Трейвис.

- Она в своем праве, - ответил Беверман, адвокат.

- Но Кори - моя собака. В документе прописано, что она останется у меня.

- Она и останется.

- Да, но я хочу, чтобы Кристин удалила копию.

- Честно говоря, я не думаю, что мы можем заставить ее это сделать.

- Адвокат взмахнул рукой, и в воздухе возник договор о расторжении брака. - Здесь ничего не сказано о копировании информации. Если твоя бывшая жена решила оставить себе копию общей собаки, у нее есть на это полное право.

- Но...

- Слушай, я понимаю, что ты сейчас чувствуешь. Эти новые технологии застали всех нас врасплох. Но ты, по крайней мере, можешь утешать себя тем, что изначальная, самая первая Корки, останется у тебя.

- Кори, - поправил Ларсон.

- Кори. Конечно. Прошу прощения.

- Позволь тебе кое-что показать, - сказал Ларсон.

Адвокат закрыл файл, скомкав проекцию, витавшую в воздухе.

- Только если это не займет много времени. У меня встреча через пять минут.

Ларсон опустил Кори на пол. Собака села и внимательно посмотрела на хозяина. В ее глазах читалось обожание.

- Лапы! - скомандовал Ларсон.

Кори встала на задние лапы.

- И раз, и два, и три!

Кори принялась крутиться на месте, как балерина, пушистые уши отставали от головы на четверть оборота.

Беверман кивнул и натянуто улыбнулся, поглядывая на часы.

- Да, весьма... э... впечатляет.

- Я знаю, что впечатляет. И знаю, что ты уже это видел. Но ты понял не то. Я научил ее и этому трюку, и многим другим. Знаешь, я все детство мечтал завести собственную собаку. У сестры она была, а у меня - нет.

Беверман встал.

- Что ж, как я уже сказал...

- Кори - моя, - произнес Ларсон. - Я дрессировал ее, выгуливал каждый день. Когда я читаю или смотрю телевизор, она сидит рядом. Я забочусь о ней, и она меня любит. Думаешь, Кристин тратила свое время на Кори? Думаешь, она хоть раз налила ей в миску воды?

- Я бы не...

- Она никогда не делала этого. Поверь мне. Собака ее не интересовала. И оцифровала она ее с единственной целью - позлить

меня.

Беверман обошел вокруг стола и положил руку на плечо Ларсона.

- Трейвис, я знаю тебя уже давно и отношусь к тебе не просто как к одному из клиентов. Ты мой друг.

Кори положила лапу на ногу Ларсона. Когда тот поднял собаку и прижал ее к груди, Кори зарычала на Бевермана, и адвокат отступил.

- И как твой друг, - продолжил он, - я советую тебе бросить это дело. Договор не препятствует Кристин иметь копию. И даже если бы запрещал, распространение оцифрованной версии твоего пуделя уже не остановить. Смирись с реальностью: информация свободна.

Ларсон фыркнул, а Кори, почувствовавшая его настроение, начала выть.

* * *

Неделю спустя Ларсон поедал сэндвич с тунцом, сидя в Центральном парке. Обеденный перерыв, прекрасный весенний полдень, безупречно-голубое небо. Сняв пиджаки, люди прохаживались по дорожкам, кое-кто выгуливал собак. Ларсон уже почти выкинул из головы все свои невеселые думы об оцифровке, когда кто-то рядом с ним произнес:

- И раз, и два, и три!

Обернувшись, он увидел лысого мужчину в костюме, стоявшего неподалеку. Де Вриз. Они работали с ним в одной фирме.

Тот смеялся и хлопал в ладоши, а пудель танцевал перед ним на задних лапах, и уши отставали от головы на четверть оборота.

- И раз, и два, и три.

Ларсон сжал кулаки, выдавив тунец из сэндвича. Затем опомнился, выбросил остатки обеда в урну и вскочил, вытирая руки бумажным полотенцем.

- Трейвис! - воскликнул Де Вриз. - Посмотри на мою...

- Где ты достал эту копию?

- Разве не прелесть? Ее зовут Корки.

- Ее зовут не Корки.

- Пардон?

- Это моя бывшая жена тебя надоумила?

- Я не понимаю, о чем ты.

- Кристин дала тебе копию Корки? - Ларсон произнес искаженное имя собаки с такой гримасой, будто стремился избавиться от неприятного привкуса, оставшегося во рту.

- Честное слово, Трейвис, я понятия не имею, о чем ты говоришь. Корки лежит в свободном доступе.

- В свободном доступе?!

Де Вриз отступил, явно нервничая, а Корки так и продолжала крутиться на месте, пока хозяин не взмахнул рукой, заставив исчезнуть горстку дешевых наномашин, создававших идеальное трехмерное изображение.

- Трейвис, бога ради, да что с тобой сегодня такое? Если тебе нужна Корки - скачай себе копию. Их же полным-полно в интернете.

- Спасибо, у меня уже есть собака. И ее зовут не Корки!

Вернувшись домой, Ларсон позвонил Беверману, но отозвался автоответчик. Все аватары выглядели идеально точными копиями своих владельцев, а телефон, к сожалению, не показывал степень их компетентности.

- Кристин завалила копиями весь интернет. Уж теперь-то мы обязаны что-то сделать. Знаешь, сколько раз я увидел Корки, пока возвращался домой из офиса?

- Нет, но в данный момент со мной можно связаться лишь в случае крайней необходимости.

Ларсон закрыл глаза.

- Это и есть крайняя необходимость! - заорал он на бестолковую копию Бевермана, стоявшую на журнальном столике.

- Я с радостью запишу ваше сообщение во всех подробностях и представлю его себе, как только будет такая возможность. Расскажите...

Ларсон ударил ладонью по столику, рассеяв наномашинки, разлетевшиеся облачком блестящей пыли. Кори, настоящая Кори заскулила и лизнула его руку.

«Вот этого наномашинки не сделают», - подумал он, поглаживая голову пуделя.

Ларсон позвонил бывшей жене и попросил ее встретиться с ним в обед. Она работала адвокатом в крупной манхэттенской фирме и не любила, когда он звонил ей по служебному номеру.

- Я занята. Зачем мне встречаться с тобой? - спросила она.

- Потому что я хочу с тобой поговорить.

- Мы и сейчас разговариваем.

- Я хотел встретиться лично.

- Зачем?

- Господи, почему тебе надо все так усложнять?

- Не кричи на меня.

- Я не кричу.

- Я больше не обязана выслушивать твои истерики, и я не буду выслушивать их!

- Я не кричал. Разве что повысил голос.

- В таком случае, не повышай на меня свой голос.

Ларсон сделал глубокий вдох.

- Прошу прощения, я больше не буду этого делать. Я просто хотел

встретиться с тобой, чтобы обсудить один важный для меня вопрос.

- Хорошо, хотя я по-прежнему не понимаю, чем тебя не устраивает телефон. Моя личность будет в бистро в одиннадцать, в понедельник.

- Спасибо. Буду ждать тебя там.

* * *

Когда он уходил на встречу, Кори показалась ему угрюмой, хотя, возможно, он просто проецировал на пуделя собственное настроение.

Кристин уже сидела за одним из столиков, в тени большого зонтика. Ларсон с удивлением отметил, что она набрала вес: довольно странно с учетом ее маниакальной тяги к тренировкам и поддержанию стройной фигуры.

- Спасибо, что пришла, - сказал Ларсон, игнорируя предлагаемое официантом меню.

- Пожалуйста, - его бывшая жена улыбнулась.

- Я хочу поговорить о Кори.

- Хорошо.

- Кори - моя собака. Ты согласилась с этим, когда подписывала наш договор о расторжении брака.

Какое-то время Кристин колебалась, ее лицо даже несколько побледнело.

- Я прекрасно помню все условия договора.

- Да, но ты оставила себе копию.

- И что?

- И теперь каждый может получить эту копию. Зачем ты это сделала?

Похоже, она перестала воспринимать его: на лице застыло безразличное выражение, глаза уставились в одну точку.

- Алло, ты меня слышишь?

Пауза продолжалась еще несколько секунд, затем лицо ожило.

- Конечно, я слушаю. Ты говорил о собаке. Я знаю, что по договору она осталась у тебя. Я же подписала его, не так ли?

- Тогда зачем ты стала жульничать и оставила себе копию? Ты же никогда не любила ее.

- Жульничать. Интересное ты выбрал словечко. Конечно, мне нравилась Кори, иначе зачем бы мне эта копия? Мне нужно какое-то утешение, чтобы прийти в себя после развода, вот я и выбрала пуделя. И - нет, я не выкладывала его в общий доступ. Я послала копию Твиле, своей подруге, а она выложила эти твои «раз-два-три» в качестве образца. И дело пошло - признай, Кори и вправду очень мило танцует. Люди стали просить полную версию, Твила обратилась ко мне за разрешением, и я позволила - почему бы и нет? В этом нет ничего страшного, Трейвис.

- Для меня это важно.

- Хм... подожди-ка.

- Что?

Ее лицо снова замерло, затем ожило.

- Извини. Я снова с тобой.

- Да что происходит? Минутку... - он протянул руку и дотронулся до ее щеки.

Кончики пальцев исчезли под кожей, ощутив еще один слой.

- Эй! - вскрикнула она чужим голосом и дернулась так резко, что чуть не перевернула стул.

- Кто ты такая?

- Моя ассистентка, - ответило лицо Кристин. - Я же говорила, что мне некогда покидать офис, но ты, видимо, не слушал меня, как и всегда.

- Боже мой...

- Кстати, твое поведение подтверждает правильность моего выбора. Чем меньше прямых контактов, тем лучше.

- Какое еще поведение?

- Вот это самое.

- Я понятия не имею, о чем ты. Я просто хотел встретиться с глазу на глаз, чтобы объяснить, почему Кори так важна для меня. Думал, мне это удастся. Видимо, я ошибался.

- Какая трагедия...

- Кстати, откуда взялось это дурацкое имечко? Ее всегда звали Кори.

- Твила изменила его - из уважения к тебе, между прочим.

- Мне грустно видеть, как копии прыгают по городу, откликаясь на искаженное имя моей собаки.

- Боже, как я устала от всего этого... Ты хоть представляешь, насколько твое уныние утомляет?

- Э... ребята, - сказала ассистентка из-под лица Кристин. - Мне как-то не по себе от всего этого разговора.

- Мы уже почти закончили, Вина, - ответила Кристин. - Трейвис, позволь дать тебе один совет...

- Не позволю.

- ...переживи это. Я имею в виду не только собаку, но и всю ситуацию в целом.

- Корки - моя единственная проблема.

- Тогда переживи эту проблему. Это же просто минутная мода. Завтра у людей появится что-то другое... Я отключаюсь. Прощай.

Ее лицо вновь побледнело, а после исчезло, обнажив чужие черты, которые, впрочем, вполне можно было назвать привлекательными.

* * *

- Привет, меня зовут Вина.

- Думаешь, это забавно?

- Нет, то есть я не думаю...

- Правильно, - Ларсон заговорил громче, - ты не думаешь.

Вина уставилась на него с удивлением, и он тут же почувствовал себя идиотом.

- Прости. Наверное, я хотел сказать это Кристин.

- Ничего, она предупреждала, что вы скандалист.

- Я не скандалист. Разве я кричал?

- Ну, в данном случае я бы так не сказала.

Она улыбнулась и взяла меню. Ларсону понравилась эта улыбка - теплая, добрая, осветившая все лицо.

- Ты действительно собираешься здесь обедать? - спросил он, устраиваясь поудобнее.

- Да, собираюсь, - подтвердила Вина, не поднимая глаз.

- Не против, если я присоединюсь?

- Даже не знаю...

- И правда, дурацкая идея. - Он привстал, собираясь уйти.

- Поймай. Я так не думаю. - Теперь она смотрела на него с той же улыбкой.

- Да, на самом деле я так тоже не думаю. - Он снова сел. - Даже не знал, что такое возможно. В смысле, этот трюк с чужой головой.

- О, вполне возможно. Передатчик находится в моем ожерелье. Слушай, ты уверен, что все в порядке?

- Не знаю. Почему бы и нет?

Какое-то время она пребывала в задумчивости, затем решительно закрыла меню.

- Я буду рыбу.

* * *

Фирма Бевермана находилась всего в нескольких кварталах от офиса Ларсона. На следующий день он зашел туда, не договорившись о встрече.

В приемной гладко выбритый молодой человек по имени Френкель сказал, что ждать придется около получаса.

- Если только вы не хотите назначить встречу на другой день...

- Ничего, я подожду.

Ларсон уселся в кресло, взял журнал и принялся перелистывать виртуальные страницы, пробегая глазами статью об успехах Китая в области авиации.

- Молодец, - тихо произнес Френкель.

Ларсон поднял глаза. Отвернувшись от стола, Френкель поглаживал

виртуального пуделя. Корки смотрела на хозяина с обожанием. Ларсон закрыл журнал.

- Разве это не глупо?

- Что?

- Притворяться, что гладишь собаку, которой на самом деле здесь нет.

- Но ведь Корки здесь. Я не могу потрогать ее, но могу представить, каково это. Когда-то у меня была настоящая собака, и Корки реагирует так же, как она. Я и не думал, что виртуальная копия может приносить столько радости.

- Действительно, кто бы мог подумать?

Несколько минут спустя Френкель произнес:

- Мистер Беверман готов с вами встретиться.

Ларсон направился в кабинет, как будто шел осаждать крепость.

* * *

В постели Вина оказалась нежной и внимательной, и Ларсону хотелось вести себя так же. С Кристин все происходило совсем иначе. С ней, с ее идеальным телом фотомодели, он чувствовал себя сторонним наблюдателем. Человек отдельно - тело отдельно. Как будто все дело в теле.

- Было очень мило, - сказала Вина, лежа на его руке.

- Пожалуй.

Она прижалась к нему и поцеловала в шею.

- Могу я задать тебе личный вопрос?

- Конечно.

- Почему ты развелся с моей начальницей?

- Э...

- Можешь не отвечать. Порой я говорю глупости.

- Да нет, все в порядке, просто не думаю, что смогу это объяснить. Это надо прочувствовать на собственном опыте...

- Я понимаю.

- Надеюсь. Думаешь, я слишком унылый? Это одно из обвинений Кристин.

- Не знаю. По-моему, все в порядке.

- Мне тоже так кажется.

- У вас же нет детей, так?

- Да. Только Кори.

- Пудель?

- Ага.

Какое-то время они лежали молча, потом Вина спросила:

- Ты скучаешь по ней?

- Она сидит в соседней комнате.

- По ней - то есть по жене.
- Не то чтобы...
- «Не то чтобы, но все же скучаешь» или «нет, не скучаешь совсем»?
- Что?
- Ничего. - Вина уткнулась носом в его шею и вздохнула.

Позднее, когда Вина заснула, Ларсон осознал, что ему все-таки не хватает Кристин. Он скучал не по их ссорам. Не по ощущению постоянного стресса. Он скучал по ней самой.

Он вспоминал, как они лежали в постели. Как ходили на вечеринки - он и Кристин, и кто на его месте не сожалел бы о том ощущении превосходства, которое испытывает мужчина, сопровождаемый самой красивой из всех женщин на вечеринке?

И все же он думал о ней как о некоторой идее. Ему не хватало лишь некоторых аспектов, а не всей Кристин в целом.

* * *

В субботу Ларсон и Вина вывели Кори в парк. Ларсон перестал там бывать, после того как повстречал Де Вриза с копией Кори. Какое-то время казалось, что дубликатами пуделя обзавелась половина Нью-Йорка. Сегодня, впрочем, ничего такого не замечалось. Наверное, мода сменилась, и Корки удалили или попросту позабыли, как обыкновенную брошенную собаку.

- Всего лишь еще одно дурацкое сетевое увлечение, - заметила Вина.
- Не понимаю, почему оно тебя так волновало.
- Я тоже не понимаю. Все эти копии... мне казалось, что они обесценивают мою собственную собаку.
- С чего бы?
- Не знаю.
- По-моему, единственная причина заключается в том, что ты сам хотел так думать.
- Наверное.

Кори тяжело переставляла лапы, угрюмо понурился голову и опустил хвост. Солнце и свежий воздух, очевидно, уже не радовали ее, как раньше. С каждым днем собака становилась все менее подвижной, и это беспокоило Ларсона.

Вина взяла его под руку.

- Надо бы отвести Кори к ветеринару, - заметил он. - В последнее время она приуныла.
- Сколько ей?
- Девять с половиной.
- Не так мало для собаки.
- Будет тебе, она не такая уж и старая.

Вина присела рядом с Кори, нюхавшей что-то невидимое. Затем погладила собаку по голове.

- Ты же хорошая девочка, правда? - спросила она. Кори подняла голову, но без привычного оживления.

Глядя на Вину, на ее волосы, так отличающиеся от ангельски-светлых локонов Кристин, он внезапно ощутил прилив нежности и любви.

- Эй, - сказал он, привлекая внимание Вины. - У меня сегодня отличный день.

- У меня тоже.

- И знаешь что?

- Что? - Она улыбнулась.

- Это из-за того, что я с тобой.

Ее улыбка потеплела.

- Значит, у меня сегодня просто прекрасный день, - сказала она.

Они пошли дальше, пересекая залитую солнцем лужайку. Неподалеку три девушки из группы поддержки в майках и коротких плиссированных юбках отрабатывали движения, наклоняясь и взмахивая руками.

Вина заметила, что Ларсон смотрит на них. Он просто не мог не обратить на них внимания: впрочем, дни, когда это называли изменой, уже миновали.

- Показушницы, - бросила Вина таким голосом, как будто ее это совершенно не занимало.

- Каюсь, я опозорен, - признался Ларсон.

- Знаешь, а ведь в школе мне довелось быть в группе поддержки.

- Seriously?

- Да, и я все еще помню кое-какие движения. Смотри!

Она отбежала на пару метров вперед, и Ларсон тут же возненавидел себя за то, что его взгляд отметил отсутствие элегантности. Всего минуту назад он смотрел на нее, как на женщину, в которую начал влюбляться. Теперь же какая-то идиотская часть разума взялась за сравнения. Вина, одетая в черные джинсы и серую рубашку, попробовала перекувырнуться колесом, так что рубашка задралась, обнажив бледную кожу и жировые складки. Неумело исполненный трюк прервался на середине, и Вина, смеясь, упала на траву. Затем она села, широко расставив ноги, и, надув губы, словно ребенок, спросила:

- Ну как, тренер, я справилась?

- Еще бы...

* * *

В постели, месяц спустя, Ларсон сказал:

- Ты слишком... аппетитна.

- Я работаю над этим.

- Правда?
- Хожу в спортзал в обеденный перерыв. Что думаешь?
- Ты отлично выглядишь.
- Ты мне льстишь.
- Нет, правда. Но...
- Но что?
- Не знаю. Ты не похожа на любительницу спортзалов.
- Да, я не из их числа, просто решила, что пора привести себя в порядок.

* * *

Ларсон сидел в одиночестве в своей квартире. За окном лил дождь. Вина опять пропадала в спортзале: она тратила на это все больше и больше времени, и Ларсон скучал по ней. Скучал не по абстрактной идее, не по каким-то отдельным аспектам, а именно по ней.

Кори лежала в своей корзинке, в последнее время она редко выбиралась оттуда. Ветеринар поставил ей какой-то размытый диагноз, говорил о проблемах с кишечником и о том, что за собакой стоит присматривать, так как заболевание может оказаться серьезным. Из-за лекарств Кори сделалась еще более апатичной.

Телефонный звонок вывел Ларсона из задумчивости. Появился аватар Бевермана.

- Трейвис, тебе это определенно понравится.
- Что понравится?
- Я нашел способ подать на Кристин в суд из-за Корки.
- Ты же вроде сам говорил, что в нашем договоре не упоминается...
- Правильно, но сейчас речь не об этом. Я говорю о защите интеллектуальной собственности. Мы можем заявить, что Кори стала такой именно благодаря тебе, в результате дрессировки и тщательного ухода. А до того Кори ничем не отличалась от любой другой абстрактной собаки. Ты говорил, что Кристин не имела никакого отношения к дрессировке, кормлению и уходу, так?
- Да, только абстрактных собак не бывает.
- Выслушай мое предложение. Представь, что Корки...
- Кори.
- Не важно. Представь, что Кори - пианино, которое вы с Кристин приобрели в совместное пользование. Оно стоит в гостиной, пылится и занимает место. Никто не станет всерьез играть на пианино, если только не пользовался им постоянно. А ты играл на нем, друг мой. С его помощью ты сочинял песни. Затем вы развелись, и Кристин присвоила себе копию пианино - что само по себе безобидно. Но, помимо этого, она присвоила песни, которые ты написал, и наводнила

ими весь интернет.

Ларсон прижал пальцы к вискам и покосился на изображение адвоката.

- Кори - не пианино.

- Да не в этом дело! Оцифрованная Корки обрела свою популярность из-за того, чему ты научил своего пуделя. И раз, и два, и три, например, - Беверман покрутил в воздухе пальцем. - Корки обязана своей популярностью песням, которые ты написал. Иными словами, Кристин украла твою интеллектуальную собственность.

Аватар потерял свои виртуальные руки, как Скрудж МакДак в банковском хранилище.

Кори, настоящая Кори с трудом поднялась и потащилась, поскуливая, к миске с водой. Ларсон придвинул эту миску как можно ближе к корзине, но пуделю все равно приходилось вставать, чтобы напиться. Зрелище получалось душераздирающее.

- И что это значит? - спросил Ларсон. - Что именно мы можем сделать?

- О, не так уж и много...

- Тогда к чему все это?

- Трейвис, послушай меня. Пудель уже, так сказать, вырвался на свободу. Невозможно перехватить или вернуть тысячи виртуальных копий. Но иск против Кристин нанесет удар по ее профессиональной репутации. Если ты хочешь отомстить ей, это самый надежный способ. Поверь мне. Мы даже можем оценить ущерб, если хочешь, но смысл в том, чтобы поквитаться за те страдания, которые тебе пришлось пережить.

- Хорошо.

- Хорошо? И все?

- Хорошо.

Ларсон убрал аватар. Дождь волнами обволакивал окна. Несмотря на раннее время, в квартире пришлось зажечь свет. Кори кое-как доковыляла до своего места.

- Ты моя хорошая, - произнес Ларсон.

Собака чуть дернула хвостом.

* * *

Каждый день в обеденный перерыв Ларсон приходил проведать Кори, дать ей дневную порцию лекарств и вывести ее на крошечный островок зелени рядом с домом. Во вторник, вскоре после звонка Бевермана, Ларсон обнаружил пуделя в корзинке. Собака не шевелилась, а на полу рядом с ней поблескивала лужица рвоты с пятнами крови.

Ларсон невольно приоткрыл рот, сердце замерло у него в груди. Обычно, когда собака спала, у нее поднимались и опадали бока. На этот раз - ничего. В горле встал комок. А затем Кори приоткрыла глаза и посмотрела на хозяина.

* * *

Ветеринар решил оставить Кори на ночь, чтобы утром провести артроскопию.

- Как вы думаете, что с ней? - спросил Ларсон, державший собаку на руках.

- До завтра мы этого не узнаем, а сейчас нет смысла гадать.

Ларсону не хватило духу вернуться на работу, поэтому он пришел домой раньше обычного. Он застал Вину в спальне. Обнаженная, если не считать ожерелья, она стояла перед большим зеркалом. Ее голова скрывалась под изображением головы Кристин. Услышав звук открывшейся двери, она резко обернулась, покачивая грудью, так не похожей на скромную грудь Кристин.

- Трейвис! Я... - ее голос раздавался из-под безжизненного, лишенного выражения лица его бывшей жены.

- Господи! - вскрикнул Ларсон. - Не могла бы ты это выключить?

Она дотронулась до ожерелья, и фальшивая голова испарилась.

- Мне так стыдно, - пробормотала Вина. - Я просто... не знаю.

- Слушай, не делай так больше, ладно?

- Хорошо. Эй, что это с тобой? Ты плачешь?

- Просто хочу быть с тобой.

- Это не сложно. Вот она я, - Вина надела халат и прикоснулась к его щеке. - И я люблю тебя.

Он обнял ее.

- Я тоже тебя люблю. Ты же знаешь, я не хочу, чтобы ты становилась Кристин.

- Знаю.

- А еще я не хочу, чтобы каждую секунду своего свободного времени ты проводила в спортзале, если ты делаешь это ради меня.

- Дело не в тебе. Ну, или, может, самую малость. Мне неприятно видеть, как ты смотришь на других женщин. Но в основном я занимаюсь этим ради себя.

- Это же просто взгляды, они ничего не значат. По-моему, ты и так совершенна. Другие женщины мне не нужны.

- О, ты тоже совершенен, Трейв.

Они начали целоваться, но затем Вина отстранилась от него.

- Эй, ты все-таки плачешь... Трейвис, а где собака?

* * *

Ларсон не мог уснуть. Он смотрел на лицо Вины. Несмотря на все диеты и упражнения, ее черты не изменились. Она все еще та самая Вина, а большего ему и не надо. Он вспоминал свою жизнь с Кристин, вспоминал, какое спокойствие ощущал рядом с ней после всех стрессов и конфликтов, бушевавших в течение дня. Тогда спящее лицо Кристин олицетворяло для него отсутствие всего этого.

Выскользнув из-под одеяла, он вышел в коридор, закрыв за собой дверь. Затем позвонил в офис Бевермана и оставил сообщение. Он говорил тихо, чтобы не разбудить Вину:

- Я решил бросить это дело. Мы не будем судиться с моей бывшей женой.

Ларсон наполнил бокал и уселся в гостиной, глядя на дождь. Бурбон помогал сдерживать страх так же, как раньше помогала Кристин. Ее присутствие отгоняло страхи.

Но порой просто присутствия оказывается недостаточно. В конце концов, хочется, чтобы кто-то все время шел рядом. Без этого мелкие утешения начинают приобретать слишком большое значение. Даже виртуальная собака, которую невозможно потрогать. Зачем отнимать ее у людей? За время человеческой жизни планета успевает повернуться множество раз. И если кто-то хочет сделать эту жизнь тяжелее, то он и есть тот самый унылый скандалист.

Дождь по-прежнему барабанил по стеклам. Ларсон налил себе еще бурбона и встал, глядя на город, на мир, вращающийся в темной ночи.

И раз, и два, и три.

Перевел с английского Алексей КОЛОСОВ

© Jack Skillingstead. Free Dog. 2011. Печатается с разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's» в 2011 году.

ТИМУР АЛИЕВ

E-MAN

Т И М У Р А Л И Е В

E-MAN

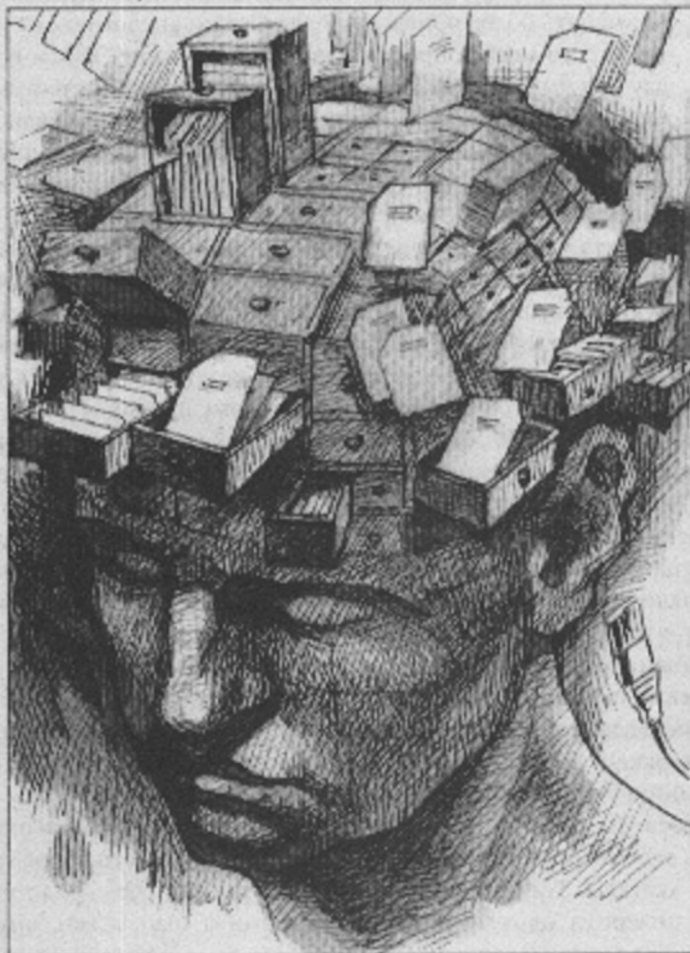

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Часть 1. Вверх

Сергей проснулся с мутной головой. Нет, не той, что бывает при похмелье. Внутри его головы бушевала снежная буря, в которой очень

легко заблудиться одиноким мыслям. Или, если применять более привычную для Сергея аналогию с компьютером, его мозг попросту «завис». Старенькие ЭВМы в таких случаях выдавали на экран надпись «overload of memory».

Он пытался вспомнить, что делал накануне, но мелькали перед ним лишь картинки из детства и юности. Наконец, уцепившись за хвостик какой-то аналогии, он восстановил вчерашнее.

Ничего особенного. Вся их «контора» вторую неделю готовила сдачу важного проекта, и он допоздна просидел за работой. Глубокой ночью наконец-таки закончил свою часть, собираясь утречком шлифануть ее на свежую голову и скинуть в Сеть. Ага, шлифанул, называется!..

В последнее время у Сергея случались головные боли. Он грешил то на магнитные бури, то на усталость. Показать врачу? Да кто ж в двадцать пять суетится по такому ничтожному поводу? Проще глотнуть анальгинчику... Из прикроватной тумбочки Сергей достал упаковку, выдавил из блистера таблетку, запил минералкой и с трудом подавил искушение снова откинуться на подушку.

Не открывая глаз, проковылял в ванную, плеснул в лицо несколько горстей ледяной воды и окончательно проснулся. Зеркало выдало неприглядную картинку. Рожа опухла, волосы всклокочены. Ну, кто поверит, что он в рот не берет спиртного уже вторую неделю?!

Мокрыми пятернями Сергей попытался пригладить вихры. Внезапно левая ладонь ощутила под волосами что-то холодное и твердое. Сергея передернуло: на мгновение ему показалось, что в волосах притаился таракан. Быстрым движением он попытался смахнуть насекомое, но оно продолжало цепко держаться за левым ухом.

Содрогаясь от отвращения, Сергей покрутился перед зеркалом, пытаясь рассмотреть, что это за гадость поселилась в его волосах. Обзора не хватало. Тогда он выскочил в прихожую, где стояло старое трюмо, повернул одну из створок так, чтобы был виден затылок, и приблизил голову к зеркалу.

Увиденное его потрясло. На границе между волосами и ухом прямо в черепе чернел разъем USB. Точно такой же, как на любом компьютере. Хоть флешку втыкай.

Сергей потряс головой, не веря своим глазам. «Сплю, брежу, сошел с ума», - вариантов нашлось немного.

Он снова метнулся в ванную, несколько раз шлепнул себя по щекам, приводя в чувство. Затем потянулся к разъему за ухом, надеясь не обнаружить его. И вновь нащупал твердый нарост.

От страха даже прошла боль. Голова стала ясной, но понимания не прибавилось.

Дрожащими пальцами Сергей набрал на мобильнике номер друга:

- Сашок, увидеться надо срочно... Погоди, не убегай, очень нужен. Я через две минуты...

Мигом оделся, через три ступеньки запрыгал по лестнице, перебежал двор. Сашок уже стоял в подъезде.

- Я ж тебя просил... - простонал Сергей. - Посмотри, что там у меня. - И сунул голову прямо под нос приятелю.

Тот на мгновение замолчал, затем выдал:

- Пришел похвалиться? Было бы чем... Ну и на фига ты USB себе поставил? Не мог нормальный блютуз встроить?..

- Да ты что, Санек, я ничего не ставил. Оно само...

Но друг уже не слушал его, выскакивая из подъезда:

- Мой тебе совет: избавляйся от проводов...

Разочарованный невниманием друга, Сергей мстительно забурчал себе под нос:

- Ну погоди, придешь ты ко мне в следующее воскресенье пиво пить...

И двинулся в поликлинику...

- Что у вас? - Плешивый доктор повел разговор классически.

Сергей страдальчески указал на голову:

- Понимаете, доктор...

Врач прервал его, жестом подозвав поближе и усадив на кушетку:

- Давайте посмотрим... Так, а имплантаты уже не по нашей части. Вам, молодой человек, к хирургу... И что только сейчас не придумывают! Совсем с ума сошли с этими компьютерами...

Возмущенный Сергей чуть не взвыл:

- Да какие имплантаты? Я утром просыпаюсь, и тут это...

Доктор посмотрел сочувственно-профессионально:

- Сильные боли?

- Нет, - смешался Сергей. - Совсем не ощущаю.

- Тогда в чем проблема? - удивился врач. - Если вас ничего не беспокоит, не стоило и приходить. Вот когда заболит, милости просим...

- Меня интересует причина появления этой штуки... - застонал парень.

- А что, если рентген или томографию? Можно удалить?

- У вас есть лишние деньги? - скептически улыбнулся доктор. - Мой вам совет: организм - вещь очень хрупкая, и если в нем все работает, не стоит в него влезать...

Из поликлиники Сергей вышел, окончательно запутавшись. Куда теперь? Не в полицию же обращаться, там только посмеются.

Он полез в карман за мобильником, чтобы узнать время, и обнаружил несколько пропущенных звонков. В пылу разговора с врачом не услышал вызова от шефа...

- Вадим Борисыч, я тут приболел немного.

Сухостью тона начальник отдела мог бы поспорить с песчаным вихрем.

- Можете вообще не приходить, Сергей. Работу мы и без вас сдадим.

«Вот, черт! - мысленно застонал Сергей. - Лучше бы обматерил».

- Вадим Борисыч, я все объясню... - умоляюще заверещал он в трубку, но в ответ уже пошли гудки.

Оставалось одно - расследовать все самому, а потом как можно убедительнее изложить шефу.

Сергей вернулся домой и, пока пил чай с наспех сооруженными бутербродами, слегка поостыл. Идея законнеститься с домашним компьютером через загадочный разъем в голове казалась не слишком заманчивой. Но другой в голову не приходило.

Соединительный кабель нашелся в нижнем ящике стола. Потом Сергей еще минут двадцать топтался перед трюмо, не решаясь воткнуть провод в череп. Наконец, ухватив штекер за кромки двумя пальцами и задержав дыхание, он буквально по миллиметру засунул его в паз. Вошло как влитое. Сергей слегка поворачивал головой - болевых ощущений не наблюдалось.

Теперь оставалась вторая и более сложная часть операции - подключение к компьютеру. Чтобы короткий кабель не тянул голову вниз, пришлось переставить системный блок с пола на стол.

Тычок указательным пальцем в большую зеленую кнопку - компьютер загудел, загружаясь. Сергей сжал кулаки и затаил дыхание. На что он надеется больше: что разъем в его голове окажется обманкой или что компьютер что-то обнаружит внутри черепа?

«Обнаружен дисковый накопитель Сергей Максимов» - появилось в всплывающем окне. Сергей помертвел: это его имя и фамилия.

Схватился за мышку, двигая курсор к «Мой компьютер», потом к «Сергей Максимов».

Диск грузился очень медленно - минут пять. Но когда информация проявилась, в глазах у Сергея зарябило: папки, папки, папки. Он глянул туда, где обычно указывался размер диска. Несколько миллионов терабайт! Блин, что же это за штуковина? Точно не флешка. И не жесткий диск. Такой объем памяти может принадлежать только человеческому мозгу...

Следующие полдня прошли как в тумане. Сергей заходил внутрь папок, где обнаруживал еще сотни вложенных директорий, в которых находились тысячи самых разных файлов.

Лишь к вечеру он смог более или менее четко разобраться, что хранится в его голове.

Больше всего места занимала папка под названием «Видео». В ней хронологически пронумерованными лежали файлы с видеоизображениями из жизни Сергея. Паршивого качества, с огромными лакунами, но при этом показывающие все, что он когда-либо видел собственными глазами и что с годами не стерлось из памяти. И попойка недельной давности с Сашком, и разнос от шефа, полученный полтора года назад, и выпускной вечер в школе, и первый поцелуй.

Еще была папка, обозначенная «Знание». Все прочитанное, услышанное, усвоенное и отложившееся в голове было свалено в кучу. Половина текстов не читалась.

Отдельную группу составляли папки под общим заголовком «Программы». Никаких вордов или фотошопов. Вместо них - «движения», «инстинкты», «привычки» и прочая лабуда.

В корневой директории он обнаружил интересный файл с названием config.sys. Зная, насколько важен для работы компьютера этот «конфиг», Сергей не удержался, заглянул внутрь и нашел там привычные наименования параметров: быстродействие, размер буфера и все такое.

Что-то менять в своем внутреннем диске Сергей побоялся. «Отформатирую еще себя случайно и превращусь в идиота».

Далеко за полночь он выключил компьютер и вытащил кабель из разъема за ухом. «Кто я такой?» - вот единственный вопрос, который его сейчас интересовал.

Он не мог быть роботом-андроидом. Сергей помнил своих родителей. И в папке «Видео» нашел тому множество подтверждений. В одном из них, например, маленький Сережа падал со скамейки и разбивал коленку о бордюр, а мать дула на ранку и ласково гладила малыша.

«Если у всех людей в голове такая же ерунда, почему только я знаю об этом? Неужели я избранный? Нео? Но где тогда мой Морфеус?..»

За этими дурацкими мыслями усталый Сергей и задремал - прямо в кресле за столом. За ночь он несколько раз просыпался и снова проваливался в сон. Ему чудилось, что он как ни в чем не бывало выходит на работу, а там все сидят с кабелями в головах. Он испуганно ныряет в кабинет к шефу. Тот стоит к нему спиной, внезапно поворачивается, и Сергей видит в его руках флешку. Вот твой мозг, говорит шеф, береги его и вовремя дефрагментируй, а пока приступай к проекту.

С мыслью «так это был всего лишь кошмар» Сергей проснулся. Велико же было его разочарование, когда выяснилось, что разъем никуда не делся, а на работе его по-прежнему ждет увольнение.

Однако сон пошел на пользу, и у Сергея появились сразу две версии произошедшего. Обе дичайшие. Первая: некто трепанировал его череп, вживил USB-гнездо и провел операцию на мозге. Вторая: его мозг, который на самом деле является сложнейшим процессором со встроенной памятью, отрастил себе функциональную опухоль, один в один напоминающую обычный компьютерный разъем.

И то, и другое было полным бредом. Однако ничего лучшего в апгрейженную голову Сергея пока не приходило.

Кстати, первую версию легко было проверить, попытавшись отследить, кто вживил ему в череп этот USB. Сергей точно помнил, что до позавчерашнего вечера никакого разъема в его голове не было.

Значит, нужно всего-навсего просмотреть соответствующие видеофайлы, чтобы увидеть таинственного хирурга.

Увы, загадочного агента Смита он не обнаружил. В тот вечер Сергей поздно пришел с работы, на скорую руку перекусил «дошираком», посидел с часок перед телевизором и завалился спать. Дальше видеоплеер показывал черный экран, а потом опухшую со сна физиономию в зеркале и руки, приглаживающие шевелюру.

Неужели таинственный хирург, закончив операцию, стер из памяти все следы? Прямо шпионский киберпанк какой-то... Получается, при всей своей абсурдности верна вторая версия?..

Запутавшийся Сергей не отчаялся - почти двое суток гуглил интернет на предмет аналогичных историй. И одновременно рыскал по сайтам платного и бесплатного софта, надеясь зацепить хотя бы аналог программ, записанных у него в голове... Но к вечеру субботы окончательно стало ясно: поиски тщетны...

В ожидании свежих идей Сергей решил сварить кофе, как вдруг неведомая сила потащила его в спальню. Ноги сами несли тело к кровати, однако в последний момент, словно передумав, сделали поворот на девяносто градусов и с размаха впечатали в стену. Еще не успев отойти от удара, Сергей неожиданно упал в раскрывшееся перед ним небо - голубое, с розовыми облачками. От такого кульбита его вестибулярный аппарат пришел в полное недоумение и чуть было не вывернул наизнанку все внутренности. К счастью, небо быстро пошло трещинами и закружилось сахарной ватой. Откуда-то сбоку закричал птеродактиль («Странно, откуда мне знать, как кричит птеродактиль»), и налетел влажный ветер. Резко потеплело.

- Со мной что-то не так! - попытался сказать Сергей, однако получилось какое-то «ю донна би фак».

Сомнений не оставалось: эксперименты с подключением к компу до добра не довели. Ситуацию срочно нужно было исправлять.

Он попытался сделать шаг к компьютеру, однако ноги, продолжая жить самостоятельно, повели его в противоположную сторону. Поддавшись этой неведомой силе, он тут же поменял направление движения на нужный маршрут и шагком за шагком стал приближаться к заветному столу.

Обманывать свой мозг, заставляя его думать, что хочешь обратного, оказалось чертовски трудно. Несколько минут Сергей шатался словно пьяный, прежде чем сумел уткнуться прямо в системный блок.

Наступила пора новых сложностей. Теперь уже руки отказывались держать кабель. Пальцы вели себя, как тростник на сильном ветру, изгибаясь во всех мыслимых и немыслимых направлениях. И, черт побери, это было больно! Сергею пришлось мысленно представить, как он раскрывает ладонь, будто демонстрируя свои добрые намерения, и только тогда пальцы сомкнулись на кабеле - с такой

силой, что побелели кончики.

Уловив принцип, Сергей принялся действовать быстрее. И сразу после подключения к компу услышал из колонки страшный визг. Оказалось, что в устройство «Сергей Максимов» проник вирус. Видимо, Сергей подцепил его, странствуя по интернету и посещая сайты с сомнительным софтом. «Касперского» он при этом зачем-то отключал, и чертов троян куда только не успел внедриться. Доблестному антивирусу пришлось усиленно уничтожать его по всем папкам. По квартире несся неприятный писк, однако для излечивающегося Сергея он звучал ангельской музыкой.

«Уничтожено пятьдесят два вируса», - наконец доложил компьютер, и Сергей вздохнул с облегчением. Для проверки он несколько раз топнул то одной, то другой ногой, поморгал глазами и вслух выкрикнул: «Вадим Борисыч - козел». Неожиданностей не последовало.

«Не было бы счастья - да несчастье помогло», - подумал Сергей. Сам того не желая, он определил, что мозг легко справляется с перезаписью данных. А после проверки файлов, которые он для себя обозначил как «сумма знаний», руки так и чесались восстановить утерянную информацию.

Недолго думая, он переписал в свою память диск «Энциклопедия: все обо всем», второй год пылившийся на принтере. Прислушался к собственным ощущениям: вроде ничего, хуже не стало, но и умнее он себя не почувствовал.

«Болван, - хлопнул себя по лбу Сергей, - этого же недостаточно». Он открыл файл конфигурации и увеличил быстродействие на десять процентов, а размер буфера - на пять.

Уверенности сразу прибавилось. Вспомнив, что сегодня суббота и по Первому каналу идет интеллектуальная игра, Сергей включил телевизор. Шоу двигалось к апогею: на кону стоял вопрос на четыреста тысяч рублей. «В какой латиноамериканской стране в XIX веке обнаружили крупнейшие запасы селитры?» - вопрошала строка внизу экрана. Игрок страдальчески морщил лоб, пытаясь угадать по лицу ведущего, какой вариант из четырех возможных окажется верным. «Эквадор?» - с вопросительной интонацией в голосе наконец выдавил из себя игрок. Повисла пауза. Сергей задумался и понял, что знает ответ: «Чили». Более того, он помнил, что в этой стране также существуют огромные залежи меди и железной руды, а кроме того, добываются марганец, молибден, ртуть, цинк, нефть и уголь.

«Кажется, работает», - осторожно порадовался Сергей, тем не менее ожидая окончательного вердикта от ведущего. Тот не спешил, наслаждаясь мучениями игрока. И лишь через полминуты торжествующе объявил: «А вот и нет, правильный ответ - Чили». И Сергей подскочил на кресле: «Ура! Работает!».

На экране появилась надпись: «Желающих принять участие в нашей

программе просьба звонить по телефону...». Рука Сергея потянулась к мобильнику.

Часть 2.

Вниз

Сергей видел свое отражение в зеркальном глянце совещательного стола, и оно ему не нравилось. За последние пару лет он прибавил в весе, нарастил второй подбородок и словно даже раздался в плечах. Хотя, вернее всего, дело было в дорогом темно-синем пиджаке, что сидел как влитой, заметно добавляя владельцу солидности и шарма.

Но сейчас уверенный в себе, преуспевающий молодой человек, которого так ценило руководство, куда-то исчез. В поверхности стола отражался растерянный, ничего не понимающий неудачник, которого вот-вот должны уволить... Ошеломляющее известие выбило его из колеи.

С этой дурой, секретаршей шефа Мариной, они встретились в вестибюле у лифта.

- Сергей Александрович, а правда, что вас увольняют? - Кукольное личико Марины светилось неподдельным интересом, чего с ней никогда не случалось на рабочем месте.

Сергей застыл в дверях как вкопанный. Весь последний месяц ходили слухи, что его должны перевести на должность начальника департамента, и тут на тебе... Неужели какой-то конкурент постарался нанести превентивный удар?..

Нет, спасибо, конечно, невольно предупредившей его Марине, психологически он подготовился. Никого упрашивать не собирался, считая, что люди с его талантами не пропадут. Но процедура увольнения его тяготила и даже слегка унижала.

Шеф чувствовал это, упиваясь видом растерянного подчиненного. Он словно расплачивался за то время, когда Сергей диктовал корпорации свои условия.

- По вашей вине мы завалили три переговорных процесса подряд. Вы медлительны и несообразительны...

- Я думаю в пятьдесят раз быстрее вас... - пробурчал под нос Сергей.

- Что вы сказали? - вскинулся начальник.

- Ничего, - покачал головой Сергей. Если уж молчать, то молчать.

- Вы не смогли улучшить свои показатели за счет новой прошивки...

Вранье. «Тебе бы новые мозги прошить, посмотрел бы я, как ты запел...»

- Мы решили взять на ваше место нового специалиста с перепрошитой операционкой, с беспроводными интерфейсами типа

WUSB или «синезуба». Нам нужны продвинутые имэны, а не первые модели вроде вас.

Снова вранье. Интерфейсы - мелочь, никакого решающего перевеса не дают. Да и между имэнами в принципе не может быть конфликтов. Выдумки хомосов... Все равно как когда говорят о противоречии между религиями. Чушь. Это придумывают атеисты. Верующие всегда найдут общий язык. А вот между религиозными людьми и атеистами гораздо больше разногласий.

- Руководство приняло решение отказаться от ваших услуг... Впрочем, думаю, вы не в обиде. Суммы, которые переводились вам за время нашего сотрудничества, позволят скрасить горечь расставания...

Дело не в быстродействии, вдруг окончательно понял Сергей, и на самом деле нет никаких претендентов на его место. Директор, сволочь, дрожит за свое кресло. Понимает, что рано или поздно владельцы корпорации посадят туда имэна, который думает, знает и соображает в десятки раз быстрее обычного человека. Сегодня так поступают все серьезные организации... И все хомосы боятся этого. Боятся имэнов...

* * *

Он вышел из стеклянной двери прямо на широкий проспект. С неба, словно из пипетки, брызгало мелким дождиком. За спиной осталось здание, в котором он провел два последних года... Он постоял несколько минут и, резко выдохнув, шагнул в поток прохожих, редкий в разгар рабочего дня.

Люди, люди... Они обтекали его с двух сторон, иногда случайно толкая локтями и плечами. Какие-то прежние, слегка подзабытые ощущения. Сергей давно не гулял по улицам в будние дни, и его невольно потянуло на размышления. И почему так странно устроен мир: одни люди остаются прежними, а другие просыпаются «электронными»? И чем дальше, тем больше. Имэны уже перестали быть скрывающими свой апгрейд одиночками, а принялись бравировать «цифрой». Кое-кто из них даже начал делить человечество на имэнов и хомосов.

За два с лишним года Сергей почему-то ни разу всерьез не задумался о случившейся с ним стремительной метаморфозе. Как его мозг превратился в компьютер, почему изнутри его головы проросла настоящая опухоль (а как еще это назвать), причем неотличимая и внешне, и по функциям от USB-разъема? Да и вообще, кем же он стал?

Казалось бы, что стоило отложить все дела и заняться исследованиями? Но на первый план постоянно выплывали какие-то неотложные житейские проблемы. То он выигрывал главный приз на «Как стать миллионером», то покупал авто, то менял работу, то

переезжал на новую квартиру. Слишком кучно произошли все эти события, наложились одно на другое. А он не сумел правильно расставить приоритеты. Закрутился, забегался, рутина захватила. Купленная за штуку баксов программа-планировщик пылилась невостребованной в дистрибутивах мозга.

«Ничего, - пообещал он сам себе, стоя в толпе прохожих и чувствуя себя атлантом, на плечи которого только что взвалили земной шар, - сейчас времени навалом, обязательно займусь».

В кармане заворочался поставленный на «вибро» мобильный. Сергей поглядел на дисплей - звонил некий Ричард. Это кто ж такой? Видимо, когда-то занес в телефонную книжку и поленился со временем вычистить... Разговаривать не хотелось, но любопытство пересилило.

- Да, Ричард.

- О! - ошарашенное молчание. - Помните меня?.. Да, это Ричард. Когда-то работал на шоу.

Услышав голос, Сергей вспомнил и его обладателя. Слащавый парень в обтягивающих водолазках и с зачесанными назад блестящими волосами. Режиссер или кто-то вроде того, передача «Как стать миллионером». Именно он работал с участниками шоу, в том числе и с Сергеем. Тогда они и обменялись номерами... Но сейчас с какой стати звонит?

- Нам срочно нужно встретиться... - сбивчиво зачастил Ричард. - Мы готовим эфир с победителями прошлых программ. Вот и вас приглашаем.

Сергей скривился. На душе свербилло - словно где-то внутри невидимый краснодеревщик прогуливался крупной наждачкой. Говорить не хотелось даже с родными, а не то что в эфире.

- Извините, Ричард, я очень занят на работе, - соврал он.

- А мне сказали, что вы уволились, - деланно удивился режиссер. - И дали номер мобильного.

«Гад, так ты еще и номер мой удалил, - раздосадованно подумал Сергей, - а я твой оставил». Градус неприязни повысился, как минимум на пару пунктов.

- Тем более, - сухо отозвался Сергей. - Сами понимаете, нужно искать работу. Не до шоу.

- У нас предусмотрены гонорары, - вкрадчиво произнес Ричард. - И будет юбилейный розыгрыш. С суперпризами... В порядке исключения.

Вот это кстати. Ричард знал, за что ухватить. Уверясь в завтрашнем дне, Сергей не делал сбережений. Деньги нужно зарабатывать, чтобы тратить, считал он. И жил в соответствии с этим принципом: кутил по клубам, путешествовал по экзотическим краям. Еще немало уходило на постоянный апгрейд. Сергей не экономил на софте, а программы стоили недешево... Поэтому он всегда был готов на любую шабашку. А уж если лишился основной работы...

Тем более что заработок предстоял легкий. Для имэна ответить на вопросы ТВ-шоу вроде «Как стать миллионером» или даже «Что, где, когда?» - раз плюнуть. Собственно, потому их на эти игры и не пускали. В свое время несколько подобных передач из-за наплыва всезнаек чуть не обанкротилось. Но когда выяснилось, в чем дело, контроль ввели такой, что закачаешься. Так что другой такой шанс вряд ли подвернется...

- Хорошо, куда подъезжать? - вздохнул он в трубку.

- А куда, - беззаботно хохотнул Ричард. - Мы уже здесь.

И с тихим шуршанием шин прямо к ногам стоящего у края дороги Сергея подкатил черный БМВ-лонг.

* * *

- Э-э, мы так не договаривались! - возмутился Сергей перед самой дверью вертолета. Пятнадцать минут назад лимузин въехал в подземный гараж, расположенный под зданием делового центра, и Сергей предположил, что конечная точка их путешествия располагается на одном из этажей. В сопровождении еще одного парня, больше похожего на секьюрити, чем на телевизионщика, они прошли к лифту. Ричард заказал этаж, обозначенный буквой Н, двери закрылись и раскрылись уже на крыше. Оказалось, Н означало Helicopter - вертолетную площадку.

Вертолет ждал, сверкающей игрушкой возвышаясь на пяточке в центре крыши. Небольшой, трехместный, но очень стильный - с хромированными молдингами и надписью Hilton на боку. Вот тут Сергей и заподозрил неладное. Слишком уж шикарно даже для Первого канала.

- Не дрейфь, имэн, - подначил его Ричард и подтолкнул к лестнице, ведущей на вертолетную площадку. - Летим в «Хилтон», запись будет там.

«Почему нет?» Съемка может стать неплохой рекламой для новой гостиницы. Правда, запанибратское «имэн» неприятно царапнуло...

Ждать приземления на крышу «Хилтона» пришлось минут десять. К моменту подлета над посадочной площадкой уже кружилось несколько стрекозиных силуэтов. А это кто, остальные участники? Но спросить не успел, посадку разрешили, и вертолет резко устремился к букве Н...

В лифте они оказались одни, второй сопровождающий остался на крыше. Ричард вдруг прижал Сергея в угол под черным глазом камеры и яростно что-то зашептал на ухо. В зеркальных стенах лифта отразилась страстно обнимающаяся парочка. В первую секунду Сергей испытал омерзение, решив, что Ричард пристает к нему. Но уже после двух-трех слов стало ясно, что все намного хуже.

- Слушай сюда, робот! С тобой хотят поговорить очень серьезные люди. Кто они, тебе знать не обязательно. Но ты должен быть с ними откровеннее, чем с доктором перед операцией... Если все пройдет окей, получишь свои бабки...

Растерявшийся Сергей не успел ни возразить, ни возмутиться. Двери разошлись в стороны, и двое настоящих громил пригласили его на выход. Ричарда они мягко, но решительно втолкнули обратно в кабинку.

Против ожидания охранники повели его не к высоким стрельчатым дверям - за ними слышался шум голосов, а в комнатку рядом.

- Жди здесь! - сказал конвоир и щелкнул замком.

* * *

Комната ожидания оказалась погруженной в полумрак.

Когда глаза слегка привыкли к темноте, Сергей обнаружил шесть похожих на мусорные урны напольных конструкций, которые он посчитал пепельницами. У противоположной от входа стены располагались два кресла, обтянутые натуральной кожей. На столе в углу монотонно гудел процессор компьютера. За еще одной дверью слышались неразборчивые голоса.

На цыпочках Сергей подкрался к внутренней двери, приложил ухо к узкой щели между кромкой и косяком. Невнятный гомон, ничего не разобрать. Сергей усмехнулся - для имэна это не проблема. Он подключился через нетбук, загрузил драйвер повышенной чувствительности слуха, настроил фильтр помех. Все, звук не хуже чем по телевизору.

Общались на английском. Говорил в основном один. Речь плавная, сложных терминов избегает, но в предмете разбирается, лондонское произношение - университетский профессор из Англии... «Надо же, британский ученый», - хмыкнул Сергей. Акценты он щелкал, как семечки: драйверы распознавания были загружены в его мозг по умолчанию. Обычно они требовались на переговорах, где ему нередко приходилось представлять корпорацию.

- Как я уже говорил, на сегодняшний день общее число выявленных имэнов составляет порядка десяти тысяч. Мы провели исследование на группе примерно в триста респондентов из разных стран. Как правило, это молодые люди в возрасте от двадцати пяти до тридцати, работающие в сфере IT-технологий или же каким-то образом непрерывно соприкасающиеся с компьютерами в течение двадцати - двадцати пяти лет...

Скрючившийся за дверь Сергей одобрительно кивнул. «Насчет меня в точку, док, - со смешком согласился он. - Двадцать шесть лет, за

компом сижу с шести, с восемнадцати администрировал в Сети...»

Кто-то с едва уловимым русским акцентом перебил докладчика:

- Господин профессор, они что, с пяти лет за компьютерами?

- Собственно... да. Для нынешнего поколения это уже норма...

Продолжить ему не дали. Американец - судя по квакающему произношению, откуда-то из южных штатов - возмущенным баритоном буквально возопил:

- Разве можно лепить человека по образу и подобию компьютера? Их бог - машина?

- Вы ошибаетесь, если полагаете, что имэны каким-либо образом причастны к происходящим внутри них изменениям. Они такие же объекты эволюции, как и наши далекие предки... Да, их организмы выстраиваются в соответствии с компьютерной архитектурой. Но существования какой-то цифровой религии или определенного культа в их среде не выявлено, - сдержанно ответил профессор.

Судя по нетерпению, с которым задавались вопросы, доклад длился довольно давно и близился к завершению. Досадно! Речь шла о крайне интересном предмете. Тем более что в части «физики» профессор оказался прав на сто процентов.

Снова кто-то не выдержал.

- Профессор, вы назвали происходящее новой эволюцией. Но ведь эволюция - процесс постепенный, для нее нужны преобразования в течение многих поколений. А тут изменениям подвергаются уже взрослые особи... Скорее, это мутации?

- Эволюция и есть в немалой степени результат мутаций... А что касается изменчивости, так и времена сейчас стремительные. Быстродействие новейших компьютеров на несколько порядков превосходит скорость обмена информацией между нейронами в мозгу человека... Хотя, честно говоря, мне и самому не очень понятно, каким образом совершается перестройка организма.

В зале зашумели, закричали на разные голоса. Из общего гомона сумел выбиться один - с чуть заметным мягким «л», звучащим как «ль». Индеец?

- Профессор, разве описанная вами эволюция не нонсенс? Люди меняются вслепую за компьютерами, которые сами же и создали. Как может предмет труда воздействовать на челоовека?

- Почему нет?.. Вы верите в теорию Дарвина? Когда-то обезьяна взяла в руки палку и поняла, что ее гораздо удобнее держать при помощи отогнутого большого пальца. И всё - с этого момента начались изменения... Так и сейчас. Мы находимся в точке экстремума, перелом происходит на наших глазах...

Донельзя заинтригованный Сергей ломал голову над тем, куда же он попал. Что это за встреча? Международный симпозиум? Вряд ли. Уровень дискуссии не похож на научный... Публичная лекция? Ну, не в

«Хилтоне» же ее проводить... Пресс-конференция? Вот это больше похоже на правду...

Заключительное слово снова взял какой-то британец, но не докладчик, а, скорее, организатор.

- Я хотел бы поблагодарить господина профессора за прекрасный доклад. Думаю, что предложенная им теория отвечает на многие вопросы... Однако я намерен кое-что добавить, поскольку считаю, что из его речи нам следует сделать определенные выводы... Первое: нам не стоит оставаться большими оптимистами в вопросе межвидового взаимодействия между нами и имэнами. Да, я не ошибся - «межвидовое». То, что имэны называют себя обычными людьми, - временное явление. Рано или поздно они осознают, что это не так. И тогда нашей цивилизации придет конец, потому что их окажется слишком много... Второе: наша сегодняшняя встреча очень важна. Она важнее, чем обсуждение Киотского протокола. Судьба человечества решается уже сегодня. Кто будет выступать от его лица - мы или они: вот главный вопрос...

Скорчившийся в соседней комнате «могильщик человечества» расправил плечи. Услышанное невольно кружило голову. В свете открывающихся перспектив Сергей переставал быть мутантом, забираясь на «вершину эволюции». Теперь он как бы приподнимался над толпой, что при всем неприятии им идеи противостояния «людей цифры» и хомосов не могло не греть душу.

Британец продолжал бубнить, вгоняя в легкую дремоту. Он говорил очень долго и гладко, с широким диапазоном слов и образов, как умеют это делать представители туманного Альбиона. Сергей все аккуратно фиксировал, одновременно бэкапя запись. С год назад он установил себе софт, благодаря которому дублирование велось в автоматическом режиме. При первом же подключении мозга к нетбуку все архивы «автоматом» сливались на его жесткий диск, а оттуда «зеркалились» на один защищенный интернет-сервер.

- Если мы решим, что имэны - реальная угроза, то должны будем собраться еще раз. И не в обычном графике, а как можно скорее. Предлагаю через две недели. Кто желает высказаться?

Ошарашенный Сергей легонько присвистнул. Нет, это точно не пресс-конференция. Слишком откровенный разговор, чересчур серьезные намерения. Ладно, если за дверью собрались просто болтуны. А если там влиятельные персоны? Тогда до «окончательного решения имэнского вопроса» осталось всего две недели.

Сейчас Сергей страшно корил себя за легкомыслие, за то, что вовремя не озадачился вопросом связей между «электронными» людьми. Впрочем, в любом случае у него было еще две недели...

Слово попросил американец - тот самый, который возмущался «обожествлением» компьютера.

- Господин председатель предлагает нам совершить крайне ответственный шаг. Лично я сторонник самой жесткой линии. Если речь идет о существовании человечества, то мы обязаны пожертвовать его пораженной частью и вырезать опухоль. Даже если это антигуманно... Однако вопрос стоит еще острее, ведь проблема не только в опухоли. Удалив ее, мы не избавим наш организм от болезни. Возникнут новые язвы, поскольку остается внешний фактор. Те самые IT-технологии... Мы должны отказаться от их использования...

Его перебил другой американец.

- Надеюсь, вы говорите не всерьез? Начнется страшнейший мировой кризис. Катастрофа!.. Отказаться от компьютеров - все равно что отбросить человечество в каменный век. Десятилетия прогресса уйдут впустую.

Первый американец в запальчивости бросил:

- Значит, это был ложный прогресс, и последние десятилетия мы шли неправильным курсом.

В зале раздались аплодисменты. Британец-организатор примиряюще произнес:

- Прежде чем приступить к дискуссии, предлагаю выслушать еще одного эксперта. Давайте пригласим представителя нового вида...

«Кого он имеет в виду?» - только и успел подумать Сергей, как поблизости послышались шаги. Он отпрянул от двери и плюхнулся в кресло.

Замок щелкнул, в комнату заглянул человек, сощурился, вглядываясь в полумрак, и бросил:

- На выход!

* * *

В огромном, расписанном фресками зале, полном света, воздуха и людей, Сергей сразу потерялся. И самому себе, и всем собравшимся (а за овальным столом, похожим на контур гигантской рыбы, их сидело человек триста) он показался маленьким, незначительным и ничуть не похожим на того страшного монстра, о котором только что велись жаркие споры.

- Сергей Максимов, первый в истории человечества имэн! - разнеслось на весь зал. Невидимый информатор явно подражал тем своим коллегам, что объявляли выход боксера на профессиональный ринг.

Сергея поставили в междустолье, в то пустующее пространство, где обычно располагаются цветы и иная зелень. И вряд ли это было случайным совпадением. Во всяком случае, заняв место растений, Сергей в устремленных на себя взглядах чувствовал интерес

естествоиспытателей.

Ощущать себя экзотическим цветком оказалось крайне неудобно. Сергей скрестил руки на груди и осмотрел зал. Мужчины в возрасте, несколько женщин с брюзгливым выражением лица. Одеты все неброско, но дорого и респектабельно. Среди моря вручную пошитых костюмов Сергей в своем трехтысячедолларовом прета-порте чувствовал себя придорожным одуванчиком на клумбе с орхидеями.

Навскидку он попытался определить, куда попал, но не обнаружил ни одного опознавательного значка. Странно! В нынешнем мире корпорации привыкли изображать из себя государства и потому с особым трепетом относились к собственной символике. Если случалась битва, на языке бизнеса именованная деловой встречей, то знаки принадлежности к корпорациям вывешивались в зале переговоров, словно штандарты с гербами на рыцарских турнирах.

Однако на стенах не было ни одного логотипа. Тогда Сергей просканировал лица за столом, одновременно задействовав программу нахождения персоналий по изображениям. Подобный софт, но в базовой конфигурации, стоял у каждого имэна. Сергей пошел дальше. С полгода назад он приобрел новинку с расширенными функциями: подгружать в нее базу для поиска можно было не только из собственной памяти, но и пользуясь интернетом.

Распознавание дало ошеломляющие результаты. Сергея окружали самые могущественные люди планеты - мультимиллиардеры, владельцы международных корпораций, правительственные чиновники крупнейших держав, влиятельные политики и общественные деятели. Он даже не стал включать дополнительный поисково-аналитический модуль, чтобы понять - здесь заседало мировое правительство, именованное себя Клубом. Неафишируемое, теневое, но реально существующее. На его заседания не допускалась пресса, а участники никогда не рассказывали, о чем шла речь. Клуб собирался раз в год и обсуждал одну-единственную тему. Нынешним предметом дискуссии являлись имэны. Впрочем, опыт корпоративных переговоров позволил Сергею скрыть волнение.

- Дайте ему наушники, - раздалось в зале. Сергей догадался: для синхронного перевода. Головы переводчиков виднелись за стеклом на втором ярусе.

- Не нужно, - отказался Сергей на английском. - Я говорю на всех языках. - И, искривив в легкой улыбке губы, он повторил эту фразу на русском, французском, немецком, испанском, арабском и десятке других языков... Для него это было совсем нетрудно - словари он загрузил, как только почувствовал себя имэном.

По мере того как он говорил, шум в зале нарастал. Люди за столом делились впечатлениями. Если бы Сергей нарочно стремился их поразить, большего эффекта он бы не добился. Ему даже стало

немного смешно: судя по всему, эти люди всерьез не сталкивались с имэнами. И они считают себя мировым правительством?!

Председательствующий - по виду типичный британский лорд: сухощавый, седовласый, в старомодных бакенбардах - легко ударил миниатюрным молоточком по стоящему перед ним на подставке колокольчику, и по залу поплыл чистый мелодичный звон, заставив собравшихся притихнуть. Председатель еще с минуту выразительно молчал, затем, глядя прямо перед собой, произнес в микрофон:

- Прежде чем предоставить слово нашему эксперту-имэну, я хотел бы уточнить, на каком основании он считается пионером?.. Прошу ответить того, кто сумел узнать, из какого яйца впервые вылупилась курица.

Все засмеялись. «Британский юмор», - хмыкнул про себя Сергей.

За спиной председателя поднялся дородный мужчина в костюме в крупную клетку. Несколько рук протянули ему переносной микрофон.

- Мы ориентировались на первое публичное проявление имэна. В марте 2013 года Сергей Максимов триумфально победил на интеллектуальном ТВ-шоу, продемонстрировав незаурядную эрудицию. В то время об имэнах никто не слышал, и факт победы не был подвергнут сомнению. В дальнейшем десятки других электронных людей делали попытки заработать аналогичным образом, но...

- Достаточно, - прервал его председательствующий. - Спасибо. Это все, что я хотел услышать. Собственно, потому мы и выбрали местом встречи Москву.

Сергей тем временем проклинал Ричарда: «Так вот почему ты всплыл! Продал меня, тварь... Ну, погоди!»

- Итак, кто хочет задать вопрос имэну? - председатель обратился к залу.

Поднялся невысокий пожилой человек, костюм и внешность которого резко контрастировали с видом других участников встречи. Своим обликом он напоминал дворнягу среди породистых собак. Сергей узнал его по голосу. Профессор-докладчик...

- Каково это, ощущать себя хомо новусом? - спросил он.

Сергей покачал головой.

- У меня нет такого ощущения.

- А как у вас с внутривидовой борьбой?

- В цифровом обществе не бывает конфликта ценностей, существует только проблема совместимости. - Сергей многозначительно поджал губы. Ему самому понравился этот мутноватый ответ.

- Вы верите в Бога? Кто он для вас? - с жадностью ученого-теоретика, наконец дорвавшегося до объекта своих исследований, продолжал интересоваться профессор.

- Нет, не верю. Я материалист.

На следующие вопросы, не сильно отличавшиеся от первых, Сергей

отвечал так же односложно, удивляясь про себя примитивности спрашивающих. Наконец иссяк даже этот ручеек интереса. Судя по всему, мнение о проблеме у собравшихся уже сложилось. Люди за столом недоуменно пожимали плечами, они ожидали от живого имэна чего-то большего, возможно, каких-то откровений или разоблачений. Ответы Сергея были восприняты ими как хитрые уловки пленного врага.

Наконец председатель ударил по колоколу, возвещая об окончании очередного этапа встречи.

- А что мы будем делать с имэном? - вдруг спросил кто-то. - Он ведь все слышал.

- Пока не принято окончательного решения, никаких серьезных действий в отношении него совершено не будет, - отозвался председатель. - Присутствуют ли в зале специалисты по компьютерным технологиям?

- Да, - вскочил тип в клетчатом костюме.

- Как вы считаете, возможно ли удаление части памяти у нашего эксперта?

- Конечно. Никаких проблем.

- Тогда займитесь... А мы перейдем к заключительной части.

Молчавший до того Сергей встрепенулся.

- Эй, а меня спросить? Где демократия, где свобода личности? - возмутился он.

- Свобода одной личности заканчивается там, где начинается свобода другой, - тоном строгого учителя отрезал председатель.

Ответ взбесил Сергея. Задай ему сейчас профессор свой вопрос о том, «каково ощущать себя хомо новусом», он бы знал, что ответить. Пока неандерталец не стал вставлять палки в колеса кроманьонцу, тот не понял, что он - хомо новус.

* * *

Взяв Сергея под руки чуть более жестко, чем следовало для обычного препровождения, охранники отвели его в комнату ожидания и через разъем в голове подключили к компьютеру. К компании секьюрити прибавилось несколько парней в свитерах и джинсах.

Сергей грустно усмехнулся: «Экс-коллеги».

Он мог бы попытаться повысить содержание адреналина в крови, усилить мышечный тонус и раскидать конвоиров в стороны. Но чтобы выбраться из охраняемого «Хилтона», требовались способности супермена, а что бы ни думали о имэнах члены мирового правительства, суперменом Сергей не был... Оставалось надеяться, что компьютерщики окажутся «чайниками» и не заметят сделанных им

архивов. А восстановиться из бэкапа не проблема. Еще в зале Сергей улучил момент и вслепую, с мобильного в кармане, послал сам себе сообщение с напоминанием...

- Его нужно как-то отключать? - спросил один из охранников. Сергей поежился, представляя, как ему на голову опускается рукоятка пистолета.

- Нет, конечно, - засмеялся первый компьютерщик, просматривая на экране содержимое его мозга. - Обычное удаление файла сегодняшнего дня, чистка корзины, и все.

Сергей усмехнулся краем рта: «Ну и эксперт!»

- ...и проверка по всем архивам, зеркалам и бэкапам. Также можно будет проверить, не скинул ли он что-то через блютуз... Упс, а это что, нетбук, да еще с модемом?

Нашли-таки, подумал Сергей. Теперь все. Что «все», додумать он не успел, мир поплыл перед глазами и выключился.

* * *

Он стоял прямо посреди людского моря, огибающего его, словно волны коралловый риф. За спиной осталось здание, в котором он провел два года жизни... Сергей задрал голову вверх и с прищуром посмотрел на солнышко, подмигивающее ему из-за кучерявых облаков... Стоп! Какое солнце? Только что ведь шел дождь, а небо было затянуто тяжелыми пепельно-синими тучами. Он перевел взгляд на наручные часы и не поверил своим глазам. Хваленый швейцарский «Тиссот» показывал не одиннадцать утра, а пять с копейками вечера. Для проверки Сергей глянул назад, на огромный дисплей в холле его когда-то родного здания. Отчетливо видимые сквозь стеклянный фасад цифры показывали то же время, что и швейцарский механизм. Как же так? Из кабинета начальника он вышел в одиннадцать; нигде не задержавшись, спустился в холл и сразу же покинул здание. На весь маршрут потребовалось минут двадцать максимум. Куда в таком случае подевались почти шесть часов его жизни? Он ничего не помнил...

Стоп, стоп, нужно все хорошенько обдумать... Он нырнул в ближайшую кофейню, сел за самый дальний столик, подключился к нетбуку. Прошерстил архивы, проверил жесткий диск нетбука и флешки. Пусто. Черный квадрат. После одиннадцати часов словно ничего не происходило. Хм, не мог же он заснуть прямо на улице...

Так, а телефон? Сергей достал из кармана мобильник, просмотрел журнал вызовов. Опять чисто... Раздался короткий зуммер. Эсэмэска? Нет, «напоминалка». Он открыл органайзер, прочитал: «заглянуть на любимый сайт». Надо же, какое странное послание - кокетливое и

интригующее одновременно, совсем не в его духе. Прямо ребус. Ну допустим - и что тогда имеется в виду под «любимым сайтом»? «Зеркало» с бэкапами?

Он ввел айпи сайта, вошел в свой раздел... и ничего не увидел. Компьютер утверждал, что последний раз он или же кто-то под его логином посещал эту страницу примерно час назад. Если там и существовала когда-то инфа, способная пролить свет на провал в его памяти, то сейчас ее не было.

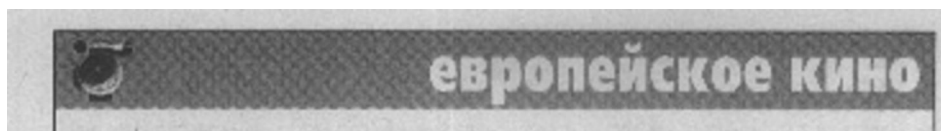
Где же искать след? Может, спросить людей на улице? Вдруг кто-то видел... Или заскочить на работу, поинтересоваться там?

Сергей озабоченно вздохнул: «Мало того что работы лишился, так еще и амнезию подхватил... Ладно, не смертельно, разберемся. Любые проблемы решаемы, хватило бы времени».

Он щелкнул пальцами, подзывая официанта, и заказал капучино. Он еще не знал, что времени у него осталось всего две недели.

Видеодром

Европейское кино

НЕ ЗАРЕКАЙСЯ

«Отцом» космической кинофантастики стал француз Жорж

Мельес. Долгое время первенство в жанре держали американцы. Но вот Европа опять пытается «подтянуться». И лента «Напролом» тому пример.

Тема космических тюрем весьма популярна в мировом научно-фантастическом кинематографе. Любого поклонника кинофантастики с ходу назовут несколько лент, ставших классикой НФ. Тут и «Луна-44» Эммериха, и обе «Крепости» с Ламбертом, и цикл о Риддике, и многое другое. Естественным образом подобная проблематика связана с темой бунта в космической тюрьме. В результате все сводится к беготне по коридорам космической станции и поискам главными героями возможностей выжить и покинуть тюрьму на какой-нибудь во время подвернувшейся космической шлюпке. В общем, несмотря на классичность сюжета, а может быть именно поэтому, основные ходы, как правило, предсказуемы и банальны.

С другой стороны, создатели ленты сообщили, что автором сценария и базовой идеи является Люк Бессон, который успел приучить зрителей: не только его собственные фильмы, но и картины, снятые по его сюжетам, как правило; отличаются нетривиальностью замысла. Да и сам факт выхода европейского фильма в жанре космической НФ предполагал обязательность просмотра. Увы, случилась вполне распространенная в кино ситуация, когда самые необычные и интересные новации регулярно вступают в поединок с логикой повествования.

Фильм вышел под названием «Lockout», что поставило российских прокатчиков в тупик: термин не слишком известен, да и никак не корреспондируется с событиями. Поэтому перевели просто и без затей - «Напролом». На самом деле у слова lockout есть множество значений, одно из которых не только описывает сюжет фильма, а даже предсказывает финал. Lockout - это выход в скафандре через шлюзовое устройство.

Итак, 2079 год. Агента ЦРУ Сноу, пытающегося спасти напарника, раскрывшего секрет кражи важной информации (непонятно кем - политическое устройство мира остается неизвестным), подставляют. Напарник убит, Сноу предъявляют обвинение в совершении этого преступления и собираются отправить в орбитальную тюрьму для особо опасных преступников на 30 лет. заключенные здесь пребывают в закрытых кабинках в некоей форме анабиоза - стазисе. Сама тюрьма представляет собой летающую крепость, способную обороняться от любой космической атаки. Этакая Звезда Смерти.

Тем временем в космическую тюрьму с инспекцией прибывает дочка президента. Одному из преступников удается вырваться и выпустить из капсул остальных, Они захватывают станцию и берут дочку президента в заложники. На станции вакханалия и убийства - часть заключенных в

стазисе сошла с ума. Секретная служба предлагает Сноу пробраться на станцию и спасти президентскую дочку. У Сноу есть и личный мотив: один из заключенных - его бывший партнер и знает, где спрятаны документы, способные оправдать Сноу и вычислить предателя в Секретной службе... Начинается беготня по коридорам, лифтам и вентиляционным шахтам со стрельбой и мордобоем.

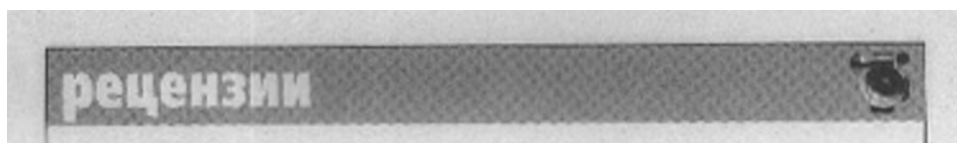
Собственно, вполне банальный боевик. Если пытаться найти ту идею Люка Бессона, по которой снят фильм, то она как-то не выкристаллизовывается. Неужели это стазис? Но сам по себе стазис вообще непонятно зачем нужен - тюрьма ведь предназначена не только для изоляции от общества, но и для воспитания преступника. А тут - заснул, сны посмотрел, проснулся. И зачем отправлять капсулы именно на орбиту?

Может быть, суть в гуманистическом послые - симпатичная президентская дочка отказывается покинуть станцию без других заложников? Но эту этическую проблему сценаристы решили просто и в лоб.

Возможно, хотелось снять космическую европейскую фантастику. Если так, то затея удалась. Космические битвы весьма неплохи для тридцатимиллионного бюджета. Правда, с картинками будущего на Земле есть небольшая проблема - как-то это все непроработано. Оружие обычное, огнестрельное, мобильники похожи на мобильники, вертолеты - на вертолеты, метро - на метро... Только вот с машинами постарались: погоня на авто-мото будущего получилась впечатляющая, хоть и короткая.

«Вытягивает» фильм голливудская звезда австралиец Гай Пирс. Мачо, циничный и со своеобразным чувством юмора, - это не совсем его типаж, ему ближе более лиричные герои, однако здесь он справляется прекрасно. Надо сказать, что и режиссеры-дебютанты Джеймс Мэтер и Стивен Ст. Леджер под мудрым руководством «дядьки» Бессона старались изо все сил. Фильм держит в напряжении до последней минуты. Впрочем, крота в Секретной службе автор этих строк угадал сразу. Попробуйте и вы.

Дмитрий БАЙКАЛОВ

Рецензии

МОРСКОЙ БОЙ

(BATTLESHIP)

Производство компаний Battleship Delta Productions и Hasbro Inc. (США), 2012.

Режиссер Питер Берг.

В ролях: Тейлор Китч, Александр Скарсгард, Рианна Бруклин, Декер Таданобу, Асано Лиам, Нисон Джон, Туи Грегори, Д.Гэдсон и др.

2ч. 11 мин.

Извечная мечта уфологов сбылась: пришельцы прилетели! Увы, не с добрыми намерениями, Своей боевой мощью разведывательный отряд гостей с другой планеты напугал весь мир, посеяв хаос и разрушения. К счастью, в ходе вторжения захватчики потеряли передатчик, способный отправить сигнал на родную планету. Поэтому для окончательного разгрома человечества им нужно восстановить связь с основными силами и разобраться с отчаянными моряками, чьи корабли оказались под непроницаемым иноземным куполом.

«Морской бой» - эдакие «Трансформеры» на воде, где вместо огромных роботов воюют инопланетные и земные корабли. Тот же бюджет, тот же размах, те же зрительские претензии к логике повествования. Впрочем, если в фильмах Майкла Бэя сценаристы хоть как-то пытались объяснить происходящее на экране, то в кинокартине Питера Берга нет даже робкой попытки подогнать многие эпизоды под спецэффекты.

Такое ощущение, что создатели «Морского боя» не снимали кино, а просто решили повеселиться, придумывая совершенно идиотские ситуации. Безногий инвалид дерется врукопашную с могучими пришельцами. Эсминцы тормозят и разворачиваются на воде, как спорткары на дороге. На корабле-музее, как по волшебству, появляются снаряды. И прочее, и прочее, и прочее... Но вся эта клоунада с лихвой компенсируется тем самым морским боем. За зрелищность, поставленную во главу угла, этой картине можно простить многое. Потому что, когда стальная машина на воде дает залп из орудий, все сценарные бредни моментально забываются. А дальше грандиозные битвы, насыщенные экшеном и изобретательностью, следуют одна за другой,

Конечно, «Морской бой» - чистый аттракцион. Но яркий и дорогой. И хотя у фильма Берга отсутствует всякая культурная ценность, иногда приятно и просто отдохнуть.

Степан Кайманов

МСТИТЕЛИ

(THE AVENGERS)

Производство компаний **Marvel Enterprises** и **Marvel Studios Inc.** (США), 2012.

Режиссер **Джосс Уидон**.

В ролях: **Роберт Дауни-мл., Крис Эванс, Марк Руффало, Крис Хемсворт, Скарлетт Йоханссон, Джереми Реннер, Том Хиддлстон и др.** 2 ч. 20 мин.

Одержимый властью бог Локи прибывает на Землю в поиске тессеракта - неиссякаемого источника энергии, находящегося в руках секретной организации «ЩИТ». Ему удается похитить тессеракт и подчинить себе астрофизика Эрика Селвига, который должен при помощи этого артефакта открыть портал для вторжения инопланетной армады. Чтобы противостоять Локи, глава «ЩИТа» Ник Фьюри пытается собрать команду супергероев, куда должны войти Железный человек, Тор, Черная вдова, Халк и Капитан Америка...

«Мстители» - экранизация одноименного комикса компании Marvel и, пожалуй, самый амбициозный кинопроект последних лет, Собрать в одном фильме супергероев, многим из которых уже были посвящены отдельные кинокартины, написать под них интересную историю, заставить работать в команде и при этом попытаться выкроить каждому экранное время... всё это непростая задача. Но сценаристы «Мстителей» с ней справились.

Удивительно, но «Мстители», где нужно было учесть массу нюансов, получились значительно интереснее, динамичнее и зрелищнее, чем все предыдущие экранизации комиксов компании Marvel («Железный человек», «Невероятный Халк», «Тор», «Капитан Америка»). Конечно, на съемках такого уникального и масштабного проекта не могло не обойтись без проблем. Так, Капитан Америка на фоне Железного человека и Тора выглядит не слишком выразительно, теряясь в тени их харизмы. А главные злодеи в лице бога Локи и таинственного повелителя инопланетной расы явно не те враги, которые должны противостоять сверхмощной, практически непобедимой команде Мстителей. Однако, несмотря на недочеты, «Мстители», скорее всего, останутся лучшим кинокомиксом нынешнего года.

При бюджете в 220 миллионов картина уже собрала 1 миллиард долларов, так что анонс продолжения выглядит вполне закономерным.

Алексей Старков

ТОТ ЕЩЁ КАРЛОСОН

Производство компании Enjoy Movies (Россия), 2012.

Режиссер Сарик Андреасян.

В ролях: Михаил Галустян, Федя Смирнов, Олег Табаков, Нонна Гришаева, Игорь Верник, Александр Олешко, Семен Фурман и др.

1 ч. 20 мин.

Этот анфан терибль детской литературы повлиял не на одно поколение советских детей. Карлсон представляет собой этакую квинтэссенцию русского менталитета: чуть раздолбайства, абсолютное неповиновение и налет пофигизма. Ну чем не герой русских народных сказок? И почему бы не использовать сложившийся бренд, поменяв, правда, одну букву в фамилии героя во избежание копирайтных проблем?

Сюжет незамысловат: КарлОсон, один из Метриков, лопоухих летающих человечков, помогающих детишкам в их горестях (с его ролью великолепно справился Михаил Галустян), получает задание - помочь семилетнему Малышу, переживающему развод вечно занятых родителей. На этом материале созвездие российских актеров, резидентов «Камеди клаба» и юмористических сериалов ТНТ, сварганило, по-другому и не скажешь, детское кино с зашкаливающим количеством упоминаний и пародий на все детские фильмы без разбору. Идея в целом неплоха, но воплощение...

Несмотря на высокие сборы в прокате, на эту легкую комедию критики ополчились не на шутку, припомнив режиссеру все его отнюдь не шедевральные работы. Хотя требовать от режиссера понимания детской психологии, воспитательных и нравственных ориентиров было бы наивно. К сожалению, времена Нечаева, Арсенова, Бромберга, Быкова и Грамматикова давно прошли. Но фильм не для злобных критиков, а для детей, если, конечно, родители готовы показать его своим чадам. Как-никак в этом детском кино полно сленга, откровенного продакт-плейсмента и различных штук из мира совсем уж взрослого - карточки стрип-клубов, презервативы и гомофобные шутки на грани приличия... В результате на выходе имеем не то чтобы «какашку» (любимое словечко главного героя фильма), но нечто, дурно пахнущее.

Вячеслав Яшин

адепты жанра

адепты жанра

ПОСМЕЁМСЯ «ПО-ЧЁРНОМУ»

Кажется, ему подвластны комедии любого типа: «черная», лирическая, криминальная, но больше всего фантастическая. Неудивительно, ведь он и родился в День смеха.

Барри Зонненфельд действительно родился 1 апреля 1953 года, который в Америке называют Днем всех дураков. Возможно, это и определило его судьбу.

Будущий режиссер появился на свет в Нью-Йорке, там же в 1978 году получил диплом кинематографической школы при нью-йоркском университете. Карьера Зонненфельда в кино началась с работы оператором - и вовсе не блокбастеров. Даже не с художественных фильмов, хотя и документальными их тоже назвать нельзя. Молодой оператор снимал картины, скажем так, для очень взрослых зрителей. В «горячие» периоды он запечатлевал на камеру по девять фильмов с «клубничкой» за девять дней. Разумеется, ко всему происходящему невозможно было относиться без юмора...

В зрелом возрасте Зонненфельд мечтал снять уже серьезный художественный фильм о порноиндустрии, но его опередил Пол Томас Андерсон своей картиной «Ночи в стиле буги».

В 1982 году Зонненфельд впервые встал за камеру на съемках иного плана - документальной ленты «В нашей воде», номинированной на «Оскар» в своей категории. А год спустя запечатлел в объективе свой

первый игровой фильм. Разумеется, им оказалась комедия - телевизионная картина «Как быть совершенным всего три дня».

Затем судьба свела начинающего кинематографиста с будущими мэтрами Джоэлом и Итоном Коэном. Зонненфельд выступил оператором-постановщиком дебютного коэновского триллера «Просто кровь» (1984). Здесь же и сам исполнил небольшую роль. Впоследствии Зонненфельд сохранил эту привычку, роднящую его с Эльдаром Рязановым: непременно сыграть эпизод в собственной картине.

Фильм Коэнов приобрел статус культового. Интересно, что лента без явных элементов фантастики тем не менее выиграла приз зрительского жюри на международном фестивале фантастического кино «Фанташпорту» в Португалии (международная транскрипция названия - «Фантаспорто») и номинировалась там же как лучший фильм в жанре фэнтези.

Сотрудничество Зонненфельда с братьями продолжилось и в двух следующих криминальных фильмах дуэта - «Воспитывая Аризону» и «Перекресток Миллера». Оператор становился все более востребованным, а среди его проектов преобладали комедии. Зонненфельд даже разработал свои «фирменные» приемы: например, снимать ниже уровня глаз, добиваясь комического эффекта.

Первый же настоящий визит в кинофантастику состоялся в качестве оператора-постановщика комедии Пенни Маршалл «Большой» с Томом Хэнксом, которая демонстрировалась и в советском прокате. Однако в режиссуру Зонненфельда привел триллер. Он впервые «оторвался от окуляра», чтобы стать режиссером второй съемочной группы фильма Роба Райнера «Мизери» (1990). Экранизация романа Стивена Кинга возглавила хит-парады, втрое окупив двадцатимиллионный бюджет, номинировалась сразу на несколько жанровых премий «Сатурн» американской академии фильмов ужасов, научной фантастики и фэнтези и даже принесла «Оскар» исполнительнице главной женской роли Кэти Бэйтс.

А через год Зонненфельду представился шанс возглавить съемки полнометражного фильма, причем далеко не самого легкого проекта.

* * *

На кинотеатральный ремейк популярного сериала «Семейка Аддамс» продюсеры хотели пригласить Тима Бартон или Терри Гиллиама, уже зарекомендовавших себя любителями (и профессионалами) мрачной иронии. Но оба режиссера отказались, и место занял Зонненфельд. В визуальной атмосфере «Семейки Аддамс», в ее изысканной стилизации темного и, на первый взгляд, злобного, неожиданно

выступающего обаятельным, все-таки чувствуется влияние Бартона. Однако Зонненфельд проявил себя самобытным постановщиком. Более того, бывший кинооператор сумел выразить в этой «черной» комедии свой особенный взгляд на жизнь - ощущение, что мир не укладывается ни в какие рамки и в самом привычном обязательно таится нечто неожиданное.

Еще одна отличительная черта Зонненфельда, которая проявилась в первом же его самостоятельном режиссерском проекте, - умение работать с актерами. Он создал необыкновенно слаженный ансамбль, где не удалось перетянуть на себя внимание никому, даже феерическому Кристоферу Ллойд в роли дядюшки Фестера. Барри Зонненфельд не отказал и себе в том, чтобы «засветиться» в собственном фильме, но сделал это с присущей ему иронией. Мы видим его в крошечной роли пассажира игрушечного поезда, азартно взорванного Гомесом Аддамсом.

Картина со средним бюджетом собрала более ста миллионов долларов в прокате: редкий постановщик-дебютант может похвастаться таким кассовым успехом, даже Спилбергу это удалось не сразу. Но работа над «Семейкой Аддамс» потребовала от начинающего режиссера огромной самоотдачи. Он явно перетруился, а потому наотрез отказался снимать продолжение.

Однако появление сиквела было неизбежным, В конце концов это признал и сам Зонненфельд, а увещевания студии и солидный гонорар решили дело.

Однако, хотя «Ценности семейки Аддамс» практически не отличались от первой части и смотрелись как вторая серия единого фильма, на этот раз кассового бума не вышло. Сам Зонненфельд сыграл чуть более объемную роль, чем обычно: отца семейства Гликеров, чей непутевый болезненный отпрыск влюбляется в Уэнсди Аддамс.

Несмотря на скромные сборы, поклонники ожидали третьей серии. Увы, смерть в 1994 году Рауля Хулиа, игравшего Гомеса Аддамса, поставила на этом крест. Позднее третья часть все-таки вышла на телевидении под названием «Воссоединение семейки Аддамс»,

В перерыве между «Аддамсами» Зонненфельд поставил романтическую комедию «Консьерж» (в другом переводе - «Влюбляться запрещается»). Интересно, что и здесь (без помощи фантастики) режиссер проводит любимую мысль: в самых обычных людях кроется нечто особенное, скрытое от поверхностного взгляда. В хватком консьерже, сыгранном Майклом Джейм Фоксом, живет мечтатель, современный Фигаро, а меркантильная с виду героиня демонстрирует благородство и искренность.

После «Ценностей семейки Аддамс» Зонненфельд отдал дань новомодному в то время тарантиновскому кинематографу. Гангстерскую комедию «Достать коротышку» по роману Элмора

Леонарда многие даже посчитали продолжением «Криминального чтива» благодаря участию Джона Траволты и общему стилю повествования. Интересно, что Квентин Тарантино был первым из претендентов на режиссуру этого фильма. В главной же роли гангстера «Чили» Палмера Зонненфельд видел отнюдь не Траволту, а - неожиданно для всех - Дэнни ДеВито. Впервые он работал с этим актером еще в качестве оператора комедии «Сбрось маму с поезда», которую Дэнни ставил сам. Но ДеВито, занятый постановкой очередного фильма, сыграл у Зонненфельда более скромную по количеству дублей и съемочных дней роль заглавного коротышки Мартина Уира. Сам режиссер исполнил cameo привратника в экстравагантном наряде, а заодно опробовал одно кинематографическое ремесло - исполнительного продюсера.

Зонненфельду не понравилась собственная работа - наверное, из-за того, что он тяготел к показу живого действия, а «Достать коротышку» построен на диалогах. Однако реакция публики вынудила его изменить свое мнение, Да и Элмор Леонард назвал фильм лучшей экранизацией своего романа.

* * *

Между тем режиссер не переставал стремиться к новой фантастической комедии. Он еще раз собирался перенести на экран жанровый сериал, на этот раз анимационный. Предполагалось, что Зонненфельд снимет игровую версию популярного мультфильма «Джетсоны»: еще одна фантастическая семейка, но уже из будущего. Главные роли должны были сыграть Джим Кэрри и Николь Кидман.

Однако к Зонненфельду обратился Стивен Спилберг, который продюсировал экранизацию не слишком известного комикса «Люди в черном». И Зоннефельд опять сменил Квентина Тарантино, который рассматривался как претендент на ранней стадии подготовки. Продюсеры даже согласились подождать с запуском картины, пока Зонненфельд доснимет фильм о приключениях «Чили» Палмера. Вероятно, именно поэтому герои «Достать коротышку» даже на растиражированном постере выступают в черных костюмах и солнцезащитных очках!

Режиссер с энтузиазмом взялся за новый проект. В интервью он рассказывал, что фильм отвечает его жизненной философии: «Мы ничего не знаем об окружающем мире!».

Режиссер опять фантазирует на тему необычайного в повседневной жизни. До него инопланетяне были захватчиками или спасителями человечества, преступниками, полицейскими либо трогательными друзьями детворы. Но они не знали проблем иммигрантов в Америке,

не промышляли мелким жульничеством и не проявляли обычных человеческих слабостей. Уличный пройдоха может обернуться пришельцем, но и пришелец у Зонненфельда не более чем «маленький человек» в большом городе. Именно режиссер настоял на том, чтобы большинство натуральных съемок проводилось в родном Нью-Йорке, потому что жители «Большого Яблока» весьма толерантны к тем, кто странно выглядит, и для замаскированных инопланетян это самый лучший город на Земле.

В жанре «космической» фантастики «Люди в черном» стали тем же, чем оказалась трилогия «Назад в будущее» для темы кинопутешествий во времени. Недаром к обоим фильмам приложил продюсерскую руку Стивен Спилберг. Американская кинофантастика 70-х и начала 80-х годов XX века традиционно демонстрировала будущее в апокалиптическом ключе, а путешествие Марти Макфлая и «Дока» Брауна сломало стереотип, показав «человечное» грядущее. Но если у Земекиса будущее ничем, кроме технологий, не отличается от настоящего - те же люди, те же проблемы, то у Зонненфельда оно перенесено в космос.

Правда, космос, пришедший на Землю, как выясняется, тоже никаких существенных отличий не имеет. Даже самые экстравагантные негуманоиды ведут себя как обыкновенные жители земного мегаполиса. Хотя ради драматизма сюжета «каркас» оставили довольно шаблонным: главным героям предстоит спасти мир, победив инопланетного злодея - гигантского разумного таракана (видимо, дань голливудской кинофантастике середины XX века).

«Люди в черном» стали самым коммерчески успешным фильмом Зонненфельда, попутно собрав немало призов и еще больше номинаций. Среди наиболее престижных наград - «Оскар» за лучший грим Рикку Бэйкеру и «Сатурн» за лучший фильм.

* * *

Успех поневоле вынуждал Зонненфельда поставить очередной блокбастер, но специфическое дарование режиссера создавало трудности в выборе подходящего проекта. Постановщик решил пойти проторенным путем: адаптировать для большого экрана еще один фантастический сериал. Правда, в довольно редком субжанре - вестерн-стимпанк «Дикий, дикий Вест». На тот момент это был наиболее масштабный фильм, снятый в такой стилистике (как оказалось, очень рискованной).

Режиссер пригласил на главную роль уже знакомого Уилла Смита - и традиционно «белый» персонаж сериала Джеймс Вест стал темнокожим.

Ради того чтобы сыграть бравого Веста, актер отказался от роли хакера Нео в «Матрице». Впоследствии Смит назвал это самой большой ошибкой в своей карьере. «Дикий, дикий Вест» ждал болезненный провал - как кассовый, так и творческий. Примечательно, что исполнитель роли «оригинального» Веста из сериала даже отказался сыграть камео, недовольный качеством сценария, который по давней голливудской традиции переписывала целая команда. Несмотря на впечатляющие спецэффекты и декорации, картина Зонненфельда на этот раз получила гроздь номинаций на шуточную антипремию «Золотая малина», включая «худший фильм года». А исполнитель роли второго персонажа Кевин Клайн «удостоился» двух «Малин» - за мужскую и женскую роль в одном и том же фильме.

Только через два года Зонненфельд выпустил очередную работу. Это был пилотный эпизод продюсируемого им самим комедийного сериала «Клещ»: экранизация комиксов о супергерое в обтягивающем синем костюме с «антеннами» на голове, как у насекомых. А уже в 2002 году на большой экран вышло сразу два фильма Зонненфельда - криминальная комедия «Большие неприятности» и фантастическая «Люди в черном 2». Вторая часть хита вернула режиссеру кассовый успех, хотя прошла в мировом прокате слабее первой. Зонненфельд сыграл небольшую роль отца семейства, в чьем доме агенты службы по контролю деятельности инопланетян на Земле держат резервный арсенал.

После этого режиссер обратился преимущественно к телевидению, а в игровом кино ограничивался ролью продюсера постмодернистской фэнтези, вроде «33 несчастий» по книгам Лемони Сникета или диснеевской «Зачарованной».

Среди телесериальных проектов Зонненфельда фантастичен «Мертвые до востребования». Здесь опять разыграна ситуация «необыкновенное в повседневном»: главный герой может оживлять мертвых прикосновением, но только на одну минуту, иначе рядом погибнет кто-то другой. Зонненфельд поставил первые две серии, задавая манеру легкого «черного» юмора и тонкой визуальной стилизации в духе своих же фильмов об Аддамсах. Только вместо мрачных декораций «Мертвые до востребования» полны сочных красок и разыграны в нарочито «игрушечном» антураже.

* * *

Разговоры о третьей серии «Людей в черном» начались сразу после выхода на экраны второго фильма цикла. Однако ее пришлось ожидать целых десять лет, Для Зонненфельда эти съемки были, пожалуй, наиболее сложными. Он многократно превысил бюджет и

терпел постоянные импровизации Уилла Смита, полагавшего себя суперзвездой, которой наплевать на сценарий. Кроме того, Зонненфельд впервые осваивал новый для него формат 3D (и сделал это, надо сказать, лучше многих).

Сюжет третьей части практически не отличается от первой: агенты Джей и Кей должны остановить особо опасного пришельца, который лишь притворяется гуманоидом. Однако это только повод к любимому Зонненфельдом концентрированному действию, развивающемуся от одного гэгга к другому. Шутки, как и в предыдущих фильмах, по большей части основаны на разнице характеров двух центральных героев и «фирменных» превращениях инопланетян, которые поначалу выглядят заурядными обывателями. Специалист по гриму Рик Бэйкер снова постарался на славу, изготовив десятки разнообразных тварей и даже исполнив небольшую роль одного из алиенов. А самого Зонненфельда мы опять можем видеть в секундном cameo телезрителя, который вместе с супругой (реальной!) следит за стартом ракеты на Луну.

Главная изюминка - время действия. Исчерпав современные локации, режиссер отправился в прошлое вместе с агентом Джей, который должен спасти от гибели своего еще молодого напарника. Это позволило разыграть фантазии в мастерски стилизованном Нью-Йорке 1969 года.

Мода на «ретро» возвращается в голливудскую кинофантастику: в прошлом году середина XX века вдохновила Мэттью Бона и Зака Снайдера, а в этом сезоне год 1972-й показал в «Мрачных тенях» Тим Бартон (если верить «Людам в черном 3», тоже, кстати, пришелец). Трюк с перемещением во времени превратил дуэт агентов в трио, И, пожалуй, наиболее яркой роль получилась не у шутника Смита, а у Джоша Бролина. Традиционно неулыбчивый оscarовский номинант с тонким юмором и шармом играет двадцатидевятилетнего агента Кея, не уступая «оригиналу».

Зонненфельд вновь продемонстрировал умение работать и с актерами, и со спецэффектами. 1 апреля будущего года ему исполнится шестьдесят, и он все еще в отличной форме. Уже на стадии подготовки третьей части даже начал говорить о «Людах в черном 4». С одной стороны, для режиссера такого уровня очевидный «бег на месте». С другой - кто откажется лишний раз посмеяться?

Аркадий ШУШПАНОВ

АННА КИТАЕВА

ДЕНЬ ПРИОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ

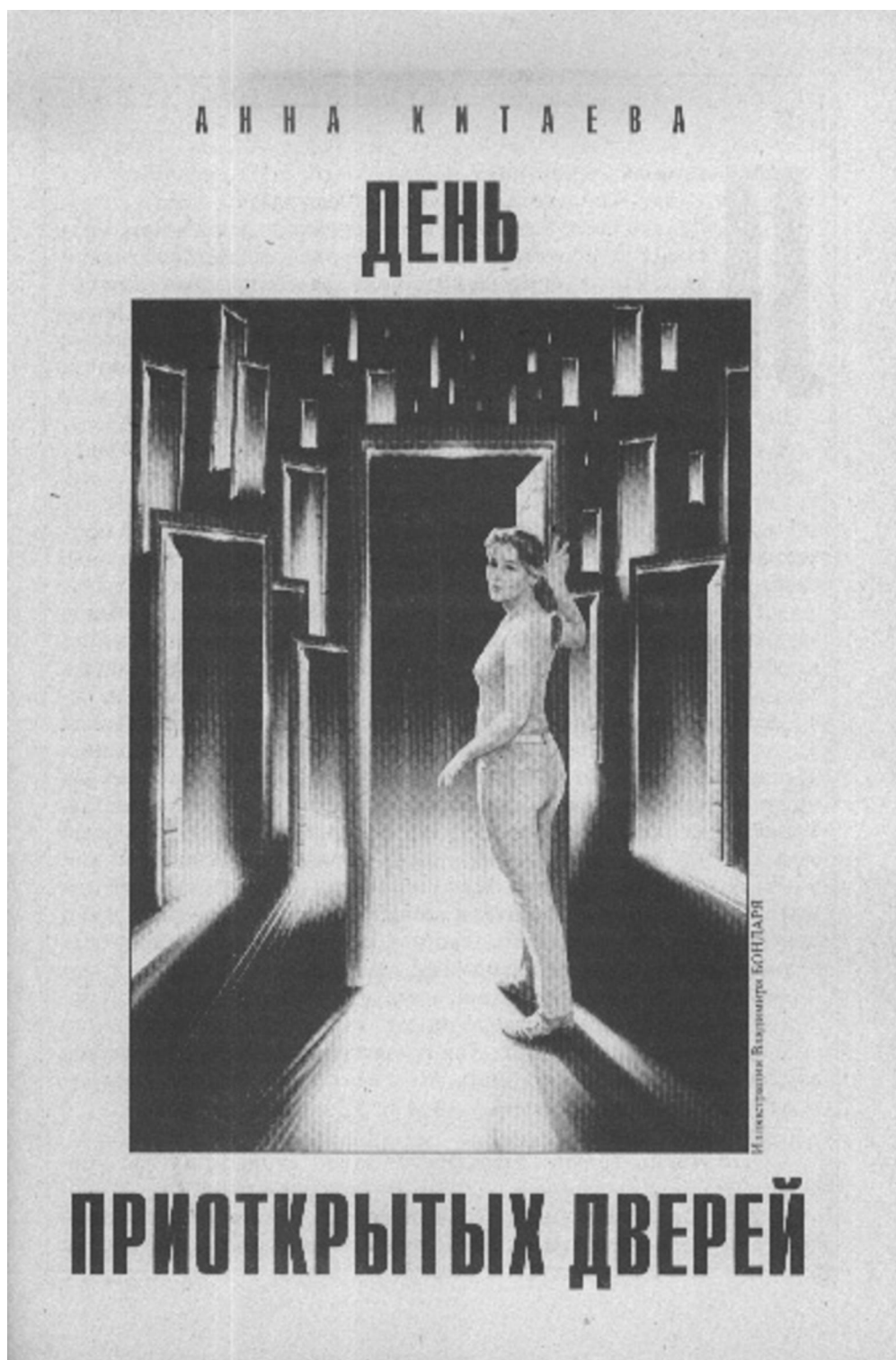

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

Людмила Сергеевна?

- Да, - послушно отозвалась Людмила.

Лежать было неудобно. Мешала сбившаяся в комок простыня под боком. Поправить бы, да поздно. Тело отяжелело, стало непослушным,

даже глаза закрылись сами собой - куда уж тут рукой пошевелить! Но странно, руки-ноги не двигаются, все онемело, а смятая ткань чувствуется и раздражает. Раньше надо было сообразить и расправить...

- Вы понимаете, что происходит? Как ощущения?

- Я все понимаю. Нормально. Тела только не чувствую, и в ушах шумит... А у вас наркоз хороший? У меня с сердцем проблемы... ему не повредит?

- Знаем мы все про ваше сердце. Вы полное обследование проходили перед сеансом. Забыли, Людмила Сергеевна? И наркоз у нас слабенький. Ваши ощущения - это больше гипноз, чем наркоз.

...Голоса плывут, тягучие, как варенье. Мамино крыжовенное варенье в золотистом медном тазу. Пробуй, Люсенька, осторожно, не обожгись... А знаешь, как понять, когда варенье готово? Капаешь себе на ноготь: если держится бусиной - можно снимать с огня, если растекается - надо еще варить. Мама, так горячо ведь, на ноготь! Тебе горячо, Люсенька, я привычная... Мамины руки, большие, распаренные. Загрубевшие пальцы с обрезанными короче ногтями, трещинки на коже, грязь от работы въелась навсегда. Учись, Люсенька, хозяйничать, в жизни пригодится. Вот выйдешь замуж... Нет! Мама, я не выйду замуж! Я не хочу такие руки, как у тебя. Я не хочу, чтобы муж меня бил. Я хочу прочь из дома и бегом на горку, где старое кладбище, и весь Подол внизу, а сверху только синее небо - свобода! Пусти, пусти! Стынувший шепот вдали, бессильный ее удержать: Люс-сень-ка...

- Людмила Сергеевна, вы нас слышите?

- Слышу. Простите, отвлеклась.

- Ничего, это нормально. Так и должно быть. Вы погружаетесь в прошлое. Но мы должны знать, что с вами все в порядке. Говорите вслух, Людмила Сергеевна.

- Что говорить?

- Что угодно. Первое, что взбредет на ум. Лишь бы мы вас слышали.

- Хорошо. Я попробую... Странно вот так, знаете, без подготовки... и ни о чем. Должна быть зацепочка. Это как по городу идешь и вспоминаешь: вот здесь со мной тогда-то такое-то произошло. Жизнь проживешь - весь город в зацепочках... А кстати, я и у вас в институте была однажды.

- Когда, Людмила Сергеевна?

- Ох, давно... Тысяча девятьсот восемьдесят девятый год. Помните, был такой? Шучу, шучу. Конечно, не помните, молодые вы оба - то время помнить. Ну, может, читали по истории: СССР, Горбачев, гласность, перестройка... Для кого-то строчки в учебнике, а для меня юность моя, единственная и неповторимая.

- А вам сколько лет, Людмила Сергеевна?

- Семьдесят шесть, как одна копеечка. Разве у вас не записано?

- Все у нас записано, что надо. Но вы говорите, рассказывайте. Так что там было в восемьдесят девятом?

- День открытых дверей был. Для выпускников школ. Десятый класс мы заканчивали, и надо было решать, в какой вуз подавать документы. Подружка у меня была, Танька, вот с ней мы везде и ездили.

...И зачем я им про Таньку, а? Вот дура-то старая! Сколько лет ее не вспоминала, а тут надо же, к слову пришлась. Подружка, да. Женская дружба - до первого парня. Увела Танька моего Петеньку, на том и раздружились. Ох, сердце кольнуло! Сколько лет прошло, а обида жива. А главное, я сама виновата: зачем их нахваливала, одного другой? Зачем познакомила? Если б можно было вернуться назад, где еще не наделано ошибок... Возвратиться во всеоружии опыта и заново жизнь прожить так, чтобы все правильно. Сколько раз об этом мечтала...

- Людмила Сергеевна, не молчите.

- А о чем я? Мысли путаются.

- Вы нам про день открытых дверей рассказывали.

- А-а, точно. Счастливые мы тогда были, хотя сами того не понимали. Столько перед тобой дорог: иди куда хочешь. Все двери открыты. А потом закрываются одна за другой. Захлопываются с треском. Хрясь! И на ключ, на три оборота. Выбрал - и живи дальше с этим выбором, не переделаешь, не поправишь... Ой, простите, опять сбилась.

- Значит, хотите вернуться в прошлое?

- Еще бы!

- А что вам сейчас больше всего досажает?

- Глупый вопрос, доктор, уж вы извините. Старость... Все досажает. Проснешься - сердце жмет, спина болит, ноги ноют... Встаешь - кряхтишь да охаешь. И думаешь: было бы мне сейчас не под восемьдесят, а вполовину меньше лет, пташкой бы взлетела!

Пожалуй, хуже всего - вес. Мышцы дряблые, а тело неподъемное. Как же так вышло, что с каждым годом прибывали килограммы? Больше ста, страшно сказать. Давят на сердце, на позвоночник. Хотя вес весом, а одиночество куда сильнее на сердце ложится. Не звонит сын. И внуку она не нужна. А дочка, может, и позвонила бы - только нет ее, и не было никогда. Лишь снится она порой, дочка, которой не было... А сердце болью отзывается, и никакие таблетки не помогают. Так мне и надо. От глупости нет лекарства, ни от чужой, ни от своей собственной.

- ...мила Сергеевна! Милочка! Эй!

- Какая я вам милочка, молодой человек?! Стыдно. Вы бы еще милашкой старуху называли!

- Простите, Людмила Сергеевна. Мы вас иначе дозваться не могли.

- А, ну тогда ладно. Звали меня когда-то и милой, и миленькой... ох, давно закрылись те двери.

- Подтвердите еще раз, пожалуйста. Вы хотите вернуться назад?

- Да. Да! Тысячу раз да! А можно?
- Вы к нам за этим пришли. Подписали бумаги. Заплатили деньги. Согласились на эксперимент. Теперь вспомнили?
- И правда, теперь вспоминаю... Ну да, вы же говорили, что с памятью будут странности. Так-так... И куда вы мне дверку приоткроете?
- В тридцать восемь лет.
- В семнадцать, значит, нельзя? В тот самый восемьдесят девятый. У меня что, денег не хватило?
- Не в деньгах дело. Особенности вашего личного континуума...
- Только не надо мне всего этого... Нельзя так нельзя. В вашем возрасте еще не понять, а ведь тридцать восемь - тоже молодость. Когда оглядываешься на полжизни назад, яснее видишь... Пусть будет тридцать восемь.
- Подтверждение получено. Вы учтите, там многое окажется не таким, как вы помните.
- Разберусь, дорогие доктора. Ну, что теперь?
- Просыпайтесь, Людмила Сергеевна. На счет «раз». Четыре, три, два...

Первым делом она машинально расправила скомканную простыню под боком. И только потом открыла глаза.

День был веселый, солнечный.

День приоткрытых дверей.

* * *

Людмила вышла из здания института, бочком спустилась с крыльца и замерла. Двое наблюдали за ней сверху сквозь плохо вымытое стекло.

- Ох, чую, устроит нам завтра бабка, - нервно хохотнул младший. - Мало не покажется!

Он крутил и мял в пальцах сигарету, сбрасывая напряжение после сеанса. Похоже, недавно бросил курить - ноздри его хищно вздрагивали, ловя острый запах раскрошенного табака.

- Какая она тебе, на фиг, бабка? - резко сказал второй. - Моя ровесница.

- И сколько лет ты себе насчитал? - фыркнул первый.

- Дурацкий вопрос.

Старший помрачнел. На вид ему было около сорока, причем изрядно потрепанных сорока. Седина, залысины, усталая складка век, морщины.

- Есть такая цифра - год рождения, - проворчал он. - В паспорте записана... Выброси уже свою труху табачную и давай работать. Время не ждет.

Младший посмотрел на размочаленную в клочья сигарету, вздохнул и

посыпал табаком неухоженный кактус на подоконнике.

Людмила наконец решилась и медленно двинулась к выходу с территории института.

- Удачи, Люсенька, - негромко пожелал ей старший.

* * *

Первые шаги в прекрасном возвращенном ей старом мире Людмила делала как по скользкому льду.

Лед... Когда-то во дворе заливали каток. Дети ждали наступления морозов, как подарка. Дворник из шланга поливал огороженную площадку, слой за слоем наращивая лед. Старшие ребята играли в хоккей, малышня просто носилась на коньках. Сперва она каталась на детских, двухполосных, а когда отчим купил настоящие «снегурочки» - вот это была радость! Разогнаться - и уже у самого забора развернуться на месте, шикарно чиркнув зазубренным носком по льду, воображая себя Ириной Родниной перед полным стадионом аплодирующих зрителей...

Хватит воспоминаний, одернула себя Людмила. Но взбаламученная память никак не хотела улечься. Непрошенные образы привычно вставали перед глазами. Слишком часто она перебирала яркие слайды прошлого, пытаюсь представить, как сложилась бы жизнь, если бы... Всегдашнее «если бы»! Если бы в тот раз сказать «нет», а в этот «да», если бы тогда пойти в поход по Крыму, бросить нелюбимую работу, однажды на перекрестке свернуть в другую сторону. Кто не задумывался над этим хотя бы раз? Не над судьбами стран и народов в альтернативном ходе истории, а над вариантами собственной жизни? ...Хватит, хватит, стоп, я сказала! Вот она, сбывшаяся мечта, возвращенное прошлое. Тридцать восемь лет. Хотела исправить ошибки - исправляй, перепиши жизнь на белом с помятого, исчерканного черновика. Да не ошибись, Люсенька, другого шанса не будет.

Людмила осмотрелась по сторонам. Город праздновал май свечками каштанов, воробьи в свежей листве громко призывали радоваться жизни вместе с ними. Она достала из сумки косметичку, из косметички - зеркальце, сделала вид, что поправляет помаду. На нее глянула цветущая, едва начавшая полнеть женщина с весенне-зелеными глазами. «А я была симпатичнее, чем помню, - удивилась Людмила. - Нет, не была. Есть. Я прямо сейчас есть! Вот она, новая точка отсчета моей жизни».

И время пошло вперед.

Людмила вышла на проспект Победы, повернула в сторону метро... как бишь оно сейчас называется?.. уже не «Завод «Большевик»... ага, «Шулявская». Можно было подъехать, но ей захотелось пройтись,

размять ноги, почувствовать, как ровно бьется здоровое сердце. Ну, почти здоровое. Таблетки «от сердца» у нее постоянно с собой, как когда-то у мамы, но надобятся редко. Пока еще редко.

Что-то затрепыхалось в сумке, задергалось живым тельцем, стремясь наружу. Людмила ахнула в голос, рванула застежку, запустила руку по локоть в сумочное нутро и выхватила оттуда вибрирующий прямоугольник. Мгновение она смотрела на вещь бессмысленно, пока не пришло узнавание - мобильный телефон! Самая нужная из игрушек первой четверти нового века. Пальцы сработали быстрее разума, нажали кнопку, и уже поднося мобильный к уху, Людмила успела прочесть на экранчике, кто звонит.

Володя. Вовка. Муж.

- Людка, ты где? Мобильник не берешь, на работу звоню - тебя нет, и что я должен думать?

В его деланно-шутливом тоне проскальзывали опасные нотки. У Людмилы занемели губы. Она слишком хорошо знала этот тон. Теперь все зависело от того, успел Вовка выскочить в магазин за водкой или не успел. И от быстроты, с которой она попадет домой.

- Я была у врача, - отозвалась Людмила как можно спокойнее. - Если ты забыл, девочки на работе должны были сказать.

Ошибка! Она поняла это почти сразу, но было поздно. Вовкин тон изменился, стал плаксиво-обиженным.

- Сказа-али, - протянул он. - А как же! У вас там женская подписка, правды не добьешься, все друг друга покрывают...

Он тянул что-то еще слезливо-сладко-ядовитое, и когда на пару секунд прервался, Людмила услышала громкий глоток: Вовка хлебнул водки прямо из горлышка. Значит, пьяных разборок не миновать. Возможны варианты, от плохо через отвратительно до полного аллес капут.

- Я еду домой! - громко сказала Людмила. - Слышишь меня? Я сейчас буду.

Она взмахнула рукой с бровки тротуара и села к первому же остановившемуся частнику, не торгуясь. Скорее, скорее!

Лифт не работал. Прижимая левую руку к груди, Людмила вскарабкалась на девятый этаж. Сердце колотилось так, словно вот-вот выскочит. Шумело в ушах. На площадке восьмого этажа ей пришлось остановиться, чтобы проглотить таблетку.

Она долго ковырялась ключом в двери, пока не поняла, что замок открыт, зато накинута цепочка. Людмила позвонила раз, другой. Квартира молчала. Людмила позвала мужа, приложив лицо к дверной щели. Спит? Позвонила еще, длинно, настойчиво. Набрала Вовкин номер на мобильнике и услышала в квартире нарастающее курлыканье сигнала. Одновременно Людмила снова нажала кнопку дверного звонка.

Разве можно спать под такой трезвон? Нельзя! Значит, муж не спит. Тогда почему не открывает? Воображение подбросило ей десяток картин, одна страшнее другой. Вовка на кровати, навзничь, голова свесилась с края. Вовка в горячей ванне, закатившиеся глаза сверкают белками из-под воды - остановка сердца. Вовка на кухонном полу, лужа крови расплывается под головой - полез на антресоль за заначкой, упал...

- Явилась, змея подколотная?

Оказывается, она редела, закрыв глаза и вцепившись в дверной косяк, как утопающий в последнюю доску развалившегося корабля. Вовка стоял в дверном проеме, покачиваясь. Палец Людмилы соскользнул с замученного звонка.

- Ты почему не открывал? Я уже черт-те что передумала!

Муж чуть посторонился, пропуская ее в прихожую. Его кренило вперед под углом градусов тридцать к вертикали.

- И-я у себя дома! - с пьяной надменностью возгласил Вовка. - А ты еще должна заслужить, чтобы я тебя впустил! Где шлялась? От любовника приползла?

Людмила бочком протиснулась мимо него, зацепив ногой пустую бутылку. Плохо. Очень плохо. Но еще не самое худшее. Как в анекдоте: ну, ужас, но не ужас-ужас-ужас...

- Дверь закрой, - попросила она. - Соседи услышат.

- Пусть слышат! Пусть знают, что у меня жена шлюха!

Людмила смахнула слезы тыльной стороной ладони и выбралась из туфель.

- Вовочка, - попросила она самым мирным, самым успокаивающим тоном, - не кричи, пожалуйста. Ты же знаешь, что не прав. Ну пойдем отсюда, пойдем в комнату.

- А пошла ты!.. - выругался Вовка, развернулся и деревянно зашагал в спальню.

Людмила украдкой выдохнула и беззвучно закрыла входную дверь.

Соседи, конечно, знали о них все, но зачем же позориться лишний раз? На цыпочках Людмила заглянула в спальню и вздрогнула. Она ожидала, что Вовка упал на кровать и вот-вот захрапит. Но муж маячил посреди комнаты в неестественной позе, как поломанный манекен, и впивался в нее взглядом, полным ненависти.

- На колени! Проси прощения!

Людмила попятилась. А вот это ужас-ужас-ужас, отстраненно подумала она. Несколько раз уже бывало, что от жалости к себе и скандальных обвинений Вовка переходил к ярости. Но никогда еще это не случилось так быстро.

- И-я сказал!

Он шагнул к Людмиле, больно вцепился ей в плечо, она дернулась, но Вовка держал крепко. Хоть трезвый, хоть пьяный, он был куда сильнее

жены. Приблизив лицо, Вовка зашептал, горячо дыша на Людмилу смесью вчерашнего перегара и недавно выпитой водки:

- Убью тебя, сука! Убью, и меня оправдают! Но ты жить не будешь!

Одним движением он швырнул ее на пол. Людмила вскрикнула от боли. Муж возвышался над ней - огромный, страшный, с перекошенным лицом.

Чужой человек. Даже не человек - чудовище.

Из детской памяти выплеснулась мгновенная картинка. Она на высокой кровати (вернее, кровать кажется ей высокой, она лишь недавно научилась сама забираться на постель и спускаться на пол), смотрит издали на то, что происходит в углу комнаты. Мать скорчилась на полу, обхватила голову руками, воет в голос. Пьяный отец громко ругается и с размаха бьет мать ногой. Дальше - ничего, провал.

Мама, я не хочу, чтобы муж меня бил! Я никогда не выйду замуж, мама!

Соврала.

Вышла.

Дура.

- Вовочка... - всхлипнула Людмила. - Не надо, Вовочка. Прости меня...

Чудовище нагнулось к ней, впилось стальными пальцами, дохнуло ядом:

- А, прощенья просишь? Значит, есть за что!

В коридоре хлопнула дверь.

- Вовочка, пусти, Виталик вернулся! - заволновалась Людмила. - Отпусти, пока он не увидел!

Муж придавил ее коленом к полу, обжег ненавидящим взглядом.

- Пусть видит! Он должен знать, что бабы стервы!

Людмила задергалась и обмякла. Хуже боли был стыд, незаслуженное унижение и ожидание еще худшего унижения. Сейчас сын увидит ее распластанную на полу, раздавленную, пресмыкающуюся...

- Отец, прекрати немедленно!

Голос Виталика зазвенел и сорвался.

Людмила повернула голову, взглянула сыну в лицо снизу вверх.

Подросток смотрел на отца с ненавистью. А на нее не смотрел вообще.

- Та-ак...

Людмила почувствовала, как колено убралось с ее груди. Мужчина распрявился в полный рост, угрожающе навис над подростком.

- Это кто тут права качает? Давно я тебя не порол! Думаешь, вырос уже, на отца гавкать?

- Нет! - выкрикнула Людмила.

Муж обернулся к ней:

- Тебя не спросили!

Она увидела, как сын закусил губу, как побелели костяшки его пальцев, сжатых в кулаки, и заторопилась:

- Виталик, ну что ты! Разве так можно? Извинись перед папой. Извинись сейчас же! И не вмешивайся, когда родители... разговаривают.

С облегчением Людмила увидела, как Виталик разжимает кулаки. Но в следующий миг она поймала взгляд подростка и задохнулась, такое презрение было в нем. «Тряпка, - говорили ей глаза сына. - Ничтожество. Он тобой пол вытирает, а ты?»

- А идите вы... оба! - процедил Виталик.

Хлопнула дверь его комнаты.

- П-потому что! - возгласил Вовка, покачался с пятки на носок, тремя угасающими шагами добрался до кровати и упал лицом вниз. Через минуту раздался его придавленный храп.

Не чувствуя ног, Людмила выбралась в коридор. Из-за двери сына гремела неудобоваримая музыка, по-иностранному завывал истерический высокий голос. Людмила подергала ручку - заперто. Она прошла на кухню, налила воды из-под крана, выпила залпом. Поставила чайник на плиту. Налила еще воды - запить таблетку, но вместо того чтобы принести из прихожей сумку или полезть в аптечку, рухнула на табурет, закрыла лицо ладонями и затряслась в рыданиях.

Осознание только что случившегося смяло Людмилу и вышибло из нее дух. Что же она наделала! Виталик повел себя как взрослый. Вступился за мать. А она? Испугалась, что муж бросится бить сына. Рванулась помешать этому любой ценой. Выбрала глупую, неуместную роль родительницы, выговаривающей ребенку за проступок, потребовала извиниться... И потеряла уважение Виталика, в точности как когда-то ее мать потеряла уважение своей дочери.

- Мама... - прошептала Людмила. - Прости меня, мама.

В один миг она поняла все и ощутила свою жизнь не как привычный набор ярких картинок, а как логическую цепочку выборов и следствий. «Посеешь поступок - пожнешь привычку. Посеешь привычку - пожнешь характер. Посеешь характер - пожнешь судьбу». Когда-то она выписала эти слова круглым школьным почерком в заветную тетрабочку, но никогда до сих пор не понимала их истинного значения. А теперь, словно в мозгу у нее зажегся мощный прожектор и осветил все закоулки, Людмила увидела, как ее собственные поступки складывались в судьбу.

Это понятно, ведь в первой жизни она не знала, что будет дальше, а сейчас знает.

Приступы ярости у Вовки станут случаться все чаще. Однажды он подобьет ей глаз и рассечет веко, придется наложить швы. В другой раз покалечит руку. Избитая, униженная, Людмила будет делать вид

перед сыном, что все в порядке. Виталик замкнется, перестанет с ней разговаривать, а вскорости и сам начнет пить. У Людмилы станут случаться сердечные приступы. Последней радостью в ее жизни останутся конфеты и прочие сладости, быстро растущий вес нагрузит и без того больное сердце.

Когда ее в очередной раз увезут в больницу, ушедший в запой Вовка рухнет на пол в коридоре, парализованный инсультом. Сын ненадолго зайдет домой, переступит через тело отца по пути в свою комнату и второй раз на обратной дороге. Вернувшись из больницы, Людмила найдет Вовку в коме, вызовет врачей, они спасут мужа... и она еще два года будет ухаживать за проклинаящим ее паралитиком. Она простит Виталика, хоть и нескоро. А вот Виталик ее не простит.

Сын женится на случайной девице, забеременевшей после пьянки. Когда Людмила в первый раз увидит, как он дает пощечину жене, она выпьет десятерную дозу снотворного. После лечения в психиатрии тяга к сладкому усилится. С работы она уйдет, не дожидаясь пенсии. Квартиру они разменяют, когда Виталик разведется с женой. И старость Людмила встретит в гостинке на Троещине одна, никому не нужная, заедая тоску пирожными в напрасном ожидании, что позвонят сын или внук...

- Нет! - громко сказала Людмила. - Я так не хочу!

Слезы высохли на глазах. Вместо жалости к себе она ощутила злость и нежданный прилив энергии.

- Все будет иначе! - снова вслух сказала Людмила.

За этим она и вернулась. Чтобы исправить то, что нужно исправить. Чтобы прожить жизнь так, как надо. Это совсем несложно теперь, во второй раз, когда она знает как. Надо лишь совершать правильный выбор и ничего не бояться.

Жаль, конечно, что чудо-доктора не сумели вернуть ее в тысяча девятьсот восемьдесят девятый. В те самые звенящие, беззаботные семнадцать, когда впереди была вся взрослая жизнь, когда все двери были распахнуты настежь, а не приоткрыты, как сейчас. Но лучше приоткрытые двери и тридцать восемь лет, чем наглухо захлопнутые и семьдесят шесть... Хотя, вдруг подумала Людмила, и в семьдесят шесть еще, пожалуй, можно что-то изменить! Главное - действовать, а не жалеть себя, перебирая картинки в тускнеющей памяти.

Мысль была новой, и чувства незнакомыми. Я уже изменилась, обрадовалась Людмила. Я иду по другому пути!

Да, если бы удалось вернуться в семнадцать, все было бы совсем иначе. Сейчас их с Петей дочери уже было бы... сколько?... с ума сойти, двадцать лет! Двадцать лет Людмила считает себя убийцей. Девочка, сказала тогда врач с укоризной. У вас была девочка. Была бы... Сухость в горле и тошнота после наркоза, желтые стены палаты, и никто не ждал Людмилу на выходе. Желтые стены ее ночных

кошмаров на много лет вперед... Девочка. Дочка, так и оставшаяся безымянной.

Но тогда не было бы ее с Вовкой сына, Виталика. Вернись она в свои семнадцать, и ей пришлось бы решать, кто из них родится: Виталик или безымянная дочка. Или - или: как можно выбрать? Слишком тяжело. Пожалуй, к лучшему, что не вышло уйти туда. Этот выбор сделали за нее - и спасибо.

Людмила прошлась по кухне, задумчиво трогая привычные вещи и глядя на них новым взглядом. Зажгла наконец конфорку под праздно стоящим на плите чайником. Ох, какой ядовитый клубок страстей, взаимных обманов и подозрений, ревности и обиды умудрились они втроем с Танькой и Петей накрутить в юности! Семнадцать лет кажутся идиллией лишь издалека.

Людмила не сказала Пете, что беременна, потому что однажды в компании он резко отозвался о браках «по залету». Но когда она сделала аборт, Танька, которая обо всем знала - должен же был кто-то услышать ее историю, и кто, как не лучшая подруга? - поделилась с Петей. Он страшно обиделся на Людмилу, она не понимала за что, а Танька затащила Петю в постель и выходила замуж с пузом, на седьмом месяце. Людмила была свидетельницей, пила водку напоказ из горлышка и не пьянела, а чтобы не кричать, щипала себе ноги под шелковым платьем... долго потом не сходили синяки. Через три года Танька с Петей разошлись, но для Людмилы это уже не имело значения. Все было кончено, счастье потеряно навсегда, и когда разбитной Вовка позвал ее замуж, она равнодушно кивнула - почему нет?

Пусть между ними не было настоящей любви, зато родился Виталик.

Людмила заварила чай, поставила на стол две чашки и вазочку с цукатами. Подошла к комнате сына и решительно постучала:

- Виталик, выйди, пожалуйста. Нам надо поговорить.

Сын выбрался хмурый, насупленный, посмотрел на нее исподлобья: «Будешь поучать? А не пошла бы ты!».

- Извини, - сказала Людмила. - Я была не права. Ты взрослый человек, и нам нужно серьезно поговорить. Я хочу развестись с твоим отцом. Мне нужен твой совет, сын.

* * *

Вовка перевернулся на бок и храпел теперь тоненько и нежно, с присвистом. Людмила вышла из спальни и плотно закрыла за собой дверь.

С мужем она тоже поговорит всерьез, когда он протрезвеет. Но решения не изменит. Развод назрел давно, а она все тянула,

цеплялась за обломки прежней жизни, боялась выбросить то, что бессмысленно хранить. Виталик вырос.

Любви никогда не было. Лучше расстаться сейчас, чем пройти по пути отчуждения и ненависти.

Людмила зажгла свет в прихожей, посмотрела на себя в зеркале. Да, симпатичная женщина, пусть и не первой молодости. Даже, пожалуй, еще симпатичнее, чем утром - потому что глаза горят ярко, с вызовом. В них появилась новая искорка... или зажглась прежняя? Выглянула откуда-то из глубины девчонка, которая больше всего любила скорость. Не идти - бежать, не катиться на коньках - мчаться... Скорость и свобода! Та девчонка не боялась решительных поступков... Пока вина за убийство нерожденной дочери не придавила ее тяжелым грузом.

Что же, той дочери не было и не будет. Но когда оглянешься на жизнь с высоты семидесяти шести лет, понимаешь, что тридцать восемь - это молодость. Она еще может родить дочку. Другую.

Людмила опустила на колени, выдвинула из шкафа нижний ящик для обуви и под дальней его стенкой нащупала записную книжку. В каждой работе есть свои преимущества. Работа в городской справочной службе хороша не только общением в женском коллективе. Людмила давным-давно узнала Петин адрес, и номера телефонов, и место работы, и излюбленные маршруты. Про Таньку она тоже много чего знала, пока та не уехала вместе с дочерью в Симферополь. Но не о Таньке речь.

Людмила решительно отстучала номер на телефоне. Последний раз она видела Петю мельком, издалека, больше года назад, но хорошо представила себе, как он тянется к трубке, как знакомым жестом отводит со лба прядь поседевших волос... и невольно усмехнулась. А вот он ее наверняка не узнает. Ни при встрече, если она состоится. Ни по голосу.

-Здравствуйте, Петр Иванович, - улыбнулась Людмила. - Когда-то мы с вами были знакомы, но вы, наверное...

- Люсенька? - удивились с той стороны. - Люся, ты! Быть такого... Люся, прошу, только не вешай трубку!

- Да, Петенька, - прошептала Людмила.

* * *

Очередь попыталась ее остановить.

- Женщина, вы куда?!

- Здесь по записи! Я еще в январе записывался!

- Эй, дамочка, не наглейте!

Людмила ожгла кучку собравшихся в институтском коридоре людей

бешеным взором. Одна нервная девица даже отпрянула и вытянула вперед худые руки в браслетах жестом астральной защиты.

- Имею право, - мрачно уронила Людмила, ворвалась в кабинет и гневно хлопнула дверью.

Старший из врачей поднялся из-за стола, скривил улыбкой невеселый рот:

- Добрый день, Людмила Сергеевна. Как ваши дела?

- Вы жулик! - рявкнула Людмила. - Вы оба жулики! И контора ваша - сплошное мошенничество! Вы же меня одурачили! Деньги взяли - за что? Ни в какое прошлое я не возвращалась! Потому что до старости мне еще далеко! Тридцать восемь мне как было, так и есть, а все остальное - сказочки для дурочек! Верните мои деньги, не то я сейчас же в милицию!..

- А я тебе говорил, - бросил младший врач старшему через плечо.

Он копался в потрохах какого-то аппарата, неприятно похожих на живые внутренности обилием толстых, свернутых в кольца проводов. Правда, в отличие от человеческих кишок, провода были разноцветные, яркие. Некоторые пучки маркировались разноцветными же флажками.

- Декорации чините? - воинственно фыркнула Людмила в его сторону.

- И здесь у вас обман, бутафория дурацкая!

- Вам тоже доброго дня, - вздохнул младший и, бормоча что-то вроде «я предупреждал, да, вот такие обычно и бу-бу-бу...», ушел в работу.

- Присаживайтесь, - кивнул старший. - Поговорим.

Людмила с подозрением посмотрела сначала на него, затем на стул, но все-таки села.

- Верните деньги! - с нажимом повторила она.

- Разумеется.

Седой мужчина полез в стол и вытащил запечатанный конверт.

- Распечатайте, - он подтолкнул конверт к Людмиле. - Пересчитайте.

- Все верно, - недовольно сказала женщина, спрятала деньги в сумку и слегка расслабилась. - Значит, решили со мной не связываться? Правильно: зачем, у вас вон очередь на весь коридор - овцы на стрижку явились! Не бойтесь, что я им все-все расскажу? А я ведь расскажу!

- Помните, как меня зовут? - невпопад спросил мужчина.

Людмила сбилась, замолчала. Потерла лоб.

- Антон Семенович?.. Степанович?

Седой кивнул.

- Степанович. А то как-то неудобно разговаривать, не представившись. Люди по-разному реагируют на гипноз... вам это, наверное, известно. А наша методика довольно сложна. Чтобы иллюзия была убедительной, человек должен освоить большой комплекс воспоминаний, поверить в целую прожитую им жизнь - и

забыть, что это все иллюзия, а значит, забыть обо всем, что сопровождало его погружению. Когда вы начали вспоминать? Сегодня утром?

- Как проснулась, так и вспомнила, - буркнула Людмила. - Что ни до каких семидесяти шести лет я не доживала и обратно в прошлое не возвращалась. На самом деле мне тридцать восемь, а вся эта ваша дурная фантастика - чушь собачья!

- Отличная адаптивность, - искренне похвалил Антон.

Людмила недоуменно заморгала и тут же нахмурилась:

- А чего я вообще с вами разговариваю? Деньги вы вернули, ну и прощайте.

Она поднялась со стула. Из разноцветных потрохов аппарата донеслось выразительное хмыканье.

- До свидания, Людмила Сергеевна, - вежливо сказал Антон. - Только вы нам не сказали, чем вы, собственно, недовольны.

- То есть?! - Людмила возмущенно шлепнулась обратно. - Недовольна, и это мягко сказано, тем, что вы меня обманули. Оболванили так, что я на вашу брехню купилась. Обещали отправить в прошлое, а вместо этого загипнотизировали и черт-те чего навнушали!

Антон Степанович покачал головой.

- Вы ошибаетесь. Мы с вами заключали договор о гипнотическом внушении. Никаких путешествий во времени. Просто вы пока еще вспомнили не все, а только часть. Ваш первый визит к нам не вспомнился, правда? И подробности погружения в гипноз?

- Нет, - растерянно сказала Людмила. - Но... вы говорите, договор? А можно?..

Антон Степанович молча протянул ей несколько листов бумаги.

Людмила читала долго, недоверчиво поднимала брови, качала головой, придирчиво всматривалась в собственный почерк. Добралась до страницы, целиком исписанной ее рукой, кивнула раз, другой и неожиданно покраснела.

- Извините, - пробормотала она. - Да, все верно... Ну, я вам и устроила. Ой, стыдно...

Она полезла в сумку за конвертом.

- Возьмите, пожалуйста.

Антон жестом остановил ее.

- Последний пункт вы не дочитали, - сказал он. - Сначала снимем остаток внушения.

- Это долго? Сложно? - напряглась Людмила.

- Несложно и недолго, - кривовато усмехнулся Антон Степанович. - Смотрите сюда...

В руке его появился стальной шарик на цепочке и вальяжно закачался из стороны в сторону.

- Когда я досчитаю до нуля, в вашей памяти не останется закрытых

мест. Десять, девять... один, ноль!

Людмила откинулась на спинку стула.

- Ох, - сказала она и осмотрелась широко открытыми глазами. - Значит, это не вы мне биографию выдумали? Это я сама себе одинокую старость нарисовала? Да уж...

Седой мужчина улыбнулся устало, но искренне.

- Вы храбрая женщина, Людмила Сергеевна, - сказал он. - Тот самый первый выбор, с которого началась ваша новая жизнь, - это было непросто, я знаю. Когда вы пришли к нам, потому что решили изменить свою судьбу, вы сами выбрали возраст иллюзорного возврата - семьдесят шесть, вдвое больше, чем вам сейчас. Вы сами назвали свои болевые точки. Мы лишь помощники и проводники вашей воли, Людмила Сергеевна. Не более чем гипнотизеры. Весьма скромная роль.

- Весьма достойная роль.

Людмила решительно подтолкнула к нему конверт.

- Извините меня... за недоверие. За сцену, которую я вам устроила.

- Не вы одна, - вздохнул Антон. - Это часть нашей работы. А теперь позвольте спросить, Людмила Сергеевна... Много ли вы изменили в своей жизни за вчерашний день?

Людмила сверкнула гордой улыбкой:

- Достаточно. Ушла от мужа. Поговорила с сыном. Кое-что поняла. И еще... назначила на сегодня важную встречу. Очень, очень важную!

- Что ж, немало, - кивнул Антон. - А... не жалеете?

- Нет.

Женщина покачала головой:

- Все правильно. Так и надо было сделать. Но когда живешь в привычной суете, трудно понять, что надо. Вы мне дали возможность взглянуть на себя с расстояния в полжизни. Спасибо.

- Пожалуйста, - проворчал младший из врачей, разгибаясь от аппарата. - Но скандалить-то зачем? Если вы ни о чем не жалеете, а?

Людмила строго посмотрела на него, но смутилась и отвела взгляд.

- Простите, - скованно сказала она. - Я очень обиделась на вас за обман. За то, что посчитала обманом. Именно тогда, когда я решила все в своей жизни сделать правильно... Очень больно, что в основе ложь. Вот так...

- Простите и вы нас, - Антон Степанович встал. - Увы, это несовершенство метода. Когда-нибудь мы научимся обходиться совсем без обмана. Пока - никак.

- Ничего, - вздохнула женщина. - Теперь я понимаю. До свидания, успехов вам.

- И вам.

Людмила помедлила на пороге кабинета, обернулась:

- Благодарю, что... приоткрыли мне дверь.

* * *

В кабинет сунулся было худой мужчина из очереди, но поглядел на врачей и молча вернулся в коридор.

- Ну, что ты молчишь? - напустился младший на Антона Степановича, который после ухода Людмилы как-то обмяк, скукожился в кресле и вяло чертил загогулины на странице записной книжки. - Опять терзаешься, что обманул человека? Утешься тем, что говорил ей правду, только правду и ничего, кроме правды. А то, что не всю правду, - так для ее же блага.

- Вовсе я не терзаюсь, - буркнул седой. - Хреновый из тебя психолог, Матвей.

- Зато лицедей хороший, - заухмылялся Матвей. - Гипнотизер дипломированный. И инженер нефиговый. Увидишь, когда-нибудь я почию твою машинку.

- Чини, чини, - брюзгливо сказал Антон. - Мне без разницы. Я обратно в будущее и так доберусь, со скоростью день в день, как все смертные.

Младший вздрогнул. Он всегда нервничал, когда слышал в голосе своего учителя и партнера эту странную нотку не то горечи, не то превосходства. Антон говорил о будущем так, как говорят старики о далеком прошлом. Он имел на это право, потому что уже один раз побывал там.

Дожил до девяноста лет. Построил единственную в мире машину времени. Вернулся в прошлое. И никогда не рассказывал подробностей - ни о грядущем, ни о том, какой же свой поступок он вернулся исправить.

Год назад Антон вытащил Матвея из депрессии на грани самоубийства - неожиданно заговорил с ним на улице, расспросил и загипнотизировал. Из первого пациента Матвей стал коллегой. Он ворчал, раздражался, язвил и паясничал, но на деле был преданным сторонником идей Антона.

«Нет лучше способа взглянуть на себя, чем с высоты прожитых лет, - говорил Антон. - Но надо, чтоб люди поняли: выбор возможен в каждый день их жизни. Пока жизнь не закончена, ее можно изменить».

Машина сломалась после единственного броска в прошлое. Антон не жалел. А Матвей, хоть и пытался ее починить, ежился от мысли, что люди смогут действительно возвращаться во времени: исправлять ошибки, подтирать и переписывать свою судьбу, как текст на бумаге. А вдруг бумага протрется до дыр, что тогда?

Нет уж. Вполне достаточно гипноза, иллюзорного возвращения в свое прошлое, которое на самом деле настоящее. И вся правда о пришельце из будущего современникам ни к чему. Это знание им не

поможет. А частная психологическая служба, где работают только они двое, помогает. Иногда человеку нужен лишь маленький толчок, а дальше он справится сам. Нужно напомнить ему о возможностях...

- Зови следующего, - выпрямился в кресле Антон.

- Входите! - крикнул Матвей. - Открыто.

АЛЕКСАНДР БАЧИЛО

НЕ НУЖНЫ

А Л Е К С А Н Д Р Б А Ч И Л О

НЕ НУЖНЫ

Иллюстрация Людмилы ОДИНЦОВОЙ

Иллюстрация Людмилы ОДИНЦОВОЙ

Честно говоря, я думал, как. Напоролась на дрон, а это значит, что жизни нашей осталось на час-другой, не больше. Тут залегай хоть к медведю в берлогу, а беспилотник не перележишь. Будет кружить-елозить, как пылесос по коврику, каждый сантиметр прощупает и, в конце концов, найдет. Вот он совсем близко тарыхтит, сволочь. Низом идет. Выходит, засек, сейчас всадит...

И вдруг слышу: кудах-тах-тах - обороты сбавляет! Пофырчал, пофырчал - сел. Тут до меня и дошло: это не дрон! Простая патрульная вертушка с парой мордovorотов в кабине. И ведь сели, гады, чуть не на заgrивок нам! Дверь открыли, турель откинули, гыргычут чего-то. Когда-то я неплохо понимал по-ихнему, кино без перевода смотрел. Но кино в наших краях повывелось вместе с электричеством. Видимо, решено было, что для поддержания порядка ни того, ни другого не требуется, главное - патронов побольше.

Ладно, переглянулись мы с Матрешкой и лежим дальше, не шелохнемся, ждем, что будет. Хотя я уже догадываться начал. И точно, один мордovorот из кабины выпрыгнул, копыта расставил и пятерней пуговку под брюхом нашаривает. Приспичило, видать, в небесах. Эх, сейчас бы жердиной как заехать пониже той пуговки! И пока корчится, пулемет с турели снять. Очень бы он у нас в тоннелях пригодился...

Да где там! Разве мне такого кабана завалить? Тем более двух. У них питание - и у нас питание. Смешно сравнивать! И тут Матрешка моя вдруг не выдержала.

- Хоть бы отвернулся, страмец! - шепчет.

Я только глаза на нее выпучил: молчи, дура! У него ж гипер акустика в шлеме!

Поздно. Встрепенулся мордovorот, будто жердью ударенный, и одним прыжком назад, в кабину. Аж пуговку с испугу потерял.

«Гераут, - кричит, - гераут!» Дескать, валим отсюда! Эти слова я сразу понял, потому что в их кино они чаще всего попадались.

Грохнул реактивный ускоритель, и вертушку забросило в небо, как из рогатки. Мне полный рот земли насыпало, чтоб им пооторвало там всё вместе с пуговкой! Но отплевываться некогда: схватил Матрешку за шкуру и давай бог ноги.

- В елки! Скорее!

Метнулись в самую чащу, потом вбок да вниз, в яму. Затаились, слушаем. Вертушка вроде ушла, даже стрелять на пробу не стала. Но счастья мало. Эх, Матрешка, Матрешка!

- Что ж ты, красивая, наделала... - вздохнул я. - Вот теперь они точно дрона пришлют по наши души. И куда прятаться?

По всему видно, помирать надо. А ведь полгода жил не тужил. И чего, спрашивается, с этой дурой связался? Правда, тут бы еще разобраться, кто с кем связался. Не сунься она тогда в мою нору, может, до сих пор была бы нора.

Но это уж известное дело: не отгонишь бабу вовремя - обязательно притащит на хвосте беду. Видно, лазерная метка со спутника по пятам за ней шла и нору нащупала. Хорошо еще, что бомба прилетела, когда меня дома не было: как раз Матрешку по лесу гонял, чтоб проваливала.

- Почему они хотят нас убить? - спросила Матрешка. Почему?..

Странный вопрос.

- Да они не то чтобы очень хотят, - сказал я. - Просто мы им не нужны.

- И что?! Они нам тоже не нужны, почему мы их не убиваем?

Смотрю: она ту самую морпехову пуговку в руках вертит. Когда успела подобрать? Зачем? Заскок у баб на галантерейной почве, как у племени мумба-юмба.

- Не можем, вот и не убиваем. - Я сплюнул.

- А если бы могли? - не унималась Матрешка. - Убивали бы?

Все равно песок на зубах хрустит. Сволочи!

- Что ты ко мне привязалась?! Могли - не могли! Ни черта мы не можем! - Я осторожно выглянул из ямы, но ничего интересного не увидел: елки стояли вплотную. Где-то рассыпал барабанные дробы дятел.

Чтоб ты гвоздем подавился. Дай же обстановку послушать!

- Надо сидеть тихо и не отсвечивать, - продолжал я. - Говорю же, мы им не нужны. Они инвайдеров ищут.

- Да знаю я! - Матрешка дернула плечиком.

- И что же ты знаешь?

- Война у нас тут. С инопланетными.

- У нас! У тебя что ли, босоногая? Это у них война. А мы только под ногами путаемся. Вот чтоб не путались, нас по мере возможности и зачищают.

- Защищают? - Глазищами хлопает.

- Да наоборот, дура! Защитят тебя, как же!

Поняла, кажется. Озирается.

- И куда мы теперь?

Хороший вопрос. Своевременный.

Дятел как раз притомился, умолк, и по лесу отчетливо так разнеслось: фр-р-р...

Дрон.

Отбегались...

- А что это там?

Опять этот ее шепоток. Прикончит она меня раньше бомбы!

- Нишкни! - губами шевелю. - Умри!

И вдруг вижу: не в лес она смотрит, а вниз, на дно ямы.

И там, на дне, песочек воронкой проседает, проседает, будто подрывает его кто снизу. Потом - ух! Сразу целый пласт обрушился. И открывается под ним черный провал, широкий - на три моих брюха и глубиной в самую преисподнюю. Очень в нашем положении уютный провал...

* * *

Ползли долго. Все вниз, лаз узкий, ни перил, ни ступенек, для кого ж его такой делали? Я уже черт знает что готов был подумать, но тут над головой щелкнуло, срикошетило, хлопнул дальний выстрел.

Все в порядке. Люди.

- Не стреляйте! - кричу. - Свои!

А кто свои? Кому свои? Потом как-нибудь разберемся. Лишь бы сразу не убили.

И подействовало ведь. Не стали стрелять. Слышу - идут, свет замельтешил, развиднелось кое-как. Вижу, доползли мы почти до самого выхода из нашей трубы в широкий тоннель. Три фонаря впереди колышутся, бьют в глаза лучами.

- Вылезайте! - командует голос. - И к стене лицом, руки-ноги врозь! Оружие есть?

- Оружие, - говорю, - к ношению и применению категорически запрещено миротворческими силами ООН. Здесь, в левом кармане...

Обшарили, забрали пукалку.

- Патронов не имеется, - объясняю. - Вышли при добыче пропитания.

- На крыс охотился, что ли? - заросший бородой мужик брезгливо повертел в руках невеликий мой калибр.

- На консервы менял.

Мужик покивал бородой.

- Девчонка - сестра, что ли?

- Жена, - говорю поспешно. - Беременная она.

- Ну? - мужик недоверчиво оглядел Матрешку с ног до головы.

Только бы не брякнула чего, дура. Вот уже и губенками зашевелила.

- А что, - выпаливаю, - дурное дело не хитрое! В смысле - молодое...

И чтобы уж совсем заткнуть ее, начинаю петь во все горло:

- Обручальное кольцо! Не простое украшеньё! Двух сердец одно решенье! Обручальное кольцо-о!

- Шуткарь... - хмыкнул он без улыбки. - Рано веселишься. Получается так, что придется вас все-таки списать. Нам лишние рты не нужны.

* * *

Матрешку вязать не стали, она и так шла безропотно, только глазищи по сторонам тарацила - сова-совой! А мне скрутили руки тонкой, страшно резучей да еще и ржавой проволокой. Для полного счастья толкали прикладами в спину: торопись, мол. А куда торопиться?!

- Слушайте, - говорю, - мы ведь вас не объедем, не обопьем. Слава богу, руки-ноги есть. Что я на себя и на Матрешку еды не добуду? Заповедный лес кругом! Дичи - прорва! Да я вас всех прокормлю!

- Иди-иди, - поморщился Батяня (так звали бородача остальные двое).

- Не хватало нам только, чтоб дронов на нас навел. Кормилец...

- Вы что, вообще наружу не выходите?!

Батяня покачал головой.

- Не выходим. Потому и живы до сих пор. Как затворились пятьдесят человек, так и решили: больше никого не брать. Вот подьемим всё и объявим себя: пусть убивают. Но ради вас двоих смерть торопить не собираемся!

- Мудро, - согласился я. - Так мудро, что мне, тупому, ни хрена не понять! Вы что, просто сидите и смерти ждете?

Батяня помолчал.

- Помирать по-любому придется, - философски вздохнул он. - Такое уж наше везение.

- Да с чего вы взяли?! - я прямо кипел от такого скотского безразличия. - Рано или поздно военные найдут этих своих инвайдеров и переколошатят! А может, те их! Нам без разницы. Главное - больше не надо будет прятаться!

- Вот-вот, - угрюмо кивнул Батяня и, глянув на меня исподлобья, вдруг ткнул пальцем в пол: - Чего их искать-то? Тут они, инвайдеры. Под нами...

* * *

- Чего от нас хотят? - спросила Матрешка.

- Да погоди ты! - отмахнулся я. - Не до тебя сейчас!

Сквозь решетчатое окно кабины козлового крана, куда нас запихнули до вынесения окончательного решения (как будто на голосовании стояло еще какое-нибудь решение, кроме как прикончить), я видел все гигантское пространство цеха. Посреди зала громоздился опутанный проводами, маслянисто поблескивающий кожух какой-то установки; ни пылинки на ней, ни соринки вокруг. Похоже, не такие уж заскорузлые мужики тут живут, кой-чего кумекают и в технике. Электричество, вон, жгут, не экономят. А где берут?

- Беда наша в том, - задумчиво произнес я, - что мы им совершенно не нужны...

На ступенях металлической лестницы, ведущей в кабину, слышались грузные шаги, отдающиеся басовитым гулом перил. Так себе музыка - ничего, кроме похоронного марша, не напоминает.

Лязгнул замок, взвизгнула дверь. Вошел высокий, сильно сутулящийся человек с темными кругами вокруг глаз и таким же угрюмым выражением лица, как у Батяни. За ним - сам Батяня.

- Ну, чего выпучился? - хмуро бросил он мне и сразу отвернулся. _ Чуда ждал, что ли? Не будет чуда. Решено всем обществом: вы нам тут не нужны.

- Выходите, - мотнул головой сутулый.

- Минутку! - я прокашлялся, преодолевая сип в горле. - Вы понимаете, что спасти вас от уничтожения может только одно?

Сутулый взглянул на меня с некоторым насмешливым интересом.

- Намекаете, что мы можем выдать военным, где скрываются пришельцы? - спросил он.

- А почему бы и нет?

- Потому что нам известен план миротворческих сил на этот случай. - Сутулый вынул из кармана помятый металлический портсигар и щелкнул крышкой. - Превентивный ядерный удар на опережение. Эвакуация не предусмотрена.

- И откуда вы все знаете? - запальчиво спросил я.

Сутулый не ответил.

- Хорошо, - сказал я, переводя дух. - Тогда другой вариант. Вы пытались установить контакт с этими, внизу?

Поддрагивающими пальцами сутулый выудил из портсигара обгорелую с конца самокрутку, чиркнул спичкой, нервно затянулся. Присел на колченогий стул.

- Бесполезно, - сказал он наконец. - Они не идут на контакт.

- Как именно не идут? Вы сами ходили к ним?

- Никто из посланных не вернулся. Некоторых на наших глазах уничтожили с помощью какого-то неизвестного оружия.

- А может быть, они вас боятся? - подала вдруг голос Матрешка.

- Не лезь ты! - прицыкнул я.

Сутулый помолчал.

- Не думаю. Скорее, мы им просто не нужны...

Он глубоко затянулся, закашлялся надсадно и с отвращением вышвырнул окурок за окно.

- Правда, иногда...

- Что?

- Иногда они проявляют агрессию.

- Хотят выбраться?

Сутулый пожал плечами. Вместо него ответил Батяня:

- Кто ж так выбирается? Палят снизу своими зарядами в белый свет, как в копеечку, а наступать - ни-ни. Ну да мы тут тоже не лаптем щи хлебаем. Наладили плазменную пушку. Постреливаем для острастки вниз, в шахту. Пусть сунутся! Тут ведь в советское время «ящик» был, много чего испытывали...

- Что еще за ящик?

- Почтовый, - авторитетно пояснил Батяня. - Минсредмаш.

Понятнее не стало, но я уже думал о другом.

- Слушайте! Если время от времени они нападают, значит, что-то им все-таки нужно?

- Вот вы нам и расскажете, что им нужно, - сутулый тяжело поднялся со стула. - Если вернетесь оттуда...

* * *

Очередной пролет лестницы привел на маленькую площадку. Луч фонаря освещал ее сразу всю. Те же закопченные перила, сетчатое ограждение с проплавленными в нем дырами - следами плазменных ударов, квадратный люк в полу. За ним следующий пролет. Сколько их было уже? Сколько еще осталось? И где, наконец, эти чертовы инвайдеры? Я устал ползти, нащупывать ступеньку за ступенькой, устал вглядываться в тени, устал бояться. Скорее бы...

- А если мы ничего не успеем сказать? - как всегда не к месту ляпнула Матрешка.

- Ты-то уж точно успеешь, - проворчал я. - Прямо мастерица вылезти, когда не просят! Гляди лучше по сторонам! Пока чего-нибудь не увидишь, молчи!

Я стал спускаться в люк.

- Колесо вижу, - доложила Матрешка.

- Заткнись!

- Ладно. - Ее босые пятки затоптали по ступенькам у меня над головой. - Только там шевелится что-то...

- Где?!

Я стремительно направил луч на ржавое колесо грузового подъемника. Ничего там не шевелилось.

- Было, а теперь нет, - сказала Матрешка.

Я пошарил лучом вокруг. Обрывок троса, покосившаяся балка, труба с вентилем. Все пыльно, неподвижно и безмолвно.

- Попрятались, - уверенно заявила Матрешка. - На самом деле они давно за нами следят.

- А чего за нами следить? Бери голыми руками.

- Откуда у них руки? Это ж инвайдеры! Они нас поглубже заманивают.

- Врешь ты бессовестно, вот что я тебе скажу! Очень мы им нужны...

И тут ударила молния.

* * *

- Вставай, вставай! - кричал кто-то вдалеке, и так было приятно, что эти слова относятся не ко мне, а к кому-нибудь там, на другом краю земли. А я могу по-прежнему лежать в темноте, не чувствуя ни рук, ни ног, и слушать далекий испуганный голос, чем-то даже знакомый. Ну да, слегка похожий на...

Матрешка?!

Что-то больно хлестнуло меня по щеке. Голос сразу приблизился.

Оказывается, он бренчал над самым ухом.

- Ну, вставай же ты! Они идут!

Я открыл глаза и сел. От этого мало что изменилось, меня по-прежнему окружала чернильная непроницаемая гуща.

- Кто идет? Где?

- Да вон же!

Мокрые пальцы вцепились мне в уши и так резко крутанули голову, что я чуть снова не отключился. В глазах вспыхнули оранжевые искры. Хотя... кажется, это не у меня в глазах. Это у них.

Врать не буду, струхнул. Да и кого не прохватит морозом вдоль позвонков, когда из пещерной тьмы кинутся этикие волчьи светляки?

Я кое-как, хватаясь за воздух, поднялся на ноги и тут же треснулся макушкой о какую-то железяку - в темноте гулко раскатилось эхо.

- Осторожно, здесь перила! - прошипела Матрешка.

Ничего не скажешь, умеет вовремя предупредить.

Огни быстро приближались, где-то звякнуло, скребануло острым по железу; гукнул, просев под чьей-то тяжестью, металлический лист настила.

- Где фонарь? - прохрипел я.

- Тут, - доложила Матрешка. - А что?

- Включай скорее!

- Так ведь заметят нас!

Я метнулся на голос, ухватил ее за плечи, вырвал из рук фонарь.

- Дура! Давно заметили!

Желтый круг света сначала уперся в лестничный пролет, круто уходящий вверх, потом в закопченную стену шахты и наконец нырнул в темный проем. И сейчас же мерцавшие там огоньки превратились в людей с факелами...

* * *

- Хватит врать! - Тощий человек, допрашивавший меня, напоминал складной нож - то переламывался в поясице, будто собирался сложиться вдвое, то резко, с пружинным щелчком распрямлялся, и мне каждый раз казалось, что вот сейчас он тоже долбанется башкой о какую-нибудь железяку. Однако ничего инопланетного в нем не было: обычный голодранец с синими буквами татуировки на волосатых пальцах: «Вова».

- Где вы прятались? - Острый, как лезвие, нос оказался у самого моего лица. - Не выкручиваться! Отвечать быстро! Ну?

- Да мы вроде как и не прятались... - пробормотал я.

- Не выкручиваться, я сказал! - взъярился складашок. - Это что?

Я пожал плечами.

- Фонарик.

- Фонарик! - драматически взвыл он, распрямляясь до потолка. - Не фонарик, драть твою дратву, а новый, с иголки, фонарь, да со свежими батарейками!

В доказательство он пощелкал тумблером, озаряя электрическим светом полутемную комнатку с торчащей в углу лучинкой.

- А что это значит? - спросил он зловеще.

- Что электричество изобрели, пока вы сидите тут, - буркнул я.

Надоел он мне страшно. Чего из себя строит? Следователь хренов! Вова покивал.

- Очень смешно. Но неправильно! - Он резко сложился буквой «Г» и доверительно сказал мне на ухо: - Это значит, что ты и твоя подружка нашли где-то новый склад. Склад, о котором никто не знает. И жируете, пока мы все с голоду пухнем!

Не очень-то ты распух, подумал я, но вслух говорить этого не стал.

- Нигде мы не жируем! Мы же только что пришли.

- Откуда? - хитренько сощурился Вова. - Я на всех складах людей знаю. Вы с какого?

- Мы от Батяни, - сказал я. Долговязый не понял.

- Тут все от батяни да от мамани! С какого склада, спрашиваю!

- Да ни с какого! - я ткнул пальцем в потолок. - Сверху мы! Из-под неба голубого!

Складишок с лязгом распрямился.

- Че... че-го?!

Он уставился на меня растерянно, потом вдруг хрюкнул и затрясся, как током дернутый.

- Све... ой, не могу! Сверху!

Мне прямо обидно стало.

- Что я смешного сказал?

Но он только отмахивался обеими руками.

- Девчонку мою верните! - потребовал я, пользуясь таким приступом начальственного веселья. - Перепугаете насмерть дуреху!

Вова не обращал на меня внимания. Изнемогая от смеха, он открыл дверь в коридор и прорыдал:

- Садык, иди сюда! Тут комик зажигает не по-детски! И девку давай веди!

В коридоре застучали шаги, и на пороге появился низенький узкоглазый человек. Голова его была выбрита, а может, полысела ровно наполовину - от шишковатого лба до темени. Дальше, без перехода, начинались густые черные волосы, заплетенные на затылке в косицу.

- погоди смеяться, Вован. - Узкоглазый недобро сверкнул на меня своими щелками. - Сначала надо этого спросить. Очень сильно спросить.

- Учи ученого! - огрызнулся Вован. - Чем я, по-твоему, тут занимаюсь? Говорю же, веди девку!

- Девка совсем дурная. Знаешь, что говорит? - Садык за шею пригнул Вована к себе и прошептал что-то ему на ухо.

Складишок лязгнул, выпрямляясь, совсем как выкидная наваха перед генеральной поножовщиной, и резко повернулся ко мне.

- Да вы что, сговорились над нами издеваться?!

- Ну что опять? - устало вздохнул я.

- Не могли вы сверху прийти! Ясно? Не могли!

- Почему это мы не могли? - Я постарался вальяжно развалиться на шаткой табуретке, опасаясь, что она сама развалится подо мной.

- Да потому, дубина такелажная! - сказал Вован с нескрываемой обидой. - Потому что над нами - инвайдеры!..

И этот туда же. Инвайдеры... Когда-то их называли пришельцами. Инопланетянами. Потом, когда в охоту за ними включились международные силы, появилось буржуйское словечко «инвайдерс». А еще позже, когда выяснилось, что мы, местные, только мешаем охоте, все наши слова стали не нужны. Как и мы сами.

Не знаю, видел ли кто этих инвайдеров живьем. Мне как-то не довелось. Вот и теперь: Батяня говорил, что инвайдеры внизу, в шахте. Пришли вниз - тут говорят, что они над нами... И не поспоришь. Кто-то ведь шандарахнул меня разрядом там, на лестнице!

* * *

- Ты чего им наплела? - спросил я Матрешку, когда мы наконец остались одни.

Хозяева преисподних чертогов (материальные склады научно-производственного объединения «Вектор») ушли совещаться, предоставив в наше распоряжение шикарную кладовку с тюфяком на полу, запас лучинок, банку консервов, пару сухарей и кастрюлю теплой жижи, предназначенной изображать чай. Дверь, правда, заперли. Но все равно с чего бы вдруг такая щедрость?

- Признавайся, наврала им с три короба?

Матрешка оскорбленно хлопнула глазами.

- Ничего я не врала! Как было, так и рассказала!

- Ну и как, по-твоему, было?

Ответить она не успела. В дверь деликатно постучали, потом щелкнул замок, и в приоткрывшуюся щель протиснулась нечесаная голова.

- Можно к вам?

- А, Коля! - оживилась Матрешка. - Заходи, заходи! Не стесняйся!

Ишь ты: «Не стесняйся». Быстро освоилась!

- Я вам настоящего чайку принес, - радостно сообщил всклокоченный

парень в драной тельняшке, подавая две дымящиеся кружки.

В самом деле пахло чаем. Настоящим, в фарфоровых кружках. Может быть, даже и с сахаром...

- Ну, как ты? - он с любопытством разглядывал меня. - Оклемался?

Я молча кивнул, отхлебывая. Надежда на сахар не оправдалась. Ладно, и на том спасибо.

- Жарко пришлось там, на лестнице?

- Спрашиваешь! - ответила за меня Матрешка. - Как налетели эти со всех сторон, как давай палить! Ну, думаем: крышка! Мы вниз кувырком, без ступенек! Они за нами! Догнали бы - и конец. Хорошо, что мы нашли способ близко их не подпускать! Но только добрались до последней площадки, вдруг - бац!

- Ага! - оживился Коля. - Значит, не зря мы вас огоньком снизу прикрыли? Отсекли этих?

Я чуть коленки не обварил, расплескав чай.

- Отсекли?!

- Да вы нас просто спасли! - живо влезла Матрешка. - И откуда у вас такая штуковина дальнобойная?

- Собрали кое-что тут по кладовкам, - разулыбался Коля. - От секретных физиков осталось. Но у нас тоже есть спецы, будь спок! С допуском до трех тысяч вольт! Трансы подмотали, кондеры нашли подходящие: лупасит так, что не сунутся! Только ты скажи, - он снова повернулся ко мне, - как они выглядят? На людей похожи, нет?

Я прислушался к гулкой пустоте в голове и покосился на Матрешку. Она азартно смотрела на меня во все глаза.

- В целом... как сказать... - с трудом пробормотал я, - в темноте разглядеть трудно...

- Вот именно! - Матрешка поощрительно погладила меня по спине.

- Ну, ясно, ясно, - сочувственно закивал Коля. - А все-таки интересно, как же это вы прорвались?!

Мне это тоже было интересно. Вернее, я начинал догадываться, но что-то подсказывало мне, что Коле этого говорить не следует. Может быть, лежащая на затылке ладонь Матрешки с острыми, как у белочки, коготками?

- Сколько раз наши пытались подняться, - с горечью сообщил Коля.

- И артподготовку предварительную проводили, но куда там! У инвайдеров такое оружие - сметает все!

- Как же вы тут оказались, под ними? - спросил я. Коля махнул рукой.

- Давняя история. Как начали гонять инвайдеров, так многие сюда попрятались. А что? Место тихое, давно законсервированное, натовцы про него не знают, ну и набились, кто мог. Думали пересидеть суматоху. Год просидели на консервах да перловке - надоело. Полезли назад, а хрен - сверху уже инвайдеры!

- Откуда ты знаешь, что инвайдеры? - не утерпел я. - Вы же их в глаза

не видели!

Коля улыбнулся мне, как неразумному ребенку.

- А оружие-то! Не с пулеметов, поди, по нам садят! А лучами смерти!

- Так ведь и вы... - начал было я, но вскрикнул от внезапной боли и умолк.

Все-таки очень острые коготки...

- Чего - мы? - не понял Коля.

- Он говорит, - ответила за меня Матрешка, - что мы и вас наверх выведем!

Коля вздохнул с надеждой.

- Хорошо, кабы так... Но мимо инвайдерских пушек мышь не проскочит... многие у нас не верят вам...

- Говорю же, мы знаем способ! - уверенно заявила Матрешка.

* * *

- Ты что, с ума сошла?! - Я метался из угла в угол кладовки.

Коля ушел окрыленный, пообещав достать на складе сахару. Едва дождавшись, когда за ним закроется дверь, я напустился на Матрешку:

- Как мы их выведем, дурья твоя башка?!

Матрешка смотрела на меня с беспокойством.

- Только ты, пожалуйста, инвайдеров не бойся! - сказала она с мольбой. - У меня правда есть способ.

- Да какие в задницу инвайдеры?! - не выдержал я. - Думаешь, я не понял, что ты все эти битвы сочинила? Нет никаких пришельцев! Эти идиоты всю дорогу воевали друг с другом! Но если мы попытаемся вылезти из шахты, верхние решат, что это новая атака, и ударят плазменной пушкой. Пыль от нас останется!

- Ты всегда такие умные слова говоришь, - с восторгом прошептала Матрешка, - что я поневоле тебя слушаюсь. Но, пожалуйста, послушайся меня и ты. Один только разочек! Просто поддакивай и все. Остальное я сама...

- Чему я должен поддакивать?! Твоему вранью про инвайдеров?

- Почему вранью? Может, это правда. Ты же не видел, тебя вырубили...

- Кто меня вырубил? Этот твой Коля с допуском до трех тысяч вольт, вот кто меня вырубил! Отсекли они! Прямой наводкой в лоб!

- Тем более не надо с ними спорить! Инвайдеры, так инвайдеры.

- Почему просто не объяснить им, что они идиоты?

Матрешка посмотрела на меня строго.

- Потому что тогда мы будем им не нужны.

Снова заскрежетал замок. Дверь открылась, вошли хмурые Вован и Садык. За ними появилась высокая женщина, закутанная в

расползшийся полушалок.

- В общем, так, - с порога сказала она. - Ни одному вашему слову мы не верим!

Некоторое время все молчали. Вован с Садыком только робко поглядывали на женщину. Она прошлась туда-сюда по каморке, словно распаляя себя перед оглашением приговора.

Я почувствовал, что хочу спать. Устал. Надоело все. А ведь сейчас опять придется упрашивать и доказывать...

Женщина вдруг остановилась в углу, вынула из защепа догорающую лучинку, осторожно заняла от нее новую, воткнула на место и наконец повернулась к нам.

- Нам больше нечем кормить людей, - тихо сказала она. - У нас нет выхода. Мы принимаем ваш дурацкий план... Но если вы подведете нас под лучи смерти, то первыми...

Матрешка сорвалась с места и подбежала к ней:

- Теть Зин, вот честное-пречестное слово! Все будет в порядке! Мы отвечаем!

* * *

Вереница поднимающихся людей вытянулась на два лестничных пролета. Их было человек сто, некоторые с детьми - бледными, заморенными, еле передвигающими ноги. Всем было страшно, но все упорно ползли вверх, пролет за пролетом, лишь бы скорее увидеть небо.

- Как хорошо, - сказала Матрешка.

- Что хорошо? - спросил я.

- Что мы нужны этим людям. Иначе бы нас убили...

- Ты шутишь? - удивился я.

Она не ответила.

- Ну, пора? - обернулась шедшая впереди Зинаида.

- Пора, - сказала Матрешка и громко, чтоб все слышали, произнесла: - Три-четыре!

Стены шахты сотряслись, загудели и запели вместе с многоголосым хором, не столь мелодичным, как громогласным:

- Обручальное кольцо! Не простое украшеньё! Двух сердец одно решенье! Обручальное кольцо-о!..

* * *

- Ну, вы даете, черти болотные! - Батяня отбил руки, хлопая себя по ляжкам. - Мы же чуть Богу душу не отдали, когда ваш хор услышали!

- Хорошо, что из пушки не пальнули! - искренне посмеялся и я.
- Непременно пальнули бы! - заверил Батяня. - Песню портить не хотелось!

Он утер набежавшую от хохота слезу.

Пришлых снизу расположили в том самом цехе, где недавно держали нас с Матрешкой. Верхние помогали Зинаиде устроить, напоить и накормить людей; не скупясь, делились невеликими своими запасами.

Вот и попробуй, подумал я, расскажи им, что пять лет они лупили друг в друга из плазменной пушки и электроразрядника... Лучше повременить. Пусть сами догадаются.

- Однако как же вы все-таки инвайдеров обминули? - наседал Батяня.
- Неужто и на них херувимское пение действует?

- Действует, - пропыхтела Матрешка.

Она тоже помогала Зинаиде и теперь волокла мимо нас пухлый узел, набитый одеялами, кое-какой одежкой и прочим тряпьем.

- Пение на всех действует. Нам бы еще такую песню подобрать, чтобы солдаты нас не тронули...

- Как же, не тронут, жди! - я плюнул на пол. - Они наших песен не понимают. Да и близко не подпустят. Заметят со спутника - и ракетой. Как ты им споешь? По радио разве что. Только где оно, радио...

- Радио-то, положим, есть... - Батяня почесал за ухом. - Был у нас тут один любитель. Хотел по радио с инвайдерами договориться. Да мы его к ним пешим порядком отправили. Вроде как вас. Не дошел, видно...

- Его-то за что? - Матрешка сердито сбросила с плеча узел.

- Чтоб не своевольничал, - твердо произнес Батяня. - Житие наше тихое, секретное. Нам радиосигналы не нужны...

Неожиданно по цеху раскатисто прогремели шаги; появился Вован-складишок с пистолетом в руке; косолапя, подбежал к нам.

- Хреново дело, ребята! Нас засекли!

Батяня поблек лицом.

- Кто засек? Где?

Вован скрипнул поясницей, распрямляясь.

- Мы с Садыком решили наружную обстановку разведать. Сколько лет солнышка не видали! - Он чуть не плакал. - Ну и напоролись на дрон...

- Солнышка?! - Батяня ухватил его за грудки и пригнул чуть не до земли. - Вот налетят каски, они вам покажут солнышко!

- Они уже тут, - всхлипнул складишок. - Из вертолетов высаживаются. Прямо у лаза.

Батяня издал сиплый рык, но тут же взял себя в руки. В нем словно включилась программа: он говорил и действовал так, будто давно был готов к происходящему.

- Чеснок, Булыга - за мной! Гоня, передай Сутулому: пусть разворачивает пушку! Мужики, которые снизу пришли, - патроны,

стволы в кладовке прямо по коридору! Всем в ружье!

И кинулся к выходу. Я рванул за ним.

- Подожди! Куда ты? - завопила Матрешка.

- Сиди здесь! - крикнул я. - Не суйся, куда не просят! Скоро вернусь!

- Да нет же! - испугалась она. - Не так надо! Послушай!

Но ее уже оттеснили бегущие следом за нами мужики.

* * *

Оказалось, у Батяни не один тот лаз затаен был, через который мы с Матрешкой попали на завод. По всему лесу нор нарыто и замаскировано, и к каждому ведет ход - где хочешь, там и вылезешь. Мы с Садыком и Вованом едва поспевали за Батяней, ползущим впереди по узкому, полузатянтому глиной тоннелю. Только мелькали в луче фонаря его пятки да локти, при этом он еще умудрялся тащить за собой на ремне длинную неповоротливую винтовку, замотанную в мешковину.

- Обложили... - слышалось его скрипучее бормотание. - Егеря сопливые! Ничего, это мы еще перемеряем, кто кого плотнее обложит!

Наконец он остановился, велел погасить фонари, послушал некоторое время в темноте, а затем осторожно снял доску перегородки, закрывающей лаз. В глаза ударил дневной свет.

- Вылезай по одному, - прошептал Батяня, обернувшись. - Да не шелестеть мне!

Друг за другом мы выбрались в неглубокую лощину, заросшую высокой травой. Полежали на дне, вглядываясь в небеса. Дронов не было.

- Совсем страх потеряли, - проворчал Батяня. - Буром прут, без разведки. За мертвых нас держат, что ли?

Он выполз на край лощины с биноклем. Я осторожно высунул голову рядом. Садык с Вованом остались внизу. Стыдясь за промашку, они теперь шевельнуться боялись без команды.

Даже без бинокля мне было видно, что каски засели прямо напротив главного входа в бункер, но пока не шевелились.

- Технику ждут, - уверенно сказал Батяня. - Дверь прожигать будут...

Он вдруг резко повел биноклем вправо.

- А эти куда?!

Тут и я увидел группу человек из пяти, скрытно пробирающуюся в обход бункера прямо в нашу сторону.

- Э, нет! - сказал Батяня, разматывая мешковину с винтовки. - Так не пойдет. Штурмуйте с фасада, если нейдет, там вас Сутулый встретит! А на флангах мы вас подавим! Он припал к окуляру прицела.

- Далековато, черт!

- Да нормально, - возразил я. - Это ж Ремингтон, а не СВД. Влепит, как в бубновый туз!

Он строго покосился на меня.

- Ах, да... Это ж ты обещал всех нас дичью прокормить!

И сунул винтовку мне.

- Ну, давай, охотничек, покажи себя!

Я пожал плечами, улегся поудобнее и прицелился. Подумаешь, задача! Хаки ползли осторожно, но в окуляре мощного «комбат гансайта» были видны, как в домашнем кинотеатре. Я выбрал того, кто пониже других задирает задницу: наверняка сержант.

- Сзади! - неожиданно выдохнул Садык.

Я резко обернулся.

Они со складашкой припали к земле по обеим сторонам лаза. Из глубины тоннеля слышались отчаянное сопение, шарканье, перестук худых мослов. Я понял, что это кто-то из своих. И действительно, в отверстии показалась голова Коли. Проморгавшись на солнце, он сразу ринулся ко мне.

- Срочно! Она сказала отдать раньше, чем ты выстрелишь!

- Кто - она? Что отдать?

- Матрешка! - Коля что-то вынул из кармана и протянул мне. - Это очень важно!

- Тьфу ты, мать честная с такими вояками! - рассердился Батяня, отбирая у меня винтовку. - Стрелять надо! На позицию девушка провожала бойца, мать вашу так!

Я с удивлением рассматривал то, что принес Коля. Это была маленькая невзрачная пуговица военного образца. Ну да, я видел ее не так давно у Матрешки, она подобрала ее в лесу, когда мы спасались от патруля. Но ничего особенного в этой дурацкой пуговке не было...

И тут меня накрыло. Это было как внезапное пробуждение. Только мой сон длился полгода...

- Himmelherrgott! Радио! Мне немедленно нужно радио!

Я ухватил Батяню за ворот и потащил за собой к лазу.

- Никому не стрелять! - гаркнул я остальным. - Передайте всем: ждать и не шевелиться!

* * *

«Так точно, господин генерал, сэр! Это было недоразумение. Никаких инопланетян не существует, вторжения не было. Русские, как всегда, перепугали сами себя. А все эта их факен секретность!»

- Ты с кем разговариваешь?

Я вздрогнул, быстро снял наушники и щелкнул тумблером. Лампы допотопного любительского передатчика, разложенного во всем

безобразии на колченогом столе в камерке Батяни, медленно погасли.

Матрешка глядела на меня своими огромными глазами. Сова совой!

- Видишь ли, - смущенно начал я, - теперь, когда все выяснилось, операцию можно отменить... Ну и... нет смысла скрывать, что я не просто так проник в этот бункер... надо же было узнать... Зато теперь мы все можем выйти наружу, нас не тронут! У меня наконец-то есть связь!

- А раньше не было? - в Матрешкиных глазищах, как мне показалось, пряталась насмешка.

- М-да... Когда-то была рация, но... По глупой случайности... Помнишь тот день, когда ты пришла ко мне в землянку?

- Помню, - улыбнулась она. - Ты еще бегал за мной по лесу с дубиной и кричал, что я тебе не нужна и чтоб убиралась ко всем чертям...

Я поежился.

- Вот-вот. И тут этот шальной снаряд - прямо в мою нору... - я вымученно улыбнулся. - Можно считать, что ты меня спасла!

- Это был не снаряд, - с улыбкой сказала она.

Я осекся.

- То есть как?

- Мне очень мешал этот твой передатчик. Нужно было от него избавиться.

Онемевшей рукой я с трудом нашарил за спиной стул и сел.

- Ты о чем это, Матрешечка?

Она присела на край стола. Помолчала, беззаботно болтая босой ногой.

- Прости, у меня не было выхода. Пришлось сделать так, чтобы ты забыл, кто ты такой.

- Зачем?!

- Мне нужен был телохранитель... Пришлось долго ждать, пока мой Кокон зарастит повреждения. Пять лет! Но я не жалею: это были полезные годы... - Она взяла со стола кусочек олова и задумчиво помяла его в пальцах. - Я досыта насмотрелась на людей. Думаю, впечатлений хватит надолго. Теперь Кокон здоров, войска отходят, я могу лететь.

- Подожди! - я схватился за голову. - Что ты мне тут... Хочешь сказать, что ты инвайдер?! Не ври, пожалуйста!

Олово в ее руке вдруг потеряло форму, прокатилось радужной каплей по ладони и закапало с кончиков пальцев на стол.

- Инвайдер - это захватчик, - назидательно сказала она. - Я у вас ничего не брала. Это вы разбили мое транспортное средство своей ракетой, так что кто еще кому тут захватчик! Нет, я не обижаюсь: вы ведь в каждом видите инвайдера, даже друг в друге. Не пойму только, какая вам от этого польза. Но обещаю подумать на досуге...

Прежде чем я успел отшатнуться, она снисходительно потрепала

меня по голове прохладной ладонью, потом повернулась и направилась к двери.

Я вскочил.

- Подожди, Матрё... то есть... ты что же, вот так и уйдешь?!

Она обернулась.

- Хочешь что-то сказать на прощание?

- Да!.. Нет. Я не дам тебе уйти! Я сейчас же вызову спецназ, авиацию, тучу дронов...

Она разочарованно покачала головой.

- А я надеялась, что ты скажешь, как будешь по мне скучать...

Я щелкнул тумблером передатчика.

- Стой, где стоишь!

- Перестань, - поморщилась она, поднимая руку. На ее ладони лежала самая большая радиолампа из Батяниного передатчика. - Не превращай трогательное расставание в скандал с битьем посуды!

Лампа грянулась об пол и разлетелась вдребезги. Передатчик был мертв.

- И не ходи за мной, - с обидой сказала Матрешка. - Не то с твоей головой будет то же самое!

- А вот это мы еще посмотрим! - сказал я, направляя на нее пистолет, которым успел разжиться у Вована.

Она только презрительно усмехнулась и пошла к двери.

- Матрешка, стой! - грозно крикнул я.

Она не остановилась. Я прицелился. Пистолет ходил ходуном.

- Ну, не могу я тебя отпустить, пойми!

- Почему? - спросила она, не останавливаясь.

- Почему! Ясно почему... А вдруг ты вернешься с целой армией, чтобы нас завоевать?!

Она обернулась в дверях.

- Да кому вы нужны...

ЕВГЕНИЙ ГАРКУШЕВ

БАРСУКИ

Е В Г Е Н И Й Г А Р К У Ш Е В

БАРСУКИ

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

Барсуки хотят Крым, Василиса Игоревна, - сообщил Харченко, усевшись в кресло рядом со столиком для переговоров и жадно хватая графин с водой. - Допрыгались.

Василиса оторвала взгляд от монитора. Харченко был грязен и помят, пахло от него костром и елками. Не иначе, опять жарили с барсуками сосиски. Сегодня «в лес» ходил он.

- То есть как Крым? - подняла и без того изогнутые соболиные брови Василиса. - В каком смысле?

- В самом прямом. Полуостров. Доигрались с репарациями и теорией размежевания. - Харченко налил себе полный стакан и осушил его. - Они согласились размежеваться. И пока что хотят Крым.

- Но... почему именно Крым?

- Им там нравится. Да и не главный вопрос - почему? Главный вопрос - как?

- И как? - вздохнула председатель комиссии по контакту.

- В первоизданном виде. Все дома разрушить, а каменное крошево вывезти, дороги разобрать, линии электропередач и трубопроводы демонтировать.

Василиса воззрилась на своего заместителя. Он был аналитиком, он же отвечал за связь с военными. По сути, кое в чем его полномочия были выше, чем ее. Но барсуки из предложенных кандидатур выбрали главой переговорной комиссии именно Василису - одну из самых красивых девушек России, актрису, а по образованию архитектора. Почему? Кто знает... Может, и барсукам свойственна тяга к прекрасному в человеческом понимании?

- Но ведь Евросоюз никогда на такое не пойдет... Да что там Евросоюз! Никто им Крым не отдаст! И вообще... Сотрудничество, взаимопонимание. Зачем же дома сносить?

Харченко налил себе второй стакан воды, отхлебнул, расправил густые усы.

- Сегодня они были очень решительны. Ни о каких заповедных зонах в тайге, не говоря уже о заказниках около крупных городов с готовым кормом и промышленно вырытыми норами, слышать не хотели. Заявили, что у них имеется к нам несколько предложений. О Крыме сочли возможным говорить со мной. Другие требования выдвинут непосредственно вам и Литовкину. Ему они, очевидно, доверяют больше, чем мне.

- Другие требования? - опешила Василиса. - Есть что-то серьезнее?

Харченко развел руками, расплескивая воду из стакана на порядком затоптанный синтетический ковер.

* * *

А как замечательно все начиналось! В летний лагерь экологов в Химках заявился крупный седой барсук. Покрутился вокруг палаток, отверг предложенное угощение, а потом подошел к известной всей стране активистке, защитнице природы, и пробурчал:

- Потолковать надо.

С экологами едва не случилась массовая истерика. Прагматичные

попытались ощупать барсука на предмет наличия проводов и скрытого динамика, заподозрив провокацию против экологического движения. И получили по рукам когтистой лапой. Не сильно, впрочем. Без крови.

Восторженные просто кинулись обнимать говорящего на чистом русском языке зверя. А самые мистически настроенные решили, что через барсука с ними завел беседу дух леса.

Как оно было на самом деле, сказать сложно, но только проводов в барсуках не обнаружилось, а дар речи они обрели разом. В тот же вечер в лагерь пришли еще шесть крупных животных, каждое из которых отыскивало собеседника и предложило тему для разговора.

На следующий день лидер экологов собрала экстренную пресс-конференцию с представителями центральных и даже зарубежных телеканалов и газет (благо, возможности для этого имелись) и вышла к журналистам с барсуком, которого вела за лапу... Барсуки мгновенно попали в прайм-тайм и на первые полосы. Отрицать факт контакта стало попросту невозможно, хотя несколько недель многие граждане упорно верили в то, что «барсучья тема» всего лишь глупая мистификация.

Представители иного разума были найдены, причем не на далеких планетах, не в глубинах космоса - здесь, под боком. А в аптеках еще продавался целебный барсучий жир... И некоторые, самые практичные, даже запасались им впрок. Другие, более дальновидные, от жира тайком избавлялись. И даже переходили на вегетарианство. Если с барсуками случилась такая история, кто даст гарантию, что не заговорят лошади, коровы или свиньи? У них и голова крупнее, и мозгов больше.

* * *

Несмотря на вечернее время, Клотецкий отозвался на вызов сразу. Выслушал проблему, посопел немного и с неистребимым польско-немецким акцентом заявил:

- Не по телеф-фону, Василис-са. Я сейчас приеду. Быстро.

Не прошло и получаса, как представитель Евросоюза при комиссии по контактам явился в переговорный лагерь со стороны людей - на дачу какого-то высокопоставленного партийного работника середины двадцатого века, которая чудом осталась государственной.

- Выйдем на свежий воздух, - предложил Клотецкий, едва только переступил порог кабинета Василисы.

Олег Литовкин, главный специалист по барсукам, добродушный и лучащийся оптимизмом эколог, хмыкнул.

- Вы считаете, барсуки смогут подслушать нас здесь, Марцин? Или, напротив, хотите, чтобы они нас услышали?

Клотицкий вздохнул.

- Ч-что нам барсуки? Лишь бы другие не подслушали.

Конспиратором и конспирологом Клотицкий был с рождения. В каждом кабинете он ожидал встретить прослушивающее и записывающее устройство, везде видел заговоры. Поэтому переговоры охотно вел в лесу - хотя и там, как известно, спрятать микрофон не проблема. А уж подмосковные леса после начала контакта были микрофонами просто нашпигованы. Надо же знать, о чем барсуки говорят между собой?

Впрочем, между собой барсуки, похоже, совсем не говорили. Разве что специально для людей.

Вышли под черное, усыпанное звездами небо, по тропинкам между сосен добрали до клумбы с тюльпанами неподалеку от трехметровой глухой ограды дачи.

- Допустим, здесь, - заявил Клотицкий, останавливаясь. - Место выбрано случайно, верно?

- Верно, - ответил Харченко. - Только у каждого из нас в одежде и в личных вещах может быть масса «закладок».

- То свои ставили, - загадочно улыбнулся Марцин. - А вот Крым... Это скандал!

- И главное, ничто ведь не предвещало, - заметил Харченко. - Сидим, сосиски жуем. Я им семь килограммов притащил, да еще углей два мешка: они жаловались, что сучья совсем закончились. Сожгли все. Бурый веточки в костер подкидывает, Пушистая палочку с сосисками над огнем поворачивает, а Седой возьми и заяви, что им Крым нужен, причем срочно! В течение двух месяцев! Дескать, в наших же интересах.

- Меня звал? - уточнил Литовкин.

- Тебя, Василису. Я вроде как полномочиями не вышел. Или доверия лишился. Господина Клотицкого, правда, не требовали.

- Марцин ведь и не член комиссии, - заметила Василиса. - А они регламент соблюдают строго.

- Регламент, - вздохнул Харченко. - Барсуки! Я с ними болтаю каждый день, а привыкнуть не могу! А тут - Крым! Этим пушистым тварям...

- Почему же тварям? - обиделся за барсуков Литовкин.

- Я в хорошем смысле. Все мы твари Божьи, - оправдался Харченко.

Клотицкий задумчиво уставился на свернувшийся в ночной прохладе тюльпан.

- Они войной угрожают?

Литовкин рассмеялся.

- Ну что вы, Марцин? Какая война? Барсуки не могут воевать. В принципе. Взрослый человек сильнее любого барсука. Даже без оружия. А численность людей и барсуков вообще несопоставима. И технические возможности человечества...

Клотицкий кивнул.

- Именно. Воевать они не могут. Значит, провоцируют. Зачем, хотел бы я знать?

Василиса изящно всплеснула руками.

- Почему сразу провоцируют? Они выдвинули встречные требования. Точнее, просто требования. Нашим экологам не нужно было распинаться о вине перед «меньшими братьями».

Литовкин вставил:

- Кстати, они вовсе не считают себя меньшими братьями. Скорее, наоборот.

Харченко фыркнул.

- Их дело. Дармовые сосиски жрут за милую душу. Значит, плоды прогресса принимают.

- Плоды прогресса, - задумчиво пробормотал Марцин. - Они требуют вернуть Крым в первоначальный вид. Хотя водопровод, я так думаю, им бы не помешал. И в одноэтажных домах жить можно хоть человеку, хоть барсуку... Чем не берлога?

Харченко попятился от представителя Евросоюза.

- То есть вы всерьез думаете о том, чтобы отдать им Крым?

- Почему бы и нет?

- Но люди... Там живут около двух миллионов человек!

- Переселим, - заявил Клотицкий. - Если Евросоюз готов строить лесные города для барсуков... Строительство квартир для людей привычнее и дешевле.

- А Украина? - спросила Василиса. - Она согласится расстаться с частью своей территории?

- Россия же рассталась, - хмыкнул Марцин. - Да никто территорию и не забирает. Крым останется за ней. Номинально.

- А барсуки будут ее гражданами? - поинтересовался Литовкин.

- Получается так, - кивнул Клотицкий.

* * *

Когда барсуки внезапно заговорили, культурный шок испытали многие. Жили люди, как им хотелось, и вдруг выяснили, что они не одни. Есть и другие разумные существа, которые мыслят, могут действовать по заранее намеченным планам и, главное, способны рассуждать на отвлеченные темы.

Но главное: барсуков ведь убивали! В течение долгих веков, ничуть при этом не смущаясь. Топили жир, использовали малоценные шкуры, ели мясо... Так почему же они не пытались заговорить прежде?

Люди с дрожью перечитывали энциклопедии и всякие книги об охоте. «Популярна спортивная охота на барсука, основанная на подкарауливании животного у входа в нору, когда барсук возвращается

после ночной кормежки. Позицию вблизи норы охотники должны занять рано поутру, но можно это сделать и вечером. Можно охотиться на барсука и осенью, используя гончих собак. Обычно они гоняют барсука ранним утром при возвращении животного с ночной жировки. Окруженный собаками, барсук защищается отчаянно... Барсучье мясо пригодно в пищу, но особо ценится жир этих животных, который, кроме всего прочего, с большим успехом используется для смазки кожаной обуви. Барсучья шерсть идет на изготовление кистей, в частности для бритья. Из кожи барсука изготавливают чемоданы и другие изделия».

Было стыдно... Но не всем. В конце концов, друг друга люди также убивали во множестве.

На вопросы о веках молчания лидер переговорной группы барсуков Седой всегда отвечал уклончиво. Время не пришло... Почему оно не пришло прежде и пришло сейчас? Почему барсуки заговорили на русском? Как им удалось договориться между собой? Или между собой они связь и не теряли?

Эксперт Литовкин считал, что барсуки молчали потому, что боялись: открой они пасти раньше, их попросту перебили бы как возможных конкурентов самого разумного вида на планете. Или заставили служить человеку.

Некоторые эксперты-мистики полагали, что коллективный разум барсуков наконец обрел какое-то нужное состояние, в том числе и под влиянием людского коллективного разума. А каждый барсук сам по себе разумом не обладает.

Профессор Миттельштейн из Мюнхена был уверен, что при помощи барсуков с людьми общаются инопланетяне. Возможно, с другой планеты, а скорее, из другого слоя реальности. И сами барсуки - всего лишь биологические инструменты в их руках.

Так или иначе, игнорировать барсуков было невозможно. Тем более среди людей у них нашлось немало заступников, которых точно нельзя было загнать в норы.

Барсуки хотели, чтобы на них прекратили охотиться. И, естественно, законы о запрете охоты были приняты сразу же почти во всех цивилизованных странах. Но этим не ограничилось. Барсуков решили подтянуть в культурном плане. Исконные обитатели Европы и Азии, живущие бок о бок с людьми... Ну, точнее, не совсем бок о бок, но где-то неподалеку...

Экологи, гуманисты, пацифисты, просто равнодушные люди посчитали, что они должны. Сильно должны! По сути, люди в целом задолжали барсукам весьма и весьма... Взять хотя бы жир в аптеках! И барсукам начали помогать.

Поначалу их стали подкармливать, и барсуки резко разжирели - сработала тысячелетняя привычка запасаться питательными веществами, если имеется такая возможность. Затем люди стали

разрабатывать проекты особых экологических зон. И только потом решили поинтересоваться у самих барсуков - а чего же они, собственно, хотят? А барсуки хотели сесть на диету и за стол переговоров!

Сразу после начала переговоров Седой намекнул, что держать барсуков в зоопарках за решеткой не слишком-то гуманно. А точнее, полностью недопустимо! Но ведь те барсуки молчали... До той поры, пока не встретились со своими дикими собратьями.

Как только цивилизованный барсук из зоопарка видел дикого барсука из леса, он говорил: «Принесла же вас нелегкая...» Становился на задние лапы и требовал выпустить его из клетки. Барсучата плакали и в страшный лес не хотели, поэтому люди ограничились удалением решеток и удвоением, утроением рациона питания. Барсуки временно получали зарплату как экспонаты и тратили ее весьма экстравагантно... Борцы за права пытались их этой зарплате лишиться - ведь выставлять себя в зоопарке унижительно!

Но глобально барсуки хотели чего-то большего. Теперь наконец они признались чего.

* * *

Василиса шла по ночному лесу первой - она хорошо знала дорогу. Литовкин плохо видел в темноте, поэтому брел в хвосте. Марцин время от времени начинал насвистывать, но вспоминал о конспирации и замолкал.

Поляна совета слабо освещалась огоньком едва тлеющего костра. Около него виднелась мохнатая фигура. Седой грел лапы у огня.

- Доброй ночи, - тихо сказала Василиса.

- А, - проворчал Седой. - Пришли... Я знал, что вы скоро придете.

Барсуки всегда ворчали. Их речевой аппарат был устроен таким образом, что говорили они с рычанием или ворчанием. Не всегда четко, но вполне понятно. Вежливости им иногда не хватало. Или они специально вели себя невежливо.

- Нам нужно срочно поговорить, если насчет Крыма и сроков его передачи вы серьезно.

- Торопыги, - констатировал барсук. - Все вокруг торопыги.

- Ты сам говорил, что вопрос нужно решить в течение двух месяцев.

- А вы пришли через два часа.

- К чему вообще такие сроки?

- Вам нельзя терять времени. Каждый день задержки погубит многих людей.

- Как? - всполошилась Василиса.

- Естественным образом, - не совсем понятно ответил барсук. - Но к

делу...

- Мы привели большого человека, - заявила Василиса, кивая на Клотицкого.

- Не очень-то он большой, - заметил Седой.

- Он один из главных.

- Мы считали, ты главная. Обманула?

- Я главная на переговорах.

- Все у вас неправильно. Послы, говоруны, передатчики, думатели, знатоки. Каждый должен быть личностью. Решать. Понимаешь?

Марцин хихикнул.

- Странно слышать это от существа, чей разум, по мнению экспертов, является коллективным!

- Кто тебе такое сказал? - фыркнул барсук.

- Думатели.

- Плохо думали.

- И еще вопрос, - не удержался Клотицкий. - Почему вы все-таки выбрали русский язык? Немецкий в Европе оправданнее с экономической точки зрения. Английский - для всеобщего понимания...

- Русский - язык межнационального общения, - объяснил барсук. - Слышал?

- Нет, - ответил поляк.

- Молодой еще. А я уже старый... Сосиски-то принесли?

Литовкин поспешно вытащил из рюкзака три вакуумные упаковки сосисок.

* * *

Костерок потрескивал свежим хворостом. Сосиски пузырились и тихо шипели на свежеструганных палочках.

- Наше предложение очень хорошее, - заявил Седой, задумчиво глядя в огонь поверх сосиски. - Если вы его примете, будут другие - еще лучше.

- Но почему именно Крым? - спросила Василиса. - Целиком? Может быть, часть Крыма? Скажем, лесная зона...

- Мы леса насадим там, где сейчас степь, - заявил барсук. - А полностью... Нам ведь развиваться надо. На южном берегу пусть пока туристы отдыхают. Если только приплывут морем и капитальных построек сооружать не станут. Мы в море купаться не любим.

Специалисты по контакту машинально отметили выражение насчет «капитальных построек». Откуда бы барсуку это знать? Что он, техническую документацию когда-то читал? Или законы? Но вот говорит... Как и многое другое. Похлеще.

- Может быть, вам водопровод оставить? - поинтересовался

Клотицкий. - Жилье какое-то...

Седой покачал свободной от прутика с сосиской лапой.

- Сплошной вред от ваших водопроводов и водоканалов. Вода - она ведь не просто так бежит. Она как надо бежит. Если не в болоте. А в болоте ничего хорошего нет. Водопровод - зло. Другое дело - акведуки. Каменные.

- Ага, - несколько ошалело кивнула Василиса. Прежде она об акведуках от барсуков не слышала. А теперь вспомнила римские акведуки, построенные с поразительной точностью и изяществом. Не барсуки ли там лапу приложили?

- Предложение по Крыму принимается? - поинтересовался Седой.

- Принимается за основу, - заявил Клотицкий.

- За основу - тоже неплохо, - вздохнул барсук. - Тогда слушайте дальше...

- Слушаем, - отозвалась Василиса.

- Электричество, - пробормотал барсук. - От него придется отказаться.

- В Крыму? - уточнила Василиса.

- Нет. Вообще.

- Что? - изумился Литовкин.

- Когда вода бежит не по предназначенному пути - плохо. Электроны - еще хуже... Поэтому вам придется отказаться от линий электропередач и электронных устройств.

- Электроны? - ошарашенно переспросил Марцин. - Да что вы знаете об электронах? И об электронике? Что вы вообще о себе возомнили?

- И двигатели внутреннего сгорания... полностью исключить, - продолжил как ни в чем не бывало Седой.

- С какой стати? - воскликнула Василиса.

- Не даром, конечно, - солидно отозвался барсук. Но договорить ему не дали.

* * *

Грянул выстрел, второй, третий. Седой рухнул рядом с костром, выпустив из лапы прутик с сосиской. Литовкин кинулся к нему. Василиса зажала руками уши. Прагматичный Клотицкий упал на землю, прикрыв голову руками.

- В людей, в людей не попадите! - закричал кто-то из-за деревьев. - Мы их по-другому уберем!

Щелк - и Литовкин упал на землю рядом с Седым, спутанный метательной сетью с грузами на концах. Бух - и Василиса оказалась связанной в неудобной позе, с вывернутыми руками. Хлоп - и Клотицкий превратился в кокон, его связали дважды.

На поляну выбежал Харченко с автоматом в руках.

- Мочи барсуков! - закричал он.
- Никого нет! Вообще никого, - отозвался голос из леса.
- Ищите! Их здесь по меньшей мере пара десятков!
Василиса подняла голову и строго спросила:
- Что это значит, Леонид?
Харченко хмыкнул.
- Вспомнила, как меня зовут, красавица? Боюсь, поздно. Мы оказались по разные стороны баррикад.
- Бунт? - поинтересовалась Василиса.
- Рокировка. Мне спасение человечества и интересы своей страны дороже общих принципов гуманности, - сплюнул на землю Харченко. - Увы, вы хоть и люди, предали свой вид. Ваша смерть послужит делу обновления... Впрочем, хватит болтать! И так слишком много трепались.
Харченко снял с пояса какой-то предмет. Наручники? Щипцы? Нет... Что-то странное. Типа ритуального костяного ножа. Двух ножей...
Седой, захлебывавшийся кровью - в него попали две пули, - прорычал:
- Подонок.
- Молчи, животное, - огрызнулся Харченко. И щелкнул своим инструментом. Только тут все поняли, что это барсучьи челюсти на шарнирах.
- Вас закусает барсуки, - пояснил Харченко. - Загрызут. Трудновато было найти несколько подходящих чучел, чтобы извлечь челюсти. Но мы нашли. Теперь экспертиза покажет, что надо. Эй, Дежнюк! Быстро сюда. Пора разобраться с предателями.
- Позвольте вопрос. На кого вы работаете? - почти спокойно подал голос Клотицкий. - Наша смерть не сойдет вам с рук.
- Барсукам не сойдет, - ответил Харченко, главный вопрос игнорируя. - А человечество будет спасено. И людей из Крыма эти твари не вытеснят. Ладно, вы бы еще Кенигсберскую область собрались им отдать...
- Глупо! Все равно бы решение принималось референдумом, - заметил Марцин. - А барсуки обо всем расскажут.
- Кто им поверит после такого? - спросил Харченко и наклонился к Василисе. - Жаль портить такую прекрасную шейку, но интересы человечества выше личных привязанностей. Прощай, красавица!

* * *

Земля разверзлась под ногами Харченко. Несколько клиновидных серых теней метнулись к нему с деревьев. Хрип, вскрик - и воцарилось молчание. Очень недолгое молчание. Потому что спустя пару секунд

лес наполнился грохотом выстрелов, криками, писками, ревом и проклятьями.

Харченко провалился в барсучью нору и исчез без следа. Вместе с ним исчезли барсуки, сидевшие прежде в засаде на деревьях. А люди полагали, что они по деревьям лазить не умеют... Хотя что стоит научиться, если мозги работают?

Канонада еще не отгремела, а Седой слабеющими челюстями уже перегрыз сеть, опутывающую Литовкина. Олег вынул из кармана складной нож, с которым как истинный любитель походов не расставался, освободил Василису и Клоутицкого. Сорвал с себя рубашку, располосовал ее, попытался перевязать раны Седому.

- Без толку, - прохрипел барсук. - Я должен успеть сказать! Мы как-то плохо закончили разговор... Нас прервали.

- Может быть, не стоит? - спросила Василиса. - Вам нужно срочно оказать помощь. Спасти.

Барсук захрипел.

- Спасти меня не в вашей власти. А умирать все равно придется. Я и так прожил долго... Почти сто лет.

- Сто лет? - изумился Литовкин. - Но барсуки живут...

- Что вы знаете о барсуках? - фыркнул Седой. - И электричество... Вода... Автомобили, за которые вы цепляетесь! Что бы вы сказали, если бы платой за расставание с этими устройствами стали двести - триста дополнительных лет жизни для каждого человека? Может быть, все пятьсот. Понимаете, почему я говорил, что нужно спешить? Как обидно за тех, кто умрет в эти два-три месяца... Они могли бы жить еще сотни лет!

- Он бредит, - констатировал Марцин. - Барсуки могут бредить.

- Нет, - прошептал Седой. - Нет. Я знаю, что говорю. Надо всего лишь выполнить требования.

Василиса взяла Седого за лапу, взглянула ему в глаза.

- Но ведь люди жили без электричества и водопроводов с начала истории. И это не слишком им помогло.

- Времена изменились. Пришла помощь, - заявил Седой. - Барсуки прежде тоже молчали.

- В случае отказа нас ожидает бомбардировка Европы вашими союзниками? - спросил Марцин. - Теми, кому мешают автомобили и линии электропередач?

- Нам хватит Крыма, - тихо ответил Седой. - А ваша жизнь в вашей власти.

Отошел барсук тихо, без стонов и хрипов, закрыл глаза и словно уснул.

- Хотел бы я знать, что он имел в виду, - грустно сказал Литовкин. - Однако какой сволочью оказался Харченко!

- И что нам теперь делать после эта сволочь? - от волнения

Клотицкий перестал говорить по-русски правильно, чего с ним прежде не случалось. - Мертвый барсук у нас на руках, загрызенный Харченко и его люди... Они из спецслужб, вер-оятно!

- Только из чьих спецслужб? - спросила Василиса. - Если из наших - мы получили лишь временную отсрочку. Зря мы отказались от профессиональной охраны.

Сухие листья на месте норы, куда барсуки утащили Харченко, зашевелились.

- Нам должны помочь они! - с энтузиазмом воскликнул Марцин. - Если не разочароваться в людях...

- Никогда не думала, что мне придется ждать спасения от барсуков, - горько усмехнулась Василиса. - Неромантично как-то.

* * *

Появившийся из норы барсук вид имел необычный, в чем-то даже вызывающий. Помимо черных полос, идущих вдоль морды через глаза, характерных для любого барсука, над носом его красовались словно карикатурно нарисованные усы. Они выделялись другим цветом меха на белой шерстке.

- Намек, - прозорливо заметил Марцин. - Намек на наше предательство.

- На предательство Харченко, - уточнила Василиса. - И тех, кто стоит за ним.

Опешивший Литовкин только показывал на барсука пальцем. Лишь после того, как зверь устроился у костра и подобрал прутик с сосиской, специалист-эколог пробормотал:

- Разве вы не видите? Это же и есть Харченко! Глаза... Форма скул. Уши. Об усах я уже молчу!

Василиса вздрогнула.

- И повадки все его... Походка. Как он лапы держит!

Барсук обернулся, внимательно, даже проникновенно посмотрел на людей и заявил:

- Можете звать меня Лео. И не беспокоиться насчет своей безопасности. Все вопросы я улажу. И с барсуками, и с людьми.

- О, - вздохнул Клотицкий. - Но как такое возможно?

- Вернемся к нашему разговору, - словно ни в чем не бывало продолжил барсук. - Электроны не нужно гонять по проводам, словно стада безумных мошек. Надеюсь, вы все-таки это поймете.

- Иначе? - спросил прагматичный Марцин.

- Иначе нор на всех не хватит, - многозначительно заявил барсук.

Каждый понял его по-своему.

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА ВТОРОГО ПОРЯДКА

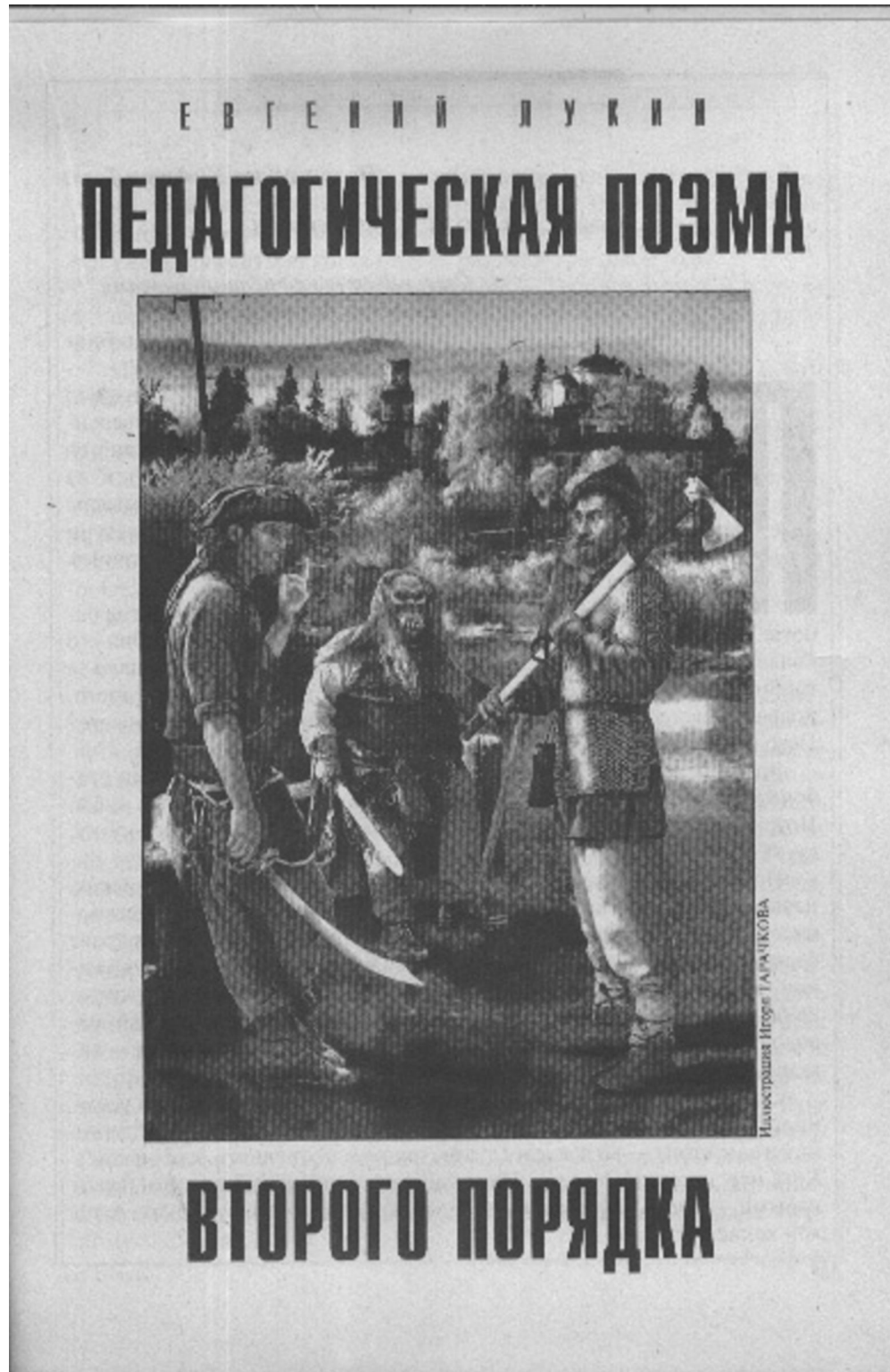

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Глава 1. НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

*Светлый стяг над нашими полками
Не взиграет больше никогда.
Александр Блок*

Приличия ради вороша палочкой траву, Савелий Павлович брел по желтым от одуванчиков полянам, беспечно уверенный в том, что берестяной кузовок как был, так и останется пустым. В конце концов шампиньоны можно купить и на рынке, а вот нервов на рынке не купишь. Глубокая мысль. Кстати, может быть, оно и хорошо, что не купишь. Поступи нервы в продажу, ученички бы их тоже прикупили, причем наверняка в гораздо большем количестве.

Нелегко, ох нелегко дался молодому педагогу первый год работы. Совершить одиночную вылазку на природу Савелия подбил его коллега Петр Маркелович, сказав: поди поучись у грибов, как надо за грибницу держаться. Под грибницей старший товарищ, скорее всего, подразумевал коллектив или даже общество в целом. Циник он, этот Петр Маркелович, дай ему Бог здоровья!

Время от времени в прогалах меж зарослей ивняка возникали озабоченные тетки с кошелками. Кукушка в рощице скандировала ямбы. Потом сделала паузу и внезапно перешла на амфибрахий: ку-ку-ку, ку-ку-ку...

Подивившись искушенности пернатой в стихотворных размерах, начинающий грибник выбрался на очередную поляну - и приостановился, не веря глазам. Такое впечатление, что кто-то рассеял в траве белые гладкие камушки. Располагались они довольно плотным кружком, и то ли по контрасту, то ли в самом деле, но зелень внутри кружка была малость темнее, нежели снаружи. Каким образом этакий выводок шампиньонов избежал хищного взора теток с кошелками - загадка.

Савелий раскрыл перочинный ножик, преклонил колени... и усомнился: вдруг поганки? Их ведь, говорят, с шампиньонами перепутать ничего не стоит - во всяком случае, такому специалисту, как он сам... Хотя нет, поганки Савелию Павловичу представлялись тощими, сухопарыми - чисто выпускницы в белых кружевных воротничках. А тут вон какие крепыши

Вскоре берестяное донышко кузовка исчезло под слоем грибов. Солидно, солидно... Будет чем щегольнуть перед Петром Маркелычем.

Савелий Павлович срезал последний крохотный шампиньоныш и хотел уже выпрямиться, когда с небес раздался громовой голос.

- Внимание! - властно произнес он. - Господа русичи и господа татаре! Ваше сборище является несанкционированным, поэтому прошу разоружиться и мирно покинуть заповедную зону...

Мимо, проламывая кусты, опрометью пробежала бабушка с туго набитой кошелкой.

- В противном случае... - неумолимо продолжал громовой голос с небес.

Савелий Павлович встревоженно огляделся, потом сообразил, что говорят в мегафон, бросил ножик в кузовок и подался на звук, прекрасно, кстати, сознавая неразумность своих действий. Как это у Ярослава Гашека? «...Перестрелял всю семью, да еще швейцара, который пошел посмотреть, кто там стреляет с четвертого этажа».

Добрался до опушки - и чуть не рассыпал грибы.

* * *

Окажись на месте Савелия Павловича некто давно и прочно помешавшийся на паранормальщине, кто-нибудь из тех, для кого словосочетание «летающая тарелка» лишь в последнюю очередь связывается с семейной склокой... Да, подобный субъект, возможно, и вообразил бы на миг, будто провалился в наше славное прошлое. На бывшем колхозном поле, исполчась, грозно стояли друг против друга два довольно-таки многочисленных воинства. Майское солнце дробилось и плавилось в самделишных нагрудниках, щитах, кольчугах, опасно сияло на выхваченных из ножен клинках.

Однако для преподавателя-словесника, обожателя классики, точно знающего, где кончается литература и начинается обыденная, будь она неладна, жизнь, такое истолкование происходящего явилось бы по меньшей мере неприличным. Вне всякого сомнения, на заброшенном поле силами энтузиастов воспроизводилось некое историческое событие - что-то вроде Мамаева побоища в миниатюре. Слева, надо полагать, утвердились басурмане, справа - русские, причем под черным стягом («На нем же бе образ владыкы Господа нашего»). При виде столь достоверной подробности Савелий Павлович чуть не прослезился. Читали, стало быть, летописную повесть, читали: «Пад на колену прямо великому полку, черному знамени...»

К тому времени, когда педагог проморгался, ряды витязей и батыров успели смешаться. Нет-нет, битвой тут и не пахло. Бывшие супротивники сноровисто перестраивались в единую фалангу: спинами к рощице, лицами к дальнему краю поля, где неподвижно воздвиглась шеренга полицейских - в прозрачных шлемах, в камуфле, с дубинками

и пластиковыми щитами.

Гомон, достигший ушей грибника, ничего хорошего не предвещал.

- Аллах акбар!..

- Во имя Отца и Сына...

- Менты поганые!..

Так это что же (подумалось Савелию), не только митинги, но и отдельные исторические события можно объявить несанкционированными? Хотя чем вам митинг не историческое событие?.. Следующая мысль была из парадоксальных: слушайте, а ведь появился полиция вовремя у речки Непрядвы в 1380-м - не исключено, что история наша двинулась бы совершенно иным путем...

- Повторяю для непонятливых! - громыхнул мегафон. - В противном случае...

И Савелий Павлович наконец-то сообразил испугаться. Трудно было сказать, за кем останется неухоженное поле боя: за рослыми кольчужниками или за столь же рослыми блюстителями порядка. В душе молодой словесник принял сторону кольчужников, и, поверьте, не из фрондерских настроений: уж больно умилило его черное знамя с иконой. Однако дальнейшее пребывание на опушке явно становилось опасным - поди еще пойми, что лучше: огрести по кумполу резиновой палкой или же тупым, но металлическим клинком.

Преследуемый хрипом и громыханием мегафона, незадачливый грибник отступил поглубже в рощу и, достигши места недавней вырубki, присел в ошеломлении на один из пеньков. Вот тебе и успокоил нервы... Вот тебе и сходил по грибы...

Самым правильным поступком в такой ситуации было подхватить отягощенный шампиньонами кузовок и, не искушая более судьбу, двинуться напрямиком к остановке автобуса. Однако воя и лязга, сопутствующих побоищу, с опушки не доносилось, мегафон тоже умолк, и любопытство взяло верх над благоразумием.

Савелий Павлович был уже готов встать, вернуться, посмотреть, чем кончилось дело, когда неподалеку послышались хруст веток, побрякивающие шаги - и на поляну, тяжело ступая, вышел русский ратник. С железным шорохом сел на свободный пень, уронил меч, снял шлем, оказавшись приятным молодым человеком лет двадцати с небольшим. Русобород, могуч, широко раскрытые серые глаза, кудри до плеч. Из-под кольчуги виднеется монашеская ряса. Не иначе Пересвет. Если так, то ответственную ему роль доверили.

- Слава те, Господи... - обессиленно выдохнул воинствующий инок и с чувством перекрестился.

- Что там? - спросил Савелий Павлович.

Сидящий перевел на него взгляд, пошевелил губами.

- Агаряне... - страдальчески выдохнул он. - Чистые агаряне, Господи, блин, помилуй...

Савелий Павлович кашлянул.

- Простите... А вы кто?

Ратник к тому времени перевел дух, серые глаза его прояснились, на устах обозначилось некое подобие улыбки.

- По игре или по жизни?

- М-м... - Савелий Павлович растерялся.

- По игре Ослябя, - видя его замешательство, представился ратник. - По жизни иеродиакон Илиодор. В миру Василий.

- Да что ж у вас имен так много? - подивился педагог.

- Одно для Бога... - степенным баском отвечал Ослябя-Илиодор-Василий. - Другое для людей. Третье по игре...

- Как же к вам обращаться?

- Зовите Аскольдом.

- А Ослябя?

- Ослябя я только сегодня, - пояснил могучий инок. - Постоянное имя - Аскольд.

- Так... - Савелий Павлович потер висок. - Но все-таки вы... - другая его рука неуверенно взмыла в сторону опушки, - реставраторы?

- Реконструкторы, - поправил Аскольд-Ослябя и закручинился. - Нет... - с покаянным вздохом молвил он спустя малое время. - На полный рекон у нас ни денег, ни людей не хватит. Ролевики мы...

Педагог был сильно разочарован. Восстановить в подробностях какой-либо момент истории он полагал делом серьезным и достойным, а вот ролевые игры считал блажью. Как-то даже неловко: взрослые люди, а сами, как мальчишки, бегают с сабельками по заливным лугам, то гномами себя воображают, то ушкуйниками. Участие же монаха в столь неподобающей забаве и вовсе ни в какие ворота не лезло.

Как хотите, а Савелий Павлович готов был уже принять сторону полицейских с дубинками и пластиковыми щитами.

Следует пояснить, что у молодого словесника имелись к ролевым играм претензии личного порядка. Неизвестно, как обстояли дела в других учебных заведениях столицы, но старшие классы той школы, где он преподавал, тоже были поражены этим поветрием, хотя трудно сказать, в какой степени оно мешало учебному процессу и мешало ли вообще. Читали ролевики, по нашим временам, изрядно, однако что они читали?! Однажды, отчаясь понять загадочную душу учащихся, педагог взялся за «Властелина Колец». Одолеть - одолел. Очарован не был. Ни тебе психологической сложности, ни глубоких нравственных проблем...

- Так... - цедил он, постукивая карандашиком по раскрытому классному журналу. - Значит, отчества Анны Карениной мы не помним... А как звали королеву эльфов у Профессора?

Лес рук.

- Слава, - болезненно морщась, допытывался он после уроков у

долговязого «хорошиста». - Ну почему обязательно Толкин? Почему вы, например, не устроите игру по «Дон Кихоту»? Можно сказать, первый ролевик, предшественник ваш... свихнулся на том же, на чем и вы, только века на четыре раньше...

Разговор, помнится, происходил на школьном дворе. Верзила в маечке с надписью «Вырасту буду Сауроном» стоял перед Савелием Павловичем, опершись на длинномерный предмет в чехле, и мечтательно смотрел поверх головы преподавателя, словно прикидывал, а не отоварить ли зануду Савушку этим самым предметом по тыковке. Потом, должно быть, осознав несбыточность подобных мечтаний, очнулся, скривил физию в пренебрежительной ухмылке.

- Чего там играть?.. Он же псих!

Воля ваша, а за Сервантеса было обидно.

- Ну хорошо, - продолжал домогаться въедливый преподаватель. - Берете вы книгу. Раздаете роли. Начинаете импровизировать... А для кого это все? Зритель где?

- Мы сами...

- Нет, позволь! Вы исполнители. А любое искусство требует адресата. Читателя, слушателя...

Дылда моргал.

- Так то искусство, а то игра... - говорил он, явно озадаченный туповатостью своего классного наставника.

Но Славику-то семнадцать (что с него возьмешь!), а иеродиакону за двадцать!

* * *

Кукушка в роще осваивала хореи: ку-ку, ку-ку, ку-ку... Приостановилась, сосредоточилась - и выдала стопу дактилем: ку-ку-ку...

- И все-таки как же это вы? - сокрушенно спросил Савелий Павлович. - Духовное лицо - и вдруг неформал...

- Да это я еще с семинарии... - с некоторой неловкостью признался Аскольд. - Пришел на Поляну, попросил: научите фехтовать. Потом усомнился: а уместно ли? Мне ведь еще сан принимать... Пошел к духовнику. Тот говорит: фехтуй на здоровье. Главное, чтобы разум твой не мутился...

- И как? - не удержавшись, полюбопытствовал Савелий.

- Да мой-то не мутится, - с досадой молвил инок. - А вот у властей... Сами видели! - умолк, помрачнел. - Не дай Бог до настоятеля доберутся... - пробормотал он едва ли не со страхом.

- А-а... - сообразил Савелий Павлович и невольно понизил голос. - То есть вы тайком от вашего начальства...

- Да нет же! - жалобно вскричал Аскольд. - Настоятель-то меня как раз на игру благословил! Нет, говорит, в ней греха. Актеров вон Господь за любую роль прощает - хоть за Нерона, лишь бы сыграл талантливо.

- Тогда в чем дело?

- Н-ну... узнают, что благословил, архиерею стукнут. А уж тот настоятелю чертей выпишет, прости мою душу грешную...

- То есть архиерей против ролевых игр?

- Да он-то не против, - с тоской отвечал Аскольд.

- А кто?

Ответа не последовало. Видно было, что иеродиакона одолевает грех уныния. Почти одолел.

- И все-таки странно, - не унимался Савелий. - Из монастырской жизни - и вдруг в ролевую игру.

- Да они в чем-то похожи... - заметил со вздохом инок.

Педагог моргнул.

- Игра и вера?!

- Игра вере не помеха, - растолковал чернорясец. - Скорее, подмога. Вот играли в прошлом году по Евангелию - мы ж не только по мирским книгам... Так вы не поверите: оказывается, кое-кто ни разу в жизни в Писание не заглядывал. А тут прочли...

Оба прислушались. Приглушенный гомон и железное побрякивание стали заметно глуше и вроде бы ничего страшного не предвещали. Потом вновь захрустели кусты, и на просеку выбрался коренастый татарин в кожаном панцире с металлическими блямбами на жизненно важных местах.

- Ну? Что? - с надеждой спросил Аскольд-Ослябя.

- Вроде договорились, - сурово отвечал басурман. -- Хорошо полковник вменяемый оказался. Да и наши игротехи тоже. Короче, уходим с почестями... А жалко, - мечтательно добавил он. - В строю мы бы их точно смяли...

- Простите, - вмешался Савелий Павлович. - Может, хоть вы мне растолкуете... Что это было?

Татарин освободился от малахая с тульей из нержавеющей стали, обнажив лысеющую ото лба голову, и надел очки. Интеллигентный дядечка лет сорока. Переодеть в костюм, повязать галстучек - и сажай его за письменный стол в отдельном кабинете.

- Стояние на реке Угре, - ядовито выговорил он. - Нет, ребят понять можно: чуть не полгода готовились - и все шайтану под хвост! - Присел на свободный пень и, сосредоточенно сопя, принялся что-то там на себе расшнуровывать.

- Я слышал, в мегафон сказали: «Несанкционированное сборище», - не отставал Савелий Павлович. - «Заповедная зона»...

- Вранье! - отрубил нехристь. - И сборище санкционированное, и зона не заповедная... Все было на высшем уровне согласовано. На уровне

канцелярии Президента, куда еще выше?

- Тогда откуда полиция?

Очкастый басурман достал из-под панциря дорогие сигареты, закурил.

- Папа скомандовал, - нехотя сообщил он (Ослябя ахнул и взялся кольчужными рукавицами за побледневшие щеки). - Расуль, сученок, интригу подвел. Будто неформалы на заливном лугу власть свергать тренируются.

- А кто это - Расуль? - спросил Савелий Павлович.

- А!.. - с гримасой отвращения татарин махнул сигаретой. - Папин референт. Карьерист чертов! Лишь бы волну погнать, а против кого, неважно. Взял вот объявил ролевые игры разнообразностью сатанизма - как вам это понравится? Тоталитарная, говорит, секта. А папа - он же от сохи, всему поверит...

- Папа?.. - беспомощно переспросил педагог.

Очкарик не понял, уставился.

- Н-ну... папа, - помаргивая, повторил он. - Парамон Сидорович Кирдык. Законно избранный Президент Республики Гоблино.

- Вот как?.. - пробормотал Савелий Павлович. - А откуда вы все это знаете? И кто интригу подвел, и...

Татарин усмехнулся, погасил окурочок о пень.

- Позвонил в канцелярию, узнал...

- В канцелярию Президента?!

- Так я ж там работаю, - сказал татарин.

Глава 2. РАССВЕТ ПО-ЭЛЬФИЙСКИ

Чертог сиял...

Александр Пушкин

Чертог сиял. Точнее, сиял второй его этаж, где располагался актовый зал. Внизу же, в затемненном вестибюле, крутился вихрь цветных бликов и ухали динамики. Торжественная часть, слава богу, закончилась, а спиртного у выпускников, надо полагать, было припасено с избытком. Небольшими группами по двое, по трое вчерашние школяры исчезали с хитрыми физиономиями в классных комнатах. Возвращались заметно замазавшие.

Конечно, в более развитых государствах, таких, скажем, как Баклужино или Понерополь, выпускные вечера принято проводить в кафе, а то и в ресторанах, однако Гоблино всегда считалось самым глухим уголком бывшей Сусловской державы и даже теперь, став столицей, сохранило многие черты, свойственные старому райцентру - этой колыбели человечества.

Преподаватель, ответственный за порядок на втором этаже (на первом поддерживать что-либо уже не имело смысла), прогуливался со скучающим видом по коридору, отвечая на задорные приветствия выучеников рассеянной улыбкой. Был он грузноват, весьма небрежно одет, а на затылке его просвечивала проплешина овальных очертаний.

Раскрасневшаяся девчушка в бальном платье странного, едва ли не средневекового покроя выпорхнула из дверей кабинета ботаники и, еле удержав равновесие на вычурных каблуках, уставилась на преподавателя.

- Классику ненавижу! - с вызовом объявила она. Должно быть, давно мечтала об этом мгновении.

Толстяк повернул к ней обрюзгшее устало-насмешливое лицо. Снизу в перекрытие тупо били звуковые волны, по мощи приближавшиеся к взрывным.

- Сильно ненавидишь? - уточнил он.

- Сильно!

Такое впечатление, что за каждой щекой она держала по яблоку. Зато подбородок у девушки, можно сказать, отсутствовал вовсе. Личико начиналось со щек. Высокая тонкая шея - и сразу щеки.

Преподаватель усмехнулся.

- Понимаю тебя, - соболезнующе молвил он.

Выпускница тихонько взвизгнула.

- Вы - наш... - влюбленно глядя на преподавателя, выговорила она. - А вот он - не наш. - И наманикюренный ноготок просиял перламутром в направлении тощего молодого человека в сером костюмчике, припавшего к черному окну.

Проводив взглядом гордую собой выпускницу, толстяк некоторое время изучал серую трагическую спину коллеги, затем подошел и остановился у него за плечом.

- Ну что, ветеран Куликовской битвы? Опять грустишь?

Тот обернулся, явив изможденный иконописный лик и страдальческие беспомощные глаза. До того беспомощные, что временами они даже казались близорукими. Жиденькая бородка молодого человека произрастала несколько вкось, потому что выщипывать ее в минуты задумчивости правой рукой было гораздо удобнее, чем левой.

- Что-то жгут, поганцы, - сдавленно произнес он. - Не иначе книжки. На радостях.

И впрямь, на пустыре за школьным двором вокруг скромного костерка танцевали какие-то тени.

- А с чего ты решил, что это наши? Может, бомжи какие-нибудь...

- Ага! Бомжи! В шлемах, в плащах.

Толстяк всмотрелся, вздохнул.

- Тогда пошли...

Они спустились в вестибюль, где были излапаны и затолканы

ударными волнами из динамиков. Пройдя сквозь адское мельтешение цветных бликов, оба педагога, оглушенные до утраты слуха, с трудом пробрались к дверям, и летняя ночь показалась им раем. Цвели катальпы. Вдалеке трепыхался костерок, то и дело заслоняемый силуэтами самых зловещих очертаний. Один из силуэтов, кажется, был рогат. Повеяло ранним Гоголем и графом Соллогубом.

- Что жжем? - деловито поинтересовался толстяк, внезапно возникнув в кругу красноватого трепетного света. - Ну-ка дай, - молвил он, отбирая у длиннорукого дылды железный штырь, которым тот орудовал, как кочергой. - Ага, ага... Ну, дневники - это святое, это сам бог велел... - Перевернул обгоревшую брошюрку, валявшуюся рядом с костерком, хмыкнул. - Так. А это где взял?

Дылда глуповато осклабился и поправил рогатый шлем:

- А чо они...

- Во-первых, не «чо», а «что», - прервал его толстяк. - Во-вторых, не ябедничай... А в-третьих, взялся жечь - жги дотла. - Проткнул брошюрку насквозь и сунул кончик штыря в огонь. Бумага вспыхнула и вскоре обратилась в подобие лохматой черной розы, усыпанной росинками искорок. Вернул железяку владельцу. - Марш в танцлагерь, и чтобы никаких мне больше аутодафе!

Вокруг жизнерадостно загоготали и всей гурьбой шумно схлынули в сторону школьного двора. Молодой педагог мрачно сутулился над бумажным пеплом, по которому при малейшем движении ночного воздуха разбегались ало-золотые кружева. Потом осведомился отрывисто:

- Что это было?

- «Молот ведьм», - ворчливо отозвался толстяк.

- А серьезно?

- А серьезно - пособие для родителей. «Как узнать, не вовлечен ли ваш ребенок в ролевые игры».

Казалось, услышанное скорее огорчило молодого человека, нежели обрадовало. Зря, получается, переживал! Не Белинского и не Гоголя жгли поганцы на радостях, а всего-навсего методичку, которой он и сам при случае, не колеблясь, растопил бы мангал.

- Это так опасно? Ролевые игры?

- Кое-кто полагает, что да.

Разворошили хворостиной пепел и двинулись в обратный путь.

- Черт его знает, - уныло молвил молодой. - Может, они и правы...

- Ты про Клару Карловну? - уточнил толстяк.

- Позволь... А при чем здесь...

- Клара? У-у... Принимала самое непосредственное участие в составлении этой, с позволения сказать, брошюрки.

Они пронырнули сквозь дыру в проволочной сетке и вновь оказались на школьном дворе. Чернели акации, белели катальпы. Ночь была

прохладной и влажной.

- Нет, я понимаю, когда ролевые игры используются психологами, - расстроено продолжал молодой. - Но когда становятся самоцелью... Как хочешь, а есть в этом что-то ущербное. В детстве, что ли, не наигрались?

- Так у них детство-то еще не кончилось.

- Да я не про наших... - Молодой скривился. - Я ж тебе рассказывал уже, как в мае по грибы ходил. Ну, про битву эту несостоявшуюся... Взрослые дяди: один в канцелярии Президента работает, другой вовсе монах...

- А монаха, случайно, не Аскольдом кличут? - усмехнувшись, уточнил старший товарищ.

Спутник его был настолько озадачен таким вопросом, что даже приостановился. И очень вовремя, ибо, одолей они еще десяток шагов, пришлось бы им перекрикивать грохот динамиков.

- Ты его знаешь?

- А как же! В прошлый раз он у меня Парцифалем был.

- То есть?..

- Слушай, Савелий! Или ты склеротик - что как-то неловко, согласишься, в твои годы, - или... Я тебе сколько раз говорил, что я мастер игры?

- Я думал, ты шутишь... - растерянно сказал молодой.

* * *

На втором этаже их ждал неприятный сюрприз в виде Клары Карловны, завуча по воспитательной работе. Подтянутая, сухая, моложавая, она стояла посреди опустевшего коридора и хищно следила за порядком. Исполненные правоты немигающие глаза, горестно-беспощадная складка рта, свойственная в основном убежденным алкоголикам и педагогам со стажем. Ни словом не попрекнув неизвестно где отсутствовавших коллег, чьи обязанности ей пришлось взять на себя, Клара Карловна молча двинулась к дверям своего кабинетика. Пост сдан - пост принят.

- Савелий Палыч, - внезапно приостановившись, обратилась она к тому, что помоложе. - Зайдите.

Тот, кто постарше, взгляда удостоен не был.

Савелий Палыч немедленно почувствовал себя виноватым и, неловко вздернув плечи, прошел в кабинет, где в глаза ему сразу же бросился плакатик, которого он тут как-то раньше не замечал. Хотя вполне возможно, что типографское изделие прикрепили к стене совсем недавно. «Народ уничтожают со святынь, - значилось на нем. - Леонид Леонов».

- Садитесь, - сказала завуч, с загадочной гримаской обравнивая

стопку сложенных посреди стола брошюрок. Почему-то это дикое сочетание женского рода с мужским («сказала завуч») ничуть не вредило ее облику и даже придавало ему некую завершенность.

Савелий Павлович сел, нервно оглаживая косую прозрачную бородку и взглядывая временами на зловещую цитату. Вроде бы предостережение, однако при желании фразу можно было истолковать и в методическом плане.

- Как вам нравится этот шабаш? - с непонятной интонацией осведомилась Клара Карловна.

- Шабаш?

- Я имею в виду: вся эта сатанинская символика, мечи, свастики...

- Свастика? На ком?

- Хотя бы на Савельеве. На вашем, кстати, выпускнике. Двадцать второго июня, между прочим! В день, когда фашистская Германия вероломно напала на наше Гоблино...

- Позвольте! - ошеломленно произнес Савелий Палыч. - Я только что с ним разговаривал. Нет на нем никакой свастики! Шлем с рогами - да. А свастики никакой.

- Где шлем с рогами, там и свастика, - сказала завуч. - Вы что, не улавливаете связи?

- Нет-нет, Клара Карловна, уверяю вас, не было свастики!

- Я что, похожа на сумасшедшую?

- Э-э... - Молодой педагог запнулся в растерянности, тут же осознал всю глубину своей бестактности, пришел в ужас и принялся сбивчиво оправдываться: - То есть... я хотел сказать... полумрак, светомузыка... могло показаться...

- ...что я похожа на сумасшедшую, - безжалостно завершила фразу Клара Карловна.

- Н-нет... я в смысле...

Без особого интереса она смотрела на его конвульсии. Затем беспощадно сложенные губы завуча дрогнули в удовлетворенной полуулыбке. Похоже, Клара Карловна полагала, что видит всех насквозь, и весьма высоко ценила эту свою способность.

- Возьмите и ознакомьтесь, - сухо произнесла она и, сняв верхнюю брошюрку, подала ее Савелию Палычу.

Тот встал, принял тоненькую серую тетрадку, озадаченно поблагодарил. «Как узнать, не вовлечен ли ваш ребенок в ролевые игры», - значилось на обложке.

- Распишитесь, - сказала Клара Карловна, пододвинув выведенный на принтере перечень фамилий. - И не надо на меня так удивленно смотреть. Это первые сто экземпляров.

«Девяносто девять», - мысленно уточнил Савелий Палыч, вспомнив костерок на пустыре. Делать нечего - расписался.

- Я вижу, вы не понимаете, насколько все серьезно, - с горечью

произнесла завуч. - Жаль. Очень жаль... - Убедилась, что слова ее произвели должное впечатление, и продолжала, будто наизусть и не для одного слушателя, но для целой аудитории: - Под видом, казалось бы, невинной игры идет вытеснение православной духовности скандинавским язычеством, хуже того - фэнтезийной эрзац-культурой... Вы не согласны? Хотите возразить?

- Нет, я... - Савелий осторожно прокашлялся. - Просто, понимаете... в мае я ходил по грибы...

Незримая аудитория исчезла. Клара Карловна была настолько сбита с толку, что в чертах ее - верите ли? - проступило вдруг нечто человеческое, мало того, женственное.

- Какие грибы?

- Шампиньоны...

Они смотрели в глаза друг другу, и, как это часто случалось с Савелием Павловичем, прямодушная наивность его, скорее всего, была принята за особо утонченное издевательство.

- И видел разгон ролевой игры... - поспешил добавить он. - Полицией...

Клара Карловна пришла в себя. Вернулась в образ.

- Что ж, - многозначительно обронила она. - Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать... И каковы ваши впечатления?

- Понимаете, я побеседовал там с одним священнослужителем, ролевиком... Так вот он утверждал, будто никакого вреда...

- Ничего себе - никакого! - Завуч гневно фыркнула. - Не далее как прошлым летом ваши разлюбезные ролевики высадились на Верблюжьем, переназвали его Утопией, чуть было коммунизм не построили! Никакого...

- Н-ну... они и по Евангелию игру провели...

- С Евангелием не играют! - отчеканила Клара Карловна. - Вы сами-то понимаете, что говорите? Это даже не кощунство, это... бесовские обряды! Пандемониум! Вы вспомните, где они собирались... На Лысой горе!

- Н-ну... Христа тоже ведь на Лысой горе распяли, - пробормотал вконец запуганный Савелий Павлович. - Голгофа так и переводится - Лысая гора...

- Да если бы Христа! - закричала завуч. Глаза ее, что называется, метали молнии. - Вы знаете вообще, кого они там распяли?

- Варраву? - предположил наудачу Савелий.

- Иуду и двух первосвященников! Хотели еще Пилата распять - креста не хватило... Это ли не кощунство!

- Простите, а как они их распяли? Условно?

- Разумеется, условно! По игре!

Савелий прислушался к ощущениям. С одной стороны, педагог-словесник был несколько покороблен столь вольной трактовкой

Священного Писания; с другой - он, честно сказать, еще в детстве, впервые читая Евангелие, тоже, помнится, мечтал учинить нечто подобное.

- Да, но священнослужитель...

- Знаем, - пристально глядя на подчиненного, молвила завуч. - Поверьте, недолго им быть священнослужителями. Списки уже составляют.

- Да что за черт! - не выдержал наконец Савелий. - Клара Карловна! Вы что, архиерей - монахами распорядиться?

Вот всегда так с этими недотепами: мямлит-мямлит, но если уж скажет, то напрямик под статью. Лицо завуча по воспитательной работе дрогнуло, губы прыгнули и поджалась.

- Что ж, разговор закончен, - бросила она, нервно обравнивая стопку серых брошюрок. - Возвращайтесь к своим обязанностям, Савелий Павлович. Методичку не забудьте.

* * *

Кабинет завуча молодой педагог покидал в самых растрепанных чувствах: взъерошенный, с красными пятнами на скулах. Коридор второго этажа по-прежнему был пуст. Внизу ухала музыка. Колебались подвешенные к потолку разноцветные надувные шарики. Старший товарищ и коллега ждал, опершись задом на подоконник.

- Ну что? - не без иронии полюбопытствовал он. - Много обо мне нового узнал?

- Слушай, ты с ней осторожнее, - сипловато предостерег Савелий, ища, куда сунуть полученную под роспись методичку. - По-моему, она охоту на ведьм затевает.

- Что по игре положено, то и затевает, - утешил собеседник с понимающей ухмылкой. - Ролевичка...

- Кто ролевичка?! Клара?

- Она, родимая, она... Просто в другую игру играет. Называется: борьба с ролевыми играми.

- Все бы тебе ерничать, - хмуро сказал Савелий и, достав мобильник, посмотрел, который час. - Елкин пень! - бросил он в сердцах. - Еще ведь рассвет встречать...

* * *

Рассвет по традиции встречали на мосту. Набережная и прилегающий к ней сквер кишели выпускниками других школ. Такое впечатление, что прощальный бал окончательно принял черты карнавала: меж вечерних

платьев и строгих костюмчиков постоянно мелькали то сенаторская тога, то треуголка, то берет с петушиным пером.

На глазах Савелия Павловича один из таких ряженных, подросток в темно-синей чалме и некоем подобии бурнуса того же цвета, был остановлен патрульными. Старший по званию властно указал на вычурную рукоять кинжала, торчащую из-за малинового кушака. «Неужто отберут?» - мысленно ужаснулся педагог и собрался уже вмешаться, однако задержанный с готовностью достал и протянул клинок. Полицейский, не скрывая зависти, оглядел изделие, потрогал пальцем тупое лезвие, затем вдруг зловеще искажил веснушчатую физию и, развернувшись, с воплем нанес смертельный удар в брюхо напарника. Постоял, вздохнул и с сожалением вернул кинжал владельцу.

Тоже, видать, в детстве не наигрался.

Наконец из лиловой дымки вылупилось розовое солнце - и было встречено ликующими криками.

- Ну что, Савелий Палыч, спатеньки? - осведомился Петр Маркелович.
- А может, ко мне? Кофейку тяпнем. А хочешь, водочки... Как-никак первый год оттарабанил - дата.

- Первый и последний, - угрюмо уточнил Савелий Палыч.

- Ну, все мы так говорили! - И Петр Маркелович приобнял юношу за напряженные плечи. - Пошли-пошли...

Друзья (а коллеги и впрямь дружили) выбрались с набережной и двинулись по утренним улицам. Дружба их для многих представлялась загадкой, уж больно они были разные. Правда, русская классика изобилует подобного рода примерами. Достаточно вспомнить Перерепенко с Довгочуном, но... Кто ж их теперь помнит!

Петр Маркелыч, как было уже упомянуто, отличался полнотой, волосатостью, имел на затылке обширную проплешину и готовился разменять пятый десяток. Был весел, циничен, всеми любим. Ну разве что за вычетом Клары Карловны. Недавно опять женился.

Савелий же Павлович, напротив, был молод, холост, испуганно серьезен и все принимал близко к сердцу. Опасный человек. Из таких вот как раз и выходят самые что ни на есть ниспровергатели.

Неторопливо идущих приятелей обогнала группа высоченных недорослей в хламидах зеленоватого оттенка.

- Маэ гованнэн, Петр Маркелыч, - приветливо обратился один из них к педагогу постарше. - Куйо маэ... и вообще...

- Ханнад, Сережа, ханнад, каллон нин, - благосклонно отозвался тот.

- Яллумэ! - ободренный ответом, завопил недоросль. - Ан арин! Дрэго инголэ!

Преподаватель усмехнулся.

- Смотрите только сильно не надирайтесь...

Савелий Павлович очумело уставился сначала на коллегу, потом на

удаляющихся парней.

- По-каковски это вы? - вымолвил он с запинкой.
- По-эльфийски, гуадор, по-эльфийски...

Глава 3. ДОБРЫЕ САМАРИТЯНЕ

*И вот пришли три брата,
Варяги средних лет...*

Алексей Константинович Толстой

За исключением трех разнокалиберных мечей, скрещенных подобием буквы Ж в узком простенке между книжными стеллажами, ничто не намекало на причастность владельца квартиры к ролевым играм. Пока одинокий супруг (молодая супруга, как выяснилось, гостила у родителей) чем-то звякал и гроыхал на кухне, устроившийся в кресле гость открыл наконец тоненькую серую брошюрку - и содрогнулся уже на первой строке.

- Свят-свят-свят!.. - с преувеличенным ужасом вымолвил он. - Чур меня, чур...

Забормотали колесики - Петр Маркелович катил из кухни сервировочный столик.

- Слушай!.. - обратился к нему ошарашенный Савелий. - Да этак можно каждого в ролевика записать...

- Что это у тебя? - удивился тот. - О Господи! Неужели так с собой и таскал?

- Нет, ты послушай!.. - не унимался гость. - «Как узнать, не вовлечен ли ваш ребенок в ролевые игры?» Первый признак: «Рисует оккультные символы: пентограмму...» Значит, и полицейские тоже? У них ведь пятиконечные звезды на погонах!..

- Полицейские? Поголовно... Может, отвлечешься, а?

Однако отвлечься от подобного чтения было непросто.

- Ну ночные кошмары, бессонница - это про меня, - объявил Савелий.

- О! - воскликнул он чуть погодя. - Вот и до великих добрались. «Пишет поэмы о смерти и мертвецах...» Стало быть, и Жуковский ролевик!

- Почему только Жуковский? А Пушкин? «Тятя! тятя! наши сети...»

Савелий Павлович не слышал.

- «О тьме и сверхъестественных случаях!» - захлеб зачитывал он. - Здра-авствуйте, Николай Васильевич!.. «Говорит загадками...» Хм... Загадками... Кто бы это мог быть? Сократ? Христос?

- Отберу и выкину, - пригрозил хозяин, откупоривая бутылку «чинзано».

Угроза впечатления не произвела.

- Позволь! - всполошился Савелий, тыча пальцем в страничку. - А как такое совместимо вообще? Седьмой пункт: кровавые жертвы, употребление их в пищу. А девятый: вегетарианство...

- Очень просто... - растолковал хозяин, силой отнимая у гостя брошюрку. - Берешь соломенную вдову... или, скажем, сенную девушку... И употребляешь в пищу. Людоед-вегетарианец...

Будучи обезоружен, Савелий снова нахохлился, загрустил.

- За отсутствующих здесь дам! - провозгласил Петр Маркелыч, воздевши узкий бокал. - Или нет... Первый тост за окончание учебного года. А за дам, если не ошибаюсь, третий...

Коллеги пригубили бледно-золотистый напиток (водки Савелий Павлович не терпел).

- Ну ладно, - проговорил он с тоской. - Я понимаю, где-нибудь в Сызново за такую методичку на лечение бы определили... Но ты-то сам! Ты можешь объяснить мне, в чем вообще смысл этих твоих ролевых игр?

Хозяин, казавшийся теперь еще толще, поскольку успел переодеться в роскошный коричневый халат, искоса глянул на гостя.

- Могу. При одном условии.

- При каком?

- Если ты предварительно объяснишь, в чем вообще смысл жизни.

- Ну знаешь! - вспылил тот.

- А что такое?

- Я не философ и не восьмиклассница, чтобы маяться подобными вопросами!

- Крепко сказано! - Хозяин одобрительно крякнул. Расположился со всеми удобствами на диване, окинул веселым взглядом взъерошенного коллегу. - Следует ли из этого, что смысл жизни найден тобой в восьмом классе и с тех пор ты к этой проблеме не возвращался?

- Я же сказал «восьмиклассница», а не «восьмиклассник»!

- А! То есть такого вопроса ты вообще перед собой не ставил... Слушай, прекрати щипать бороду! Или уж совсем побрейся!

Савелий Палыч с досадой отдернул руку от скудной растительности на невыдающемся своем подбородке и вскинул запавшие глаза.

- Я прекрасно понимаю, куда ты клонишь, - сказал он. - Если жизнь не имеет смысла, то какой спрос с игры! Так?

- Ну, примерно так...

- Но жизнь-то - основа!

- Основа чего?

- Всего!

- И это добавляет ей смысла?

- Нет! - твердо ответил молодой словесник. - Тем не менее игра по отношению к жизни вторична. А никак не наоборот!

- А литература? - не преминул поддеть коллегу Петр Маркелыч.

Тот запнулся и, недоуменно сдвинув брови, уставился на благостно улыбающегося хозяина. Было что-то в Петре Маркеловиче от доброго барина. Ему бы еще чубук в зубы да любимую борзую в ноги.

- А разложим-ка все по порядку, - миролюбиво предложил он. - Литература вторична по отношению к жизни. Ролевая игра - по отношению к литературе... Ну и давай теперь, как в бане, конаться! «Ты который слепок с реальности? Третий? А я второй... Вот и молчи!»

- Не вставая с дивана, дотянулся до сервировочного столика, подплеснул вермута себе, затем приподнявшемуся из кресла сослуживцу. - Кстати! - добавил он, оживившись. - Ты ведь тоже только третий по счету слепок... Ибо не создаешь шедевры, а всего-навсего преподаешь их...

- Любишь ты поговорить, - с досадой отозвался гость.

Из приоткрытого окна в комнату проникал утренний холодок, сыпался звонкий воробьиный щебет. Внизу шаркали метлы. Один дворник запальчиво доказывал что-то другому на непонятном наречии, но, кажется, отнюдь не эльфийском. Судя по звучанию, либо какой-то диалект мордорского, либо вовсе таджикский.

- Люблю, - с удовольствием признался Петр Маркелович. - Ты мне лучше другое скажи. Откуда ты сам такой взялся?

Савелий вскинул голову.

- В смысле? Хозяин вздохнул.

- Если помнишь, в «Яме» Куприна была проститутка... Как же ее звали-то?... Короче, все подруги ее притворялись, а она в самом деле отдавалась клиентам со страстью... - Петр Маркелыч приостановился? отхлебнул и еще раз с комическим недоумением оглядел молодого коллегу. - Преподаватель словесности, до безумия любящий классику... - недоверчиво прислушиваясь к каждому слову, выговорил он.

- А сам на Куприна ссылаешься!

- Спокойно! - прервал хозяин. - Для меня это не более чем любовная интрижка. Я-то ведь историк, а не словесник. А ты, так сказать, состоишь с классикой в законном браке... Хоть бы с детективами ей, что ли, разок изменил! Клара вон Карловна, например, женскими романами зачитывается на досуге... Причем с упоением.

- Но это же читать невозможно!

- Почему?

- Вранье! - с отвращением выговорил Савелий. - И фэнтезятина ваша, прости, точно такое же приторное вранье! Приторное и претенциозное!

- Ну, не точно такое же, - мягко возразил мастер игры. - Фэнтези честно предупреждает читателя: внимание, я не реал, я фэнтези.

- Так не об антураже речь! - вскричал молодой словесник. - Речь-то о достоверности! Пиши о чем угодно: о чертях, об утопленницах, лишь

бы... - обессилел, отпил «чинзано» и, передохнув, заговорил снова: - Знаешь, что мне кажется? Когда человек, как это говорится, «ищет себя», он на самом деле ищет, куда бы от себя спрятаться. От себя, от окружающей действительности! Вот и бегут...

Петр Маркелович скорбно кивал, с пониманием глядя на коллегу.

- ...из унылого вранья жизни в яркое вранье игры, - помог он закруглить мысль. - Но ведь все бегут, Савелий. И ролевики, и не ролевики. Кто во что. Кто в наркоте, кто в сериалы...

- Почему вы не используете классику? - призвал к ответу неистовый Савелий.

- Как это не используем? Используем всю. Дюма, Сабатини...

- Я имею в виду: русскую классику!

- А-а... Вон ты куда, - усмехнулся Петр Маркелович. - Хочешь сказать, в русской классике жизненной правды не меньше, а то и больше, чем в самой жизни, - потому ее ролевики и не жалуют?.. Отчасти верно. Но только отчасти. Понимаешь, Савелий, не важно, куда тебя тащат на веревке: в ад или в рай - главное, что на веревке.

* * *

Беседа была прервана дверным звонком.

- Кого там черт принес? - буркнул хозяин. - Для визитов вроде рановато...

Встал, прошествовал в прихожую и вскоре вернулся изрядно озадаченный в сопровождении двух несомненно официальных лиц, поначалу принятых Савелием Палычем за братьев-близнецов. Он и так-то плохо различал чиновников, все они казались ему одинаково безликими, а тут еще оба лет сорока, оба среднего роста и оба чем-то всерьез озабочены. Светло-серые костюмы, темно-серые галстуки и туфли в тон. Звали внезапных визитеров, как вскоре выяснилось, тоже соответственно: Николай Иванович и Иван Николаевич, что, впрочем, автоматически снимало с них подозрение в единоутробном происхождении.

- Прошу... - Петр Маркелович указал на освободившийся диван, сам же, удивленно похмыкивая, пошел в угол за стулом.

Оба гостя, замерев в дверном проеме, смотрели на скудоброродого юношу, чье наличие в кресле, очевидно, не входило в их планы. Савелий представил, как он выглядит сейчас в глазах трезвых, опрятных, выпавшихся пришельцев, и ужаснулся. Судорожно отставил бокал.

- Э-э... ваш ролевик? - прозвучал вопрос.

- Нет, - сказал Петр Маркелович. - Савелий Павлович - мой коллега. Прошу любить и жаловать. Преподаватель русского языка и

литературы. Старшие классы.

- Это вы с ночи так? - сочувственно осведомился один из гостей, глядя на густо уставленную выпивкой и закуской сервировочную каталку. - Что ж, в чем-то я вас понимаю... - Лицо его омрачилось. - После того, что произошло...

- А что, простите, произошло?

- Ну как же! Во-первых, разгон ролевой игры...

- Что? Опять? Когда?

- Месяц назад.

Петр Маркелович остолбенел, затем сообразил - и рассмеялся.

- А! Так вы, значит, решили, будто мы с тех самых пор горе заливаем? Нет-нет, мы с Савелием Павловичем только что с выпускного бала. Рассвет встречали.

- Ах, да! - вскричал тот, что справа. - Точно, точно! Выпускной бал... Тогда, может быть, в другой раз? - виновато осведомился он. - Вы же, наверное, всю ночь не спали.

- Выспимся еще до вечера. Проходите, садитесь.

- Но, видите ли... разговор будет несколько... м-м...

- Чепуха! - с хмельной прямоотой объявил хозяин. - Мы с Савелием Палычем приятели давние и закадычные. Я ему так и так все разболтаю. Прошу.

Поколебавшись, гости переступили порожек комнаты и расположились на диване.

- Чаю? Кофе? Водки? Вермута? Может быть, коньяку?

Вежливо поблагодарили, но от угощения отказались.

- Чем обязан посещению столь высоких персон? Да еще и в такую рань?

Савелий ожидал, что персоны мило смутятся или хотя бы ответят шуткой. Ничуть не бывало. Стало быть, и впрямь высокие.

- Вот. Ознакомьтесь. - Тот, что справа, открыл кейс и достал знакомую серенькую брошюрку.

- Да мы, собственно, уже... - Хозяин указующе кивнул в угол, и молочные братья-чиновники уставились на валяющееся там точно такое же полиграфическое изделие, только сильно растрепанное. Зрелище в комментариях не нуждалось.

- Что ж, тем лучше. - Принесенный экземпляр снова канул в кейс. - И каковы ваши впечатления?

- Клиника, - коротко ответил Петр Маркелович. - Что тут еще сказать?

Пришельцы переглянулись, опечалились.

- Я вижу, вы не понимаете, насколько все серьезно, - с упреком произнес тот, что с кейсом, чем живо кого-то напомнил Савелию. Где-то он уже слышал сегодня похожую фразу. - Это, увы, не просто клиника, Петр Маркелович, это начало кампании. Кое-кто (не будем уточнять при молодом человеке) намерен задушить ролевое движение

в Гоблино. И странно, что вы, мастер игры, так спокойно...

Савелий уже начинал помаленьку их различать. У того, что с кейсом, меж бровей небольшое синевато-багровое пятно, другой начинает лысеть со лба, а туфли и галстук у него бежеватого оттенка. Только вот кто из них Иван Николаевич, а кто Николай Иванович? Кажется, тот, с печатью меж бровей. Который говорит.

- Идиотизм! - С каждым словом оратор утрачивал политкорректность. Было совершенно очевидно, что приперся он сюда с утра пораньше не только по долгу службы, но и по велению сердца. - По размаху ролевого движения наше Гоблино в Восточной Европе уступает лишь Татарстану! Какая борьба? С чем борьба? Этим гордиться надо! Финансировать надо! Развернуть производство антуражных доспехов, оружия, галеонов на базе катамаранов... Между прочим, серьезная статья дохода. На ком еще делать деньги, как не на увлеченных людях? - Говорящему не хватило дыхания, пришлось приостановиться, поднабрать воздуха. - Гоблино! - воскликнул он. - Поля, холмы, развалины - любые, вплоть до водонапорных башен! Идеальные полигоны! Переделать водонапорку в донжон - это ж как два пальца... А народ со всего мира в Новую Зеландию играть ездит! Чем мы хуже Новой Зеландии? За державу обидно!.. Вы согласны, Петр Маркелович?

Петр Маркелович сидел, задумчиво выпятив губы, и оценивающе оглядывал пришельцев.

- Продолжайте, - попросил он.

Оратор несколько замялся.

- А сколько у нас вообще ролевиков? - спросил он, почему-то понизив голос.

- В Гоблино? Ну, точно вам этого никто не скажет. Ролевая игра - дело добровольное, состав от раза к разу меняется: одни приходят, другие уходят... Опять же разные тусовки, кто чем увлечен. Кто Средневековьем, кто Карибами... Железячники, бальники, занавесочники...

- Ну хотя бы приблизительно. Навскидку...

Петр Маркелович пожал округлыми плечами.

- Процента три.

- От общего населения?!

- Может, четыре...

Глаза высокого гостя внезапно стали незрячи. Такое впечатление, что он проник взглядом куда-то в отдаленное будущее.

- А скажи-ка, Петр, - деликатно подал голос второй (предположительно Иван Николаевич). - Как ты относишься к Шкарятину? К Виталию Витальевичу.

Обрюзглое лицо хозяина отяжелело.

- Давайте выпьем, - решительно предложил он.

Пришельцы замотали головами.

- Зря, - заметил Петр Маркелович, наливая себе и Савелию. - Это лучшее, что можно сделать в нашем случае. Точнее, в вашем.

- То есть... э-э... - снова вступил тот, с синевато-багровым пятном меж бровей.

- Насколько я понимаю, - скучным голосом откликнулся хозяин, крутя и разглядывая свой бокал, - вам хотелось бы, чтобы ролевики Гоблино осенью проголосовали за Шкарятина? Пришли бы стройными рядами на избирательные участки и все как один...

- Почему нет?

- Потому что! Поймите одну простую вещь: каждый из них сам по себе. Это ж не армия, тут не скомандуешь: голосуй за Шкарятина, а то на два «хита» обделю! Или на три «чипа»! Кроме того, имейте в виду, многие из ролевиков терпеть не могут политики как таковой. Для них это именно то, от чего они бегут в игру.

- Нет, позвольте! - Николай Иванович (ну, словом, тот, с пятном) встал. - Но они же не могут не понимать, что от исхода выборов зависит сама возможность проведения игр. Если папа... - говорящий поперхнулся, - если Кирдык пойдет на четвертый срок - это именно кирдык! Кирдык всему! Его убедили, что ролевые игры - чума! У него теперь пуля в голове, понимаете?

Вздернув брови, Петр Маркелович трогал краешком бокала задумчиво оттопыренную нижнюю губу.

- А если придет Шкарятин? - осведомился он вдруг.

- Если Шкарятин, - с чувством отвечал Николай Иванович, - то это совсем другое дело!

- Какое?

Оратор сел.

- Налейте, - потребовал он, пододвигая чистую стопку. - Нет, не вермута. Водки.

Ему налили.

- Вот все, о чем я говорил, - сипло промолвил он, оглушив стопку залпом, - все сбудется... Обещаю.

- Хм... - с сомнением отозвался Петр Маркелович. - Тогда напомните, пожалуйста, о чем вы говорили.

Опустевшая стопка со стуком опустилась на сервировочный столик.

- Государственная поддержка во всем, - глядя в глаза хозяину внятно произнес выпивший. - В материальных средствах. В организации. Мало того, министерство ролевых игр! Как вам такое?

- Хм... - повторил Петр Маркелович с прежней интонацией. - Вы мне министерский портфель предлагаете?

- Нет, - отрывисто известила высокая персона. - Но кресло замминистра гарантирую. В случае удачи, разумеется.

Зависла историческая пауза. И тут (совершенно не к месту!)

съежившийся в кресле Савелий издал нетрезвый смешок. Вероятно, сказались бессонная ночь и непривычка к спиртному. Все с недоумением повернулись к молодому педагогу, но тот явно был не в силах совладать с собой и продолжал хихикать самым неприличным образом.

- Школу... - глумливо подсказал он. - Школу подключить не забудьте...

- Подключим, - холодно заверили его. - Школу, церковь, все подключим. Вам это кажется смешным?

Но захмелевшему словеснику было уже море по колено.

- Специальный предмет ввести! - вылупив глаза, потребовал он, как на митинге. - Эльфийский изучать наравне с русским! А на уроках труда пусть доспехи клепают, мантии шьют!

Пришельцы были шокированы. Собственно, все, что излагалось в данный момент Савелием, звучало, на их взгляд, вполне разумно. Другое дело, как это излагалось! Судьбоносная встреча оборачивалась недостойным ерничеством и шутовством.

- Участие в ролевой игре - священный долг каждого патриота! - Савелий вскочил. В глазах его, устремленных в грядущее, светились благонамеренность и верность идее. - Научно доказать наше происхождение от эльфов! Перед началом игры всенепременно исполнение государственного гимна... А Тургенева с Достоевским, - в восторге от собственного остроумия взвизгнул он, - вон из программы! «Властелина Колец» будем знать наизусть!

* * *

Проводив визитеров, Петр Маркелович возвратился в комнату и, потолстовски заложив большие пальцы за пояс роскошного своего халата, остановился перед креслом, в котором, скорчившись, оцепенел молодой коллега. В глазах Савелия стыли изумление и ужас. Запоздало протрезвев, он был просто убит непристойностью собственной выходки.

- Извини... - обреченно выдохнул он.

Слегка склонивши голову набок, Петр Маркелович созерцал выедаемого стыдом юношу. Выражение лица то ли ироническое, то ли укоризненное.

- За что? - благостно осведомился наконец мастер игры.

- Я так тебя подвел...

- Нисколько, - последовал бодрый ответ. - Напротив. Ситуацию отыграл от и до...

Такое чувство, что из прихожей хозяин вернулся в несколько мечтательном настроении.

- Вот это, я понимаю, размах! - изрек он, вновь располагая мебель в

прежнем порядке.

- Ты о чем? - проскулил проштрафившийся.

Ответил Петр Маркелович не сразу. С загадочной улыбкой на устах переложил диванные подушки и полувозлег.

- Видишь ли, Савелий, - начал он издалека. - Есть у ролевиков такое понятие - включение в игру. Вот, например, играем мы по чему-нибудь этакому... м-м... эпически-сказочному... А на полигоне, представь себе, хибарка, а в хибарке живет бомж...

- В земле была нора, а в ней жил хоббит, - горестно процитировал Савелий.

- Именно. И вот, представь, продирает он ясны глазоньки, вылезает из своей хибары, а вокруг всюду игра идет. Бегают какие-то длинноухие хрен знает в чем... Представил?

- Из одной белой горячки - в другую?

- Нет, я не о том! Как на этого бомжа должны реагировать сами ролевики?

- Н-ну, не знаю... А как?

- В идеале они его должны включить в игру. Пусть это в их восприятии будет отшельник, юродивый... святой, черт возьми!

- И он согласится?

- А кто его будет спрашивать! Пойми, что бы он ни сделал, что бы ни сказал - все будет истолковано по игре.

- Мат, например?

- Вполне сойдет за пророчество на незнакомом языке.

- А жердиной начнет разгонять?

- Значит, обезумел пророк, лучше не подходить, а то проклянет...

- Так бывает?

- Сплошь и рядом! - Петр Маркелович поднял за горлышко опустевшую бутылку и, разочарованно крикнув, переставил ее на нижнюю полку сервировочного столика. Сходил на кухню, принес коньяк.

- Странно, - заметил Савелий, предусмотрительно убирая свой бокал.

- Меня вот никто включить в игру даже и не пытался... Ну, в мае, когда я по грибы ходил. И Аскольд был вменяем, и татарин этот... из канцелярии.

Петр Маркелович налил себе коньячку и возлег снова.

- А сейчас он тебе как показался?

- Кто?

- Татарин! Иван Николаевич. Ну, тот, что сидел молчал. Не узнал, что ли?

- Так это он здесь был? - Потрясенный Савелий уставился в дверной проем, пытаясь мысленно совместить чиновника в строгом светло-сером костюме с облаченным в кожаный панцирь басурманом. Невероятно! Совершенно другой человек.

- Значит, говоришь, даже и не пытались... - с сожалением произнес Петр Маркелович. - Зря. Такой им персонаж подвернулся в твоём лице. Знахарь-чужеземец. Собирает мухоморы, чтобы зелье варить.

- А тебе самому битвы организовывать доводилось?

Мастер игры усмехнулся.

- Раньше? То и дело.

- А сейчас?

- Сейчас скучновато. Ну битва, ну... Айне колонне марширт, цвайне колонне марширт... Да и повторяться надоело. А вот что-нибудь отчинить этакое, небывалое, невероятное...

- С размахом, - подсказал Савелий.

Петр Маркелович приподнялся на локте и с интересом посмотрел на Савелия.

- Мне чудится или ты в самом деле такой пронцательный? - спросил он.

Тот не понял.

- Ну, ясно... - пробормотал Петр Маркелович. - Значит, чудится... Видишь ли, Савелий, часто бывает так, что включенный в игру бомж (ну, тот, что в хибарке посреди полигона) оказывается в итоге самым ярким, самым достоверным персонажем. И вот посетила меня однажды этакая, знаешь, безумная идея. Что если учинить игру исключительно с подобными участниками?

- С бомжами?

- И с ними тоже. А заодно с чиновниками, парламентариями, завучами по воспитательной работе. Причем никому из них не говорить о том, что они участники. У нас это называется «игра второго порядка»...

- Позволь! - опешил Савелий. - А кто же их будет включать в игру?

- Сами.

- Тогда в чем заключаются обязанности мастера?

- Хороший мастер, - назидательно изрек Петр Савельевич, - на мой взгляд, все тщательнейшим образом подготовит, а вот в процесс почти не вмешивается. Наблюдает и оценивает.

- То есть ты хочешь сказать, - в замешательстве выговорил Савелий, - будто сам затеял всю эту борьбу с ролевыми играми? Спровоцировал Клару... и этого, как его?.. Расуля...

- Нет. Борьбу затеяли без меня. А почему я не могу воспользоваться чужими наработками? Так тоже часто бывает. Скажем, подготовил я игру да и слег с отитом... попросил провести другого...

Молодой педагог тревожно всматривался в торжественно-серьезное лицо старшего товарища. Любовь Петра Маркеловича ко всяческим мистификациям, обычно обостряющаяся после третьей-четвертой рюмки, была хорошо известна Савелию.

- Но твоя-то роль какова?

- Я же сказал: наблюдать и оценивать.

Глава 4. ГОЛОВА САУРОНА

Май мой синий! Июнь голубой!

Сергей Есенин

Да, конечно: май, июнь... Изумительное времечко. Но спросите любого школьного учителя, какой из двенадцати месяцев ему особенно дорог, и вам ответят без промедления: июль, только июль. Ну, может быть, еще часть августа. Блаженная пора отдохновения, когда вымываются из памяти пусть не все, но по крайней мере многие кошмары педагогического процесса, включая рыжего зеленоглазого двоечника, упорно выводящего в тетради «учицца» и «тудицца». Вы оставляли его после уроков, занимались с ним индивидуально, терпеливо растолковывали, где пишется «-тся», а где «-ться», и добились наконец поистине разительных успехов: уже на следующем диктанте малолетний изверг одарил вас словом «птиться». И если бы просто «птиться», а то ведь «птиться какадуй»...

Влияние священного месяца июля оказалось настолько благотворным, что числу этак к девятому Савелий Павлович школу бросать раздумал, о чем вскорости известил старшего собрата по ремеслу. «Коготок увяз - всей птичке пропасть», - с ухмылкой опытного соратителя молвил в ответ Петр Маркелович.

Отпуск молодой педагог проводил в пойме Гоблинки, исподволь пристрастившись к собиранию грибов. Он уже знал, что такое тополевая рядовка, и не шарахался от тещиноного или, в более политкорректном варианте, оленьего языка. Съедобен он, съедобен - просто надо уметь готовить. Вымачиваешь в воде, отчего та обращается в кровь, как в Откровении Иоанна, и с лучком на сковородку.

Единственное неудобство заключалось в том, что Гоблино - город маленький, и школа нет-нет, а доставала Савелия даже летом. Вчера, например, заявила дама из родительского комитета, вся в слезах.

- Димка меч купил... - всхлипывала она. - Косуху продал - меч купил... Теперь ему в аду гореть. По телевизору передали.

- Да почему же в аду? - искренне удивлялся Савелий. - Ну, купил... Оно и для здоровья полезно - на свежем воздухе мечом помахать. Не наркота же.

- Передали: секта, - причитала несчастная.

- Да какая там секта! - утешал педагог. - Чем телевизору верить, лучше бы с батюшкой посоветовались, что ли. Вон даже в Евангелии сказано: «У кого нет, пусть продаст одежду свою и купит меч...»

Цитата от Луки легла не то чтобы некстати, а прямо-таки поперек. Родительница, отшатнувшись, посмотрела на Савелия Павловича с суеверным ужасом. Не иначе решила, будто и учитель в ересь впал. А может, вовсе главный сектант.

Вообще чувствовалось, что кампания против ролевых игр, вопреки усилиям Ивана Николаевича и Николая Ивановича, набирает обороты. Возле дверей подъезда появилась загадочная надпись «Толчков - в толчок!». Под толчками, как рассудил Савелий, следовало разуместь толкинистов.

Клара Карловна повадилась выступать по столичному телевидению. Включил однажды, послушал.

- ...опаснее наркомании! - заходилась завуч. - Вот нет у него кольчуги - и начинается ломка! Да-да! На все пойдет: убьет, ограбит, но кольчугу купит! У родной бабки смертные украдет, на похороны отложенные.

Студия была набита битком. Присутствовали в основном перезрелые матроны: кто пригорюнившись, кто исходя ядовитой слюной. Должно быть, потерпевшие и сочувствующие.

- Мать в больнице, - гремела Клара, - а он, видите ли, на игру уехал, да еще и мобильник выключил, чтоб не мешали!.. У престарелых родителей полная квартира эльфиек-лесбиянок... Тетка на подтяжку деньги копила-копила, а дебилка-племянница все их ухнула, чтобы уши себе заострить!..

Савелий выключил телевизор и подумал: чем торчать в городе, лучше уж снять на недельку фанерный домик где-нибудь в пойме.

* * *

Весь в мыслях о фанерном домике он шел зеленой непроезжей улочкой, больше похожей на дворик. Вроде бы и дорожных знаков нигде не видать, и полотно в исправном состоянии, и проспект рядом, однако по каким-то неведомым причинам автомобили сюда не совались. Савелию нравился этот уголок: старые немногэтажные дома подъездами наружу, низко свисающие ветви, вокруг каждого ствола клумбочка в самодельной сварной оградке. Что-то вроде тихого затона среди бурных городских стремнин. Вдобавок ко всему скромная улочка еще и скрывала свое имя. Нет, как-то она, конечно, называлась, но доски со стен почему-то убрали, оставив одни номера.

Размышления были прерваны женским воплем. Пришедший с верхних этажей крик заставил вскинуть глаза, а затем отскочить назад, что, возможно, спасло Савелию жизнь, поскольку предмет, грянувшийся на тротуар мгновением позже, наверняка имел достаточно убойный вес да и выглядел вполне убийственно. Снабженный узкими стабилизаторами, он представлял собой подобие крупного кокосового

ореха в металлической оболочке. Подпрыгнул, потеряв пару темно-серебристых перьев, и проворно подкатился к ногам.

«Сейчас взорвется...» - успел подумать Савелий и - нет чтобы залечь!
- покорно обмер.

Предмет не взорвался, зато несколько секунд спустя ахнула дверь ближнего подъезда, и на крылечко выбежала нимфетка с глазами на мокром месте. Увидев прохожего, оцепеневшего над загадочным снарядом, отшатнулась.

- Простите! - отчаянно выкрикнула она и кинулась со всех ног в сторону проспекта.

«Графиня изменившимся лицом бежит пруду...»

Савелий оторопело посмотрел ей вослед, затем пригляделся с опаской к еще неопознанному летающему объекту. Нет, конечно же, это была не граната и не мина. Это была голова в шлеме. Точнее, просто шлем, заполненный, судя по всему, каким-то пластиком. Металлические черты складывались в узкую насекомоподобную личину, на извиве скулы отсвечивала узорчатая гравировка.

Дверь подъезда хлопнула вновь. Определенно, школа не желала выпускать Савелия Павловича из цепких своих объятий ни на денек, поскольку выбравшаяся на крыльцо долговязая орясина при ближайшем рассмотрении оказалась не кем иным, как рогатым шлемоносцем Славиком Савельевым, заклятым противником «Дон Кихота».

Не узнавая бывшего своего классного наставника, выученик пал на колени перед усекновенной головой монстра, попробовал приладить прыгающими пальцами к шлему один обломок, другой, но успеха не достиг. Сгорбленные плечи дрогнули, из груди вырвался сдавленный стон.

- Что случилось, Славик? - тактично спросил педагог.

Тот вскинул искаженные горем черты.

- Год копил... - голосом оперного юродивого прохныкал он. - Из Америки заказывал...

Савелий Павлович взглянул в сторону проспекта. Тихая зеленая улочка. Нигде ни души. Славик медленно поднимался с колен. Теперь у него было лицо убийцы. В одной руке - изувеченная пернатая голова идола, в другой - пара отломленных перьев.

- У, маньячка! - озираясь, проклокотал он.

Потом опознал наконец учителя и, хмуро поздоровавшись, вновь устремил горестный взор на обломки поруганной святыни.

- Что это, Славик? - любопытствовал педагог.

Верзила вздохнул, побряхтел.

- Нет... - с болью вымолвил он. - Как тут починишь? Это теперь только в фирму посылатъ...

- Так что это?

- Голова...

- Вижу, что голова. Чья голова-то?

- Саурона... - глухо известил Славик. - Метр высотой статуэтка... была...

- А зачем она тебе такая?

Выученик выпрямился, превзойдя учителя сразу на полбашки, и покосился с недоверием. Дескать, умный вроде препод, а вопросы задаешь... Какой же я толкинист без метрового Саурона?

- Так... - озадаченно сказал Савелий Павлович. - А девушка, что перед тобой выбежала... Это она ему, насколько я понимаю, голову оторвала? То есть вы поссорились?

- А чо она? - остервенело буркнул Славик. - Сними да сними, говорит, плакаты... Боязливая нашлась! Орков она боится... А там вовсе не орки были, а назгулы! Назгула от орка не отличит, а туда же...

Трудно живется на свете наивным людям. Если нормальному человеку что-то непонятно, он и глазом не моргнет: любую чушь примет как должное и просто учтет на будущее. А наивный обязательно попросит объяснений. Нет, нормальным людям проще: сочувственно покивал - и дело с концом...

Трудно жилось на свете Савелию Павловичу.

- Славик, - сказал он. - А почему именно Саурон? Это же Владыка Зла! Были ведь у Толкина и положительные герои: Арагорн, Гендальф...

Славик засопел и снова попытался приставить перо к шлему. Вот наказание! Угроздило мирного человека Савушку так не вовремя пройти под окнами... И что самое неприятное в этих занудах: ответишь им честно, как просили, - обидятся. А так хочется брякнуть спроста: задолбали уже своим добром! И на уроках, и дома, и на улице... Положительных им подавай! Ты в зеркало поглядишь! Лучше уж Темный Владыка, чем такие положительные, как ты.

Естественно, что подобным образом Славик ответить не мог. Помялся, побряхтел и молвил уклончиво:

- Не, ну... Саурон круче. Без него не сыграешь.

Последняя фраза, хоть и являлась откровенным довеском, надо сказать, поразила Савелия. Не то чтобы сентенция блистала особой новизной - просто не ожидал он столь тонкого замечания от Славика. Действительно, вынь из романа (в данном случае, из игры) любого положительного героя - мало что изменится. Арагорн... Подумаешь, Арагорн! Там и без него подвижников хватает. А вот убери зло - все рухнет. С чем прикажете бороться?

Далее мысль перекинулась из области искусства в область политики и немедленно налилась ядом. Благополучное мы государство (язвительно подумал Савелий), коли главной своей бедой ролевиков объявили...

- Ну не в суд же на нее подавать... - послышался расстроенный голос

Славика, вернув педагога с небес на землю.

- Почему нет? - не понял тот. - Нанесен материальный ущерб... Дорогая была статуэтка?

Славик сказал. Савелий присвистнул.

- Так что тебя останавливает?

- Пожениться мы хотели... - уныло признался Славик.

Вон оно как! Да, тут, пожалуй, и не посоветуешь ничего. Во-первых, в вопросах семьи и брака холостой Савелий Павлович специалистом себя не ощущал. Во-вторых, совета у него и не просили. В-третьих, кто он теперь Славика, чтобы давать советы?

- Пошли! - решительно скомандовал Савелий Павлович. - Куда?

- К Петру Маркеловичу.

* * *

Светлая мысль! Ну кто, скажите, как не мастер игры, способен вправить мозги запутавшемуся толкинисту? Пару секунд Славик погамлетовски созерцал изувеченный череп Саурона, затем угрюмо ему кивнул.

- Странно... - задумался Савелий Павлович. - Ты говоришь, хотели пожениться. И вдруг книгу кинула, статуэтку сломала...

Славик насупился.

- Да я ей новый мобильник хотел подарить... - с неохотой признался он, - на день рождения... А тут такой случай подвернулся: доспехи мне пообещали сделать... недорого...

- И вместо подарка?..

- Да нет! Мобильник бы я ей купил! Просто не такой навороченный.

Несчастный умолк.

- Послушай, Славик, - деликатно прокашлявшись, молвил Савелий Павлович. - А ведь нехорошо с твоей стороны получается. Обещания выполнять надо.

- А то я ей мало всего дарил! - вспыхнул тот. - На восьмое кулон Арвен подарил серебряный. Недорогой, красивый просто... А ей не нравится!

- Какой-какой кулон?

- Арвен!

Да-да-да! Конечно, Арвен. Она же Ундомиэль... Дочь Элронда...

- Красивый - и не понравился?

- Ну... эльфийский же...

И вспомнилось Савелию Павловичу, как будучи еще студентом привел он домой сокурсницу. При виде его комнаты девушка была настолько потрясена, что немедленно впала в транс и, забыв о присутствии хозяина, принялась прикидывать вслух, как она потом все тут обставит

заново: книги, понятное дело, вынесет, а на месте стеллажа... Больше не встречались.

А между прочим, история-то похожая.

- То есть, Славик, поставили тебя перед выбором: «Или я, или Толкин...»

- Н-ну... в общем...

- А если бы поженились?

Славик остановился. Надолго. Видимо, представил все в подробностях.

- Подбери себе, дружок, единомышленницу, - все-таки отважился посоветовать Савелий Павлович. - Какую-нибудь, я не знаю, красавицу Галадриэль... королеву эльфов...

Славик хмуро покосился и не ответил. Судя по всему, зануда Савушка понятия не имел о старом правиле: «Хочешь найти самую страшную ролевичку на полигоне - ищи Галадриэль. Чем страшнее - тем пафоснее...»

* * *

Домофон был сломан, дверь подъезда распахнута настежь. Вошли внутрь, двинулись к лестнице, как вдруг Савелий Павлович придержал Славика за локоть. Приостановились, прислушались. Сверху доносились голоса, причем один из них, несомненно, принадлежал Петру Маркеловичу. Кажется, игротех провожал гостей.

- Это все ладно, - лениво говорил он. - Только ведь побеждает не тот, кто голосует, а тот, кто считает голоса.

- Пусть это вас не заботит, - надменно отвечали ему. - Это мы берем на себя. У вас свои игры, у нас - свои.

Вне всякого сомнения, двумя пролетами выше прощающиеся стороны доплетали предвыборную интригу. Перспектива встречи с братьями-чиновниками ничуть не обрадовала молодого педагога.

- Давай-ка выйдем, пропустим, - шепнул Савелий, и, покинув подъезд, они отступили к доминошному столику в тени акации.

Вскоре из парадного вышли трое: Николай Иванович, Иван Николевич и некто незнакомый, заметно превосходящий обоих дородностью и статью. Как бы не сам Шкарятин... Загрузились в черный джип с зеркальными стеклами и отбыли.

* * *

Завидев на своем пороге Савелия со Славиком, Петр Маркелович развеселился.

- Бедный Йорик, - сочувственно молвил он, глядя на голову Саурана. - Что ж, заходите, милости просим...

Мебель в комнате была уже раздвинута по местам, и лишь сервировочный столик на колесиках все еще стоял возле дивана. Ни спиртного на нем, ни закуски, ни даже кофейных чашечек - какие-то бумаги текстом вниз и пара вскрытых конвертов. Должно быть, встреча была чисто деловой, без излишеств.

- А поставь-ка чайник, Урл, - попросил Петр Маркелович.

Славик положил разбитое свое счастье рядом с документами и скрылся в кухне. Савелий Павлович проводил его вопросительным взглядом. Урл? Почему Урл?

Хозяин тем временем убрал со столешницы бумаги, переместил травмированного Саурана вместе с отломанными перьями на нижний этаж каталки, а взамен водрузил сервизик. Вскоре и кипяток подоспел.

- Жалуйся давай, - сказал Петр Маркелович, разливая чай.

И Славик (он же Урл) принялся жаловаться, сбивчиво и подробно. Много нового узнал Савелий Павлович. Оказывается, квартиру, в которой вот уже два месяца обитали влюбленные голубки, снимали для Славика его родители, а хозяйство парочка вела совместное. И все бы замечательно, но увлечение Урла Профессором девушка приняла весьма прохладно. Но терпела хотя бы! А позавчера угораздило ее посмотреть по зомбишнику сучку Клару... Наслушалась, закатила двухдневную истерику - ну и... Вот Савелий Палыч соврать не даст!

Выдохся Урл, замолчал.

- М-да... - задумчиво промышчал Петр Маркелович. - Коллизия... Сама-то она чем увлекается?

- Она? - Похоже, Славик малость опешил. - Да вроде ничем...

- Ну, милый мой, так не бывает. Кто она вообще?

- Так... Учится, подрабатывает...

Педагоги вздохнули, переглянулись, и в этот миг сыграл дверной звонок.

- Если не затруднит, Савелий, будь добр, прими...

Тот поднялся, вышел в прихожую, открыл. За дверью обнаружилась Кристина Журавель - еще одна выпускница. Увидев бывшего своего классного наставника, испуганно округлила глаза.

- Здравствуйте, Савелий Павлович, - почему-то шепотом обратилась она к нему. - А Славик здесь?

Лицо у нее было весьма запоминающееся. Крохотный подбородочек и выпуклые круглые щечки, казалось бы, требовали незначительного роста и округлых форм. Так вот, ничего подобного: создание высокорослое, стройное, длинношеее.

- Здесь, - озадаченно отозвался Савелий, пропуская ее в прихожую. Откуда узнала? Гоблино, конечно, городок маленький, но не до такой

же степени!

При виде внезапной гостьи, Петр Маркелович хмыкнул, а Славик изменился в лице.

- Здравствуйте, Петр Маркелович, - выпалила Кристина и тут же повернулась к однокласснику. - Лле анта амин ту? - с надеждой в глазах, запинаясь, спросила она.

- Переживу как-нибудь, - несколько даже враждебно проскрипел тот. - Танья наэ нкуэль...

- Так! - решительно промолвил Петр Маркелович, ударив ладонями по краю столешницы. - А ну-ка вести себя пристойно! Здесь вам не эльфятник. Савелий Палыч вашей мовы нэ розумиэ...

- Извините... - Кристина потупилась. Славик хмуро сгреб с поддона сервировочной каталки голову Темного Владыки вместе с двумя отломанными перьями и встал.

- Пойду я... - буркнул он, пряча глаза. - Квартиру закрыть забыл.

- Ну что ж, счастья тебе в личной жизни, - с понимающим видом напутствовал бедолагу Петр Маркелович. - Кстати, пиратка намечена на конец сентября. Так что, если будет желание...

- Угу, - мрачно отозвался Урл.

Кристина с ужасом смотрела на обломки Саурана.

- Мэлэтриль... драная... - с ненавистью вымолвила она.

Глава 5. КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ

*Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий,
Скрипучий поворот руля.
Осип Мандельштам*

Лето кончилось, и числу этак к четырнадцатому Савелий Павлович горько пожалел о своем решении продолжить карьеру педагога. Дело было даже не в равнодушии юного поколения к русской классике. Дикость, конечно, однако на преподавание теперь приходилось выкраивать время! Предвыборное безумие, удесятенное осенним обострением, охватило все учебные заведения Гоблино, хотя, казалось бы: где выборы, а где школа?

Какие-то агитпункты, какие-то открепительные, какое-то хождение с анкетами по адресам, где тебя норовят послать куда подальше, а вместо попыток привить нежную любовь к Грибоедову извольте потратить два академических часа на сочинение «За кого будут голосовать в сентябре мои родители?».

Не понимай Савелий происходящего, ему было бы чуточку легче. Однако в том-то вся и беда, что он уже многое понимал... В начале

августа неутомимый искуситель Петр Маркелович затащил своего молодого приятеля на так называемую «павильонку» - иными словами, на ролевую забаву в помещении. На глазах Савелия Павловича солидные взрослые люди - владельцы фирм, кандидаты наук и даже один главврач ортопедической клиники, - разбившись на «фальсификаторов» и «наблюдателей», затеяли игру в выборы. И ведь не дурачились, не шутовали - входили в раж, чуть с кулаками друг на друга не лезли. С хрипотцой в голосе обвиняли политических противников во всех смертных грехах: «У нас вон гелевые ручки за тридцать пять копеек, а вы, дамочка, на айпаде считаете! Думаете, не знаем, кто вас айпадом снабдил? Небось баклужинскому госдепу Родину за айпад продала...»

Проводилась «павильонка» в гулком полуотремонтированном спортзале и оформлена была весьма скудно, никакого мхатовского натурализма, голая условность: плакатики на турниках и канатах, вместо избирательной урны - новенькая мусорная корзина, и т. д., и т. п. Тем более завораживала невероятная самоотдача исполнителей.

- А не удалюсь!

- Удалитесь как миленький! Вы злостно нарушаете избирательное право!

- Я независимый наблюдатель...

- Вы препятствуете проходу граждан к урнам! Выкрикиваете лозунги! Ведете агитацию!

- Не удалюсь!

- Значит, удалят сейчас... на хрен!

На втором часу этакого кафкианства стало слегка страшновато. Самому Савелию досталась простенькая роль «честного избирателя»: один раз он должен был по велению сердца проголосовать за «красного» кандидата и один раз за «синего». С «красным» все прошло относительно гладко, а вот что касается «синего»... Сначала попытались задурить голову, будто Савелий вообще не из этого района, хотя в паспорте (на имя Непомнящего Ивана Ивановича) вымышленный адрес был прописан четко. Потом уронили под ноги несколько бюллетеней и пригрозили вызвать полицию на том основании, будто он (это он-то!) хотел подбросить их в урну: вот свидетели! От такой неслыханной наглости кровь ударила в виски, и Савелий Павлович чуть было не сорвался на крик...

К счастью, тут же опомнился. «Боже! - потрясенно подумал он. - Это ведь только игра... Что же будет на самом деле?»

Даже и не пытаясь больше приблизиться к урне, пришибленно отошел в сторонку.

- Адекватно, адекватно... - пророкотал за плечом одобрительный баритон Петра Маркеловича. - Запуганный избиратель - один в один! Я смотрю, и впрямь в тебе ролевик пропадает.

- Что-то не по себе как-то. - Савелий поежился. - Пойду я, наверное...
- Дело твое. А то останься досмотри... Глянь, как Иван Николаевич наблюков прессует! Прелесть что такое!

Савелий взглянул и, к своему изумлению, в наблюдателе, прессуемом Иваном Николаевичем, узнал иеродиакона Илиодора в мирском платье. И поди еще пойми, кто кого прессовал. В данный момент могучий инок потрясал блокнотиком и исполненный гражданского гнева говорил что-то небожественное.

- Я думал, вы только эльфов да витязей корчите, - Савелий даже головой покрутил.

- Совершенно необязательно. Все, что угодно, лишь бы материал был подходящий.

- А Иван Николаевич... он кто в данном случае? Фальсификатор?

- Н-ну... не совсем. Персонаж у него довольно сложный, не чета твоему. «Член по принуждению, внутренне не готовый к фальсификациям, но зависимый от председателя...»

- Как? - не поверил услышанному Савелий.

Петр Маркелович повторил.

- А что ж он наблюков прессует, если по принуждению?

- Значит, достали...

Разговор прервался, поскольку в следующее мгновение грянули вопли, отразились от стен, от потолка - наблюдатели засеки «карусельщицу», милую интеллигентную даму в тонированных очках и легкой накидке. Сомнений быть не могло: она уже один раз голосовала, и ее запомнили. Особа, однако, оказалась тертая, такую голыми руками не возьмешь.

- Вот открепительный, - наивно хлопая накладными ресницами, лепетала она. - Вот паспорт... Ой! А паспорт-то я, оказывается, дома забыла... Какая досада!

Озабоченно потирая синевато-багровую каинову печать меж бровей, приблизился старый знакомец Николай Иванович. В руках айпад.

- Ваша правда, Петр Маркелович, - побряхтывая, признал он. - Есть нам, есть чему у вас поучиться... Сыпануть бюллетени под ноги - это вы заранее придумали?

- Упаси боже! Импровиз чистой воды.

- М-м... Вот как?.. Надо взять на вооружение. Только не избирателю, конечно, под ноги, а наблюку. - Замолчал, впери́л взор в айпад. - Ну что? По предварительным прикидкам, нужных бюллетеней в урне на двадцать пять штук меньше, чем хотелось бы. Но это даже ничего. Лучше чуть меньше, чем больше, а то потом хлопот не оберешься...

Тут Савелия Павловича замутило окончательно, и он бочком-бочком двинулся на выход, а месяц спустя окунулся в точно такой же абсурд, с той лишь разницей, что выхода из него не было.

* * *

- Вы уверены, что они друг у друга не списывали?

Клара Карловна изучала отчет. Над головой ее по-прежнему располагался загадочный зловещий плакатик: «Народ уничтожают со святынь». Савелий сидел напротив и украдкой изучал владелицу кабинетика. Что-то изменилось в их отношениях, как-то теперь по-другому воспринимал молодой педагог свое начальство.

И если бы только его! Точно так же, как убежденный атеист, повсюду, куда бы он ни посмотрел, видит отсутствие Бога, Савелий Павлович после избирательной мистерии в спортзале везде и во всем подозревал игру. На улице, в общественном транспорте, на педсовете, в классе он ловил себя на том, что упорно пытается определить, у кого какая легенда, кто тут мастерский (с несложным заданием), кто дивный (заигравшийся до утраты ориентации), кто орченок (напросившийся на отрицательную роль)...

Вот и сейчас тоже.

«Кабинетка... - машинально прикидывал Савелий. - Кабинетка-театралка в чистом виде... Клара - загруженная, а я... А я, пожалуй, провисший...»

- Если и списывали, - кашлянув, произнес он вслух, - то не больше, чем всегда. Передирают, как правило, дословно... а тут об одном и том же, но по-разному.

- Так! - решительно сказала завуч. - Что в итоге? Получается, чуть ли не четверть ваших родителей - ролевики?

- Моих?

Завуч поморщилась.

- Перестаньте цепляться к словам, Савелий Павлович! Вы прекрасно понимаете, о чем я... Впрочем... - уголок слегка подкрашенного рта презрительно покривился, - с кем поведешься...

- Вы про Петра Маркеловича?

Краска бросилась в лицо Клары Карловны, и Савелий Павлович, отвлекшись наконец от своих ролевых фантазий, впервые в жизни обратил внимание, что завуч скорее молода, чем моложава. Если и старше самого Савелия, то не намного. Внезапное это открытие вызвало новый оползень предположений. А ведь что-то у них там, наверное, стряслось с Петром Маркеловичем, если она даже имени его не может спокойно слышать.

- Вы проникательны, - процедила Клара, то ли угадав его мысли, то ли просто отвечая на предыдущий вопрос. Взяла первое попавшееся сочинение, прочла: - «На выборы мы не пойдем, потому что в воскресенье у нас полигонка...» Что такое полигонка?

- Полевая игра. Видимо, всей семьей выезжают.

Отвечал Савелий Павлович механически, а сам пытался припомнить, когда он заметил первый раз эту лютую ненависть завуча по воспитательной работе к женолюбивому преподавателю истории. А ведь, получается, между первой и второй четвертью прошлого учебного года... иными словами, в ту самую пору, когда Петр Маркелович сочетался очередным законным браком. Совпадение?..

- Что вы сами об этом думаете? - резко спросила Клара.

Савелий не сразу сообразил, о чем она? Ах да, полигонка... Назначена на субботу и продлится до понедельника. А в воскресенье выборы. Честно говоря, Савелий Павлович много уже чего передумал. Помнится, сразу же, как только проверил сочинения, кинулся к Петру Маркеловичу:

- В чем дело? Вы что, все отменили? Почему?

Игротех тонко улыбнулся.

- Так, мастерский произвол.

- А-а... - сообразил Савелий. - То есть ролевики будут в поле, а в городе за них проголосуют?

- Упаси боже! Все по-честному.

Больше из него вытрясти ничего не удалось. История представлялась Савелию совершенно загадочной: провести такую подготовку, потратить столько сил - и в последний момент сыграть отбой? В голове не укладывалось. Единственная относительно правдоподобная версия звучала так: итоги павильонки в спортзале оказались настолько неутешительны, что оппозиция пошла на попятную. Или на сделку с властью, что, собственно, одно и то же. Короче, от помощи неформалов политики, скорее всего, отказались.

- Так что вы об этом думаете? - настаивала Клара Карловна.

- Возможно, форма протеста, - неуверенно высказался молодой педагог.

- То есть ролевики решили бойкотировать выборы?

- Ну да...

Несколько мгновений Клара Карловна сидела неподвижно и незряче, не смея поверить этакому чуду. Слишком уж, согласитесь, удачно все складывалось. И не исключено, что в ту же самую минуту во всех школах Гоблино с точно такой же надеждой в глазах замерли многие-многие педагоги, отягощенные обязанностью обеспечить Парамону Сидоровичу Кирдыку убедительную победу на выборах.

Возможно, так оно и было, поскольку в следующие два-три дня агитационная истерия плавно и неуклонно пошла на спад. Действительно, к чему напрягаться, если противник сам обрек себя на поражение?

Но все это чуть позже. А в данный момент Савелий Павлович замороженно смотрел на оцепеневшую завуча (а как еще скажешь?) и по-прежнему силился уразуметь, что за персонаж перед ним. Конечно,

не «член по принуждению, внутренне не готовый к фальсификациям, но зависимый от председателя», - тут иное... Так кто она? Фанатка дисциплины, бесполоая и беспощадная, или же (более сложный случай) несчастная женщина, долго и терпеливо подбивавшая клинья под импозантного мастера игры, готовая ради этого хоть на полигонку - лишь бы вместе... затем подло обманутая в своих ожиданиях и возненавидевшая все, что имеет отношение к ролевой чуме?

Завуч вышла из столбняка так внезапно, что Савелий не успел отвести взгляд. Несколько мгновений педагоги смотрели друг на друга в упор, затем чего-то испугались. Клара даже глаза закрыла. Потом открыла вновь.

Но это уже были совсем другие глаза.

* * *

- Есть, мой капитан! - с чувством произнесла юнга Кэтрин. - Будет исполнено, мой капитан!

Капитан Джек Воробей, долговязый, рукастый, в распахнутой кружевной рубахе, стоял на корме, широко расставив ботфорты, и с надменным видом похлопывал коротким клинком по бархату штанов. Утренний бриз играл концами алой наголовной косынки. Лето выдалось влажное, заливные луга еще и не думали выгорать, вода в озерах и ериках стояла по-весеннему высоко.

Кэтрин была влюблена в своего капитана. Собственно, ради него кроткая набожная девица бросила родимый кров в Новой Англии, бежала в пираты и вот уже третий год скрывала свой истинный пол. На корабле ее звали Ником.

Да, не красавица: исчезающе маленький подбородок, излишне раздвинутые щеки, куда ж ей до великосветских дам с мраморными плечами и ненавистно классическим профилем - из тех, что постоянно увиваются вокруг знаменитых морских разбойников! Бесчувственные расчетливые твари, готовые при первом удобном случае на любую низость... швырнуть на пол священную книгу... оторвать голову идолу... А Кэтрин - при всех своих изъянах - одна такая. И никогда не найти капитану более преданного и горячего сердца!

- Теперь все зависит только от тебя, мой мальчик, - сурово насупив брови, юношеским баском напутствовал юнгу Джек. - Не подведи своего капитана...

- Так точно, мой капитан! - в восторге отозвалась Кэтрин-Ник и спрыгнула с кормы галеона на низкий бережок Гоблинки. Как давно она мечтала о том, что ей, непременно ей, поручит легендарный пират миссию небывалой важности, от выполнения которой зависит все: в том числе и само существование этого мира.

В брезентовом шатре влюбленная юнга переделалась в нечто не слишком, на ее взгляд, приличное и достала свиток, который, собственно говоря, свитком как таковым не являлся и скорее напоминал вырезанную из Библии страницу. Почему именно из Библии? Потому что в набожных семействах Новой Англии иных книг не водилось. В левой части листа выстроились столбцом несколько строк, а в правой - такое же количество крохотных пустых квадратиков. В третьем сверху был заранее проставлен магический символ.

Покинув шатер, юнга взбежала на зеленеющий склон, за которым обозначилась невероятно ровная, должно быть, проложенная какой-нибудь древней исчезнувшей цивилизацией дорога, а на ней... Кэтрин приостановилась, отыгрывая нерешительность. Посреди дороги стоял невиданный экипаж, подобный галере на колесах. Лошадей поблизости не наблюдалось, да и как бы они смогли сдвинуть с места такую громаду! Подобный подвиг, пожалуй, был по силам разве что африканскому зверю эλεфанту, о котором часто рассказывали в кубрике морские бродяги. Возле колесной галеры слонялись люди в столь же нелепых и неприличных одеяниях, какое было на самой Кэтрин. Кое-кого она узнала. Прихлоп Билл Тернер, Гектор Барбосса, губернатор Суонн с дочерью своей Элизабет...

С одной стороны, оказаться в такой компании было для юнги большой честью, а с другой - получалось, что не ей одной доверили столь важную миссию.

Кто-то хлопнул Кэтрин по плечу.

- Ну что, юнга? Вперед?

Она обернулась. Это был Кракен, утопивший вчера «Черную жемчужину». Вообще-то подобное прикосновение (не важно, к чему: к кораблю, к человеку) означало немедленную гибель, но только не сейчас. Сейчас все они, и пираты, и губернаторы, и даже подводные чудовища, были спаяны единой целью - спасти Карибы. А заодно Мордор, Нуменор, Нарнию и Лукоморье в придачу.

Первая партия загрузилась в чудовищный самоходный экипаж. Кто-то ударил по струнам и запел:

Вырубите свет! В пламени наш Вазастан...

Автобус тронулся.

* * *

Нашествие ролевиков на избирательные участки оказалось столь неожиданным, что сопротивления со стороны официальных лиц, можно сказать, не последовало. Более трети членов комиссии, как выяснилось позже, были ставленники Шкарятина, народ знающий, ко всему готовый, не раз и не два отыгравший выборы под мудрым

приглядом опытного Петра Маркеловича, да еще и в тесном контакте с наблюдателями.

Ну и как было тягаться с этакой оравой политическим лохам от педагогики и медицины, наивно поверившим, будто противник отступил без боя, и беспечно пустившим все на самотек!

В принципе, ничего страшного не произошло. Был Кирдык - стал Шкарятин... Однако в том-то все и дело, что Валентин Валентинович оказался честным человеком. Или просто дураком - тоже возможно. Да мало ли чего наобещает кандидат перед выборами! Что ж теперь, все выполнять?

Иной вон клянется: приду к власти - вымоем сапоги в Индийском океане! Все прекрасно понимают, что это не более чем игра, и радостно голосуют за него.

А ну как вправду вымыть заставит?

Глава 6. ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

*Вот только замучит проклятый
Ни в чем не повинных ребят...
Александр Блок*

- Да отвлекись же ты хоть на минуту! - процедила Кристина. - Неужели так трудно родному сыну помочь?

- А я чем, по-твоему, занимаюсь? - не оборачиваясь, огрызнулся Славик.

Действительно, судя по тому, что творилось на мониторе, супруг отнюдь не дурака валял, но добивал в ударном порядке стенд «Страна Хоббитания» для классного уголка. «Юный хоббит храбр. Юный хоббит честен...» Как там дальше? А! «Юный хоббит предан Родине...» Свихнуться можно...

- Что... задачка не решается? - рассеянно спросил Славик.

- Дурдом! - бросила в сердцах Кристина. - На литературе завязли.

- Ну вы даете! - хмыкнул он, выводя на экран следующий лозунг. - Сейчас... Доверстаю...

Кристина помаячила и сгнула. Супруг выпрямил заостренную спину и дал глазам отдохнуть. В углу между шифоньером и бельевой тумбой извилисто и тускло блестел давно нечищенный металл. Там стояла метровая статуэтка Саурана. Темный Властелин вздымал потемневший от времени шестопер. Грозил не поймешь кому. Одно из перьев на шлеме было кривовато прилеплено, второе отсутствовало вовсе. Потерялось три года назад.

В задумчивости Славик покусал ноготь большого пальца. Вернее, поклацал зубами, поскольку кусать там уже было нечего. Вот вынь да

положь к послезавтра стенд... Нет, на классную руководительницу он сердца не держал - куда ей, бедной, податься, если Клара вконец задолбала! Да и не только ее - всех... А ведь в его, Славиковы, времена Карловна так не зверствовала. Вроде и замуж вышла, и должность у нее теперь - выше не придумаешь: завуч по ролевым играм. Выше только директор... Или просто дело в том, что Славику в школьные годы все было по барабану? Возможно, возможно...

- Кончай глодать! - процедила Кристина, невесть когда вновь возникшая у монитора. - До локтей уже скоро сгрызешь! И еще удивляется, в кого пацан пошел!

Славик вздохнул и, сохранив работу, поднялся со стула. Комната на миг дрогнула, поплыла. Саурон в углу колыхнулся, будто выпимши. Вот он, переход из виртуала в реал, пропади пропадом и то, и другое!

- Двоечники вы, - с мягкой язвительностью молвил Славик, переждав краткое это головокружение. - Ну что может быть неясного во «Властелине Колец»? Добро светлое, зло черное. Добро раздроблено, зло монолитно. Мораль: хочешь одолеть зло - объединяйся...

- Да? - вспыхнула Кристина. - Умный какой!

«Где были мои глаза?» - удрученно думал Славик, вглядываясь в остервенелое личико жены. Вроде бы и не толстомордая, но такое впечатление, будто за каждой щекой держит по некрупному яблоку. Подбородка как не было, так и нет... Зато наметился зобик. А ведь каких-нибудь десять лет назад, когда шли к венцу, он находил в ее чертах нечто манящее, необычное, черт возьми...

Впрочем, судя по выражению лица Кристины, при взгляде на унылую физиономию мужа ее одолевали похожие мысли.

Славик вздохнул вторично и, сопровождаемый супругой, направился к дверям малой комнаты, где корпел над домашним заданием их единственный отпрыск.

- А что же с ним будет в старших классах? Там ведь Сапковский пойдет, Перумов с Еськовым...

- Иди-иди, - сказала жена, подтолкнув в спину. Чисто конвоир.

Несчастный Борька (Боромир Святославович) сидел за столом и с привычным равнодушным горем смотрел в раскрытую тетрадку. Шеенка у отпрыска была тоненькая, уши оттопыренные, губешки надутые.

- И что у нас сегодня? - бодро осведомился отец, беря тетрадь. Прочел задание, моргнул, прочел еще раз... Нет, наверное, надо вслух.

- Концептуальный аспект нравственного выбора... хоббита Фродо, - озадаченно огласил он.

Глава семьи задумчиво взялся свободной рукой за узкий подбородок и зачем-то взглянул в окно. За черным стеклом шуршал дождь. Концептуальный аспект, надо же... В некстати опустевшей голове крутились одни лишь заповеди со стенда: «Юный хоббит храбр, юный

хоббит честен...» Взяли бы и надергали из интернета! С той же «Ардына-куличках»...

- Н-ну... - сказал он наконец, досадливо тряхнув тетрадкой. - Наверное, так: если бы Фродо не принял решения отправиться к Ородруину, чтобы бросить в него Кольцо Всевластия, то событий, описанных в романе, просто бы не было...

- Нравственного! - сухо напомнила Кристина и презрительно поджала губы. - Нравственного выбора.

- А! Ну да... Нравственного! - С каждым новым словом Славик чувствовал себя все увереннее. Сказывался опыт редакционной работы. - А чтобы принять такое решение, хоббиту Фродо была прежде всего необходима храбрость, которой он изначально не обладал. А храбрость, Кристиночка, - это понятие нравственное... - Славик запнулся, потому что рожницу отпрыска внезапно перекосило восторженной шалой улыбкой. С такой физией детишки обычно решаются на неслыханную шкodu. - Боря, я сказал что-нибудь смешное?

- Храбрость состоит из самолюбия и деревянных нервов! - брякнул тот и, кажется, сам испугался собственной выходки.

Родители остолбенели. Во-первых, это было неожиданно, а во-вторых, совершенно не похоже на тихого Борьку.

- Ты смотри, на уроке подобного не скажи! - опомнившись, закричала мать. - Вот уж с кем нервы нужны деревянные!

- Интересно, где ты такое услышал? - осведомился Славик, не допуская и мысли, что столь циничный афоризм мог сам собой зародиться в неокрепшей головке сына.

- Нигде... - помявшись, сознался тот. - В книжке прочел.

- Это в какой же?

Вопрос был задан по существу, но тут, как всегда, некстати вмешалась Кристина:

- Ах вот как? В книжке! По внеклассному чтению - вторая двойка, а на всякую дурь у тебя времени, значит, хватает?

- А ну-ка тихо! - скомандовал глава семейства. - Какое внеклассное чтение? При чем тут внеклассное чтение?.. - Серdito засопев, снова уставился в тетрадку. - Отвечать письменно или устно?

- Письменно.

- Понял. - Славик повеселел и вернул тетрадь. - Объясняю. Главное - побольше цитат. Даже если ответишь неправильно, все равно видно, что читал. Берем книгу... - Он протянул руку к узкому высокому стеллажику и замешкался, обнаружив на полке сразу двух «Властилинов Колец». Маленький Боромир Святославович почему-то вдруг заволновался, втянул голову в плечи, но отец, не обратив на это внимания, уже раскрыл наудачу один из томов. Честно сказать, давненько он не совершал этого интимного акта. Лет пять. Хотя, если

сказать еще честнее, Славик и раньше предпочитал любоваться книгой, ласкать ее и оглаживать, нежели вникать в содержание. Предпочитал текстуру тексту. - И нагло передираем... Вот, пожалуйста: «Мы привыкли говорить о войне как о благороднейшем деле». Чувствуешь? О благороднейшем!.. То есть этого-то благородства хоббиту Фродо и недоставало, пока он не вмешался в войну добра со злом. На стороне добра, естественно... Идем дальше... - Тут Славик запнулся и нахмурился.

«А что еще нужно для успешного ведения войны? - в растерянности пробежал он глазами корявые и совершенно незнакомые строки. - Для того чтобы быть гением:

1. Продовольствие - организованный грабеж.
2. Дисциплина - варварский деспотизм, наибольшее стеснение свободы.
3. Умение приобретать сведения - шпионство, обман, измена.
4. Умение прилагать военные хитрости - обман.
5. Что самая война? - Убийство.
6. Какие занятия военного? - Праздность.
7. Нравы - разврат, пьянство».

В растерянности он закрыл книгу, заложив страницу большим пальцем, и тупо уставился на обложку. Джон Р.Р.Толкин. «Властелин Колец». Раскрыл снова, прочел, моргая:

«Есть ли один порок, одна дурная сторона человеческой природы, которая не вошла бы в условия военной жизни? Отчего же уважается военное звание? Оттого, что оно есть высшая власть. А власть имеет льстецов».

Да нет же, нет! Откуда это? Из какой книги? Из какой главы? Не мог благородный Профессор гнать такую... даже не чернуху... агитку!

- Боря, - почти испуганно проговорил папа Слава. - Что это?..

К счастью для отпрыска, последовал долгий, настойчивый звонок в дверь. Родители переглянулись.

- Кого еще на ночь глядя принесло?

Славик отложил книгу и вышел в прихожую. Перед тем как открыть, на всякий случай заглянул в дверной глазок. В полумраке лестничной клетки маячили три слегка искаженных силуэта: тщедушная фигура в цивильном, а чуть позади две глыбы в рогатых шлемах, в кольчугах и, кажется, с мечами наголо.

Пришлось открыть.

- Здравствуйте. Вам кого?

- Урл Левая Рука?

- Я, - сказал Славик, недоуменно вздымая бровь. - А что это вы так, во всеоружии... в полном прикиде?..

- Повестку получали? - злобно проскрипел тщедушный вместо ответа.

- Нет, не получал. Что за повестка?

Чувствовалось, что одетый по цивилу человек сдерживается из последних сил. Он развернул бумагу и ткнул в нее пальцем, едва не прорвав насквозь.

- Ваша подпись?

Урл Левая Рука взгляделся.

- Нет, конечно.

- Как - нет? - приглушенно взвизгнул тщедушный.

Славик неспешно извлек редакционное удостоверение:

- Вот моя подпись, видите?

- Знаете, все так говорят! - Вид у человека был самый что ни на есть затравленный. - «Ничего не знаю, ничего не подписывал...»

Рогатые воины скучающе переминались на площадке, шурша кольчугами. В коридорчике показалась встревоженная мордашка Кристины.

- Что там, Слав?

- Ролевка, - бросил глава семьи и снова повернулся к старшему: - Чего тут непонятного? Леня было ходить по адресам - выкинул повестки в ближайшую урну и сам за всех расписался...

- Вот вам в следующий раз и поручим! - огрызнулся тщедушный.

Этого еще только не хватало!

- Короче! - сказал Славик, резко меняя тему. - Если вы за мной, идемте. Приписную квенту брать? Что будет-то? Куда призывают?

Человек и так был вконец заморочен, а тут еще этот град вопросов! Понятно, что угроза насчет повесток забылась, улетучилась сама собой.

- Куда-куда! - осунувшись, буркнул он. - Игротех вас до семи часов ждал - всего трое явились... Вот здесь распишитесь. И не говорите потом, что никто вам повестку не вручал...

Стоило из-за этого приходить с мечами наголо!

- И еще одно... Вы ведь репортер «Нового Изенгарда», так?

- Да...

На свет вновь появилась сильно мятая и едва не пробитая пальцем бумага.

- Это подпись вашего замредактора?

- М-м... Возможно. Похоже...

Человек в цивильном то ли вздохнул, то ли крякнул и, страдальчески сморщившись, поскреб в затылке.

- Ладно, - сказал он. - Собирайтесь...

- Куда? - опешил Славик. - Вы же говорили, что игротех до семи ждал...

- Ждал, - безнадежно подтвердил тщедушный. - И до семи ждал, и после семи... И сейчас ждет.

Они вышли в сырой летний вечер. Дождь кончился. Разноцветные городские огни роняли волокнистые отражения на мокрые асфальты. С пятиметровой высоты сиял подсвеченный выносными лампами щит. Там на фоне государственного флага призывно и загадочно смотрели на прохожих дама и рыцарь. Понизу красовалась надпись: «Участие в ролевой игре - священный долг каждого патриота!».

Бывший военкомат располагался в каких-нибудь двух кварталах. Конвоировали пешком: впереди плюхали по лужам старшой со Славиком, чуть поотстав - рогатые вертухаи в кольчугах. Бедняги. Наверное, с утра так и мотаются по городу в полном прикиде. Ну да что поделаешь - служба...

Красноглазый невыспавшийся районный мастер (тоже из бывших) пребывал в кабинете один. На рабочем столе разложены учетные карточки, в чашке стынет черный кофе. Над столом - поясной портрет Президента. Валентин Валентинович Шкарятин был изображен в латах Арагорна, с мечом в правой руке и с Кольцом Всевластия на безымянном пальце левой. («Интересно, - подумалось Славику. - Мизинец, указательный... А палец, на котором носят обручальное кольцо, почему-то безымянный...») Ни словом не попрекнув за несвоевременный приход, игротех поставил птичку в списке и сообщил устало:

- Значит, Урл Левая Рука... В двух словах. Восемнадцатого призываем маститых... то есть олдовых...

- По какому поводу?

- Правильный вопрос, - равнодушно одобрил игротех. - На территорию Гоблино вторгается условное зло. Не исключено применение оружия магического поражения. Противостоять агрессии, как вы уже, наверное, догадались, будет условное добро. Так что ждите во всеоружии.

- Я понимаю. Что играем?

- Играем по «Властелину Колец».

- Опять?!

Игротех нахмурился.

- Почему же опять? В прошлый раз по «Ведьмаку» было. Начальству виднее.

- Все-таки, если можно, уточните, - попросил опытный Урл. - В каком именно всеоружии?

- Н-ну... Полегче что-нибудь. Байдана, мисюрка... Если нет - выдадут в каптерке. В бой вас вряд ли пошлют. Будете с вашим замредактора выпускать «Игровой листок». Распишитесь.

- Это еще зачем?

- О неразглашении.

- Что за секретность?

Игротех устало потер воспаленные веки.

- Игра максимально приближена к реалу, - пояснил он. - Цивильных будем брать тепленькими, прямо из постелек... Чтобы ни одна зараза не уклонилась. Загребем всех двадцатого. Значит, за эти два дня вы, олдовые, надежда наша и опора, должны полностью подготовить полигон к их приему.

- Понял. - Урл кивнул. - То есть цивилам ни слова. Но со своими-то говорить можно?

Игротех скривился в сильном сомнении.

- Да лучше вообще-то тоже воздержаться... А то получится как в прошлый раз.

На том и расстались. Стражники отправились брать замредактора, а Урл Левая Рука - домой, доделывать стенд «Страна Хоббитания».

* * *

Следует сказать, что в последнее время Славик косил от игры как мог, однако сейчас ему остро захотелось сменить обстановку. А то в редакции достали, дома достали... Уж лучше тряхнуть стариной, отбыть недельку на полигоне. Тем более что, согласно ролевой иерархии, заместитель редактора «Нового Изенгарда» неминуемо оказался бы под его началом.

Первые станут последними, последние - первыми.

Корпел над стендом до двух ночи. Когда утром продрал глаза, Борька уже был в школе, а Кристина занималась влажной уборкой помещения. «Дисциплина, - внезапно вспомнилось Славику, - варварский деспотизм, наибольшее стеснение свободы...»

Откуда же все-таки Боромир выхватил эту цитату? На узеньком стеллажике сына обнаружился всего один «Властелин Колец».

- Кристина!.. - позвал Славик.

В дверях возникла супруга с тряпкой в руке.

- Слушай, ты не помнишь, сколько тут вчера было?..

- Не помню, - отрезала она и сгнула вновь.

Глава семейства попытался раскрыть книгу на том самом месте, но ничего похожего на давешний текст не обнаружил. Толкин как Толкин. Полистал, закрыл, поставил на место. Так сколько было книжек: одна или две? В глазах, что ли, вчера от усталости задвоилось? Оглядел комнату. Нигде ничего. Здоровенный томина - куда такой спрячешь? Не в школу же он его с собой унес...

Машинально сжевал завтрак и, прихватив флэшку, отправился в редакцию, где имелся цветной большеформатный принтер - как раз то, что нужно.

* * *

Замредактора Веня, отличавшийся от киношного Голлума разве что наличием очков да костюмчика и носивший по этой причине прозвище Моя Прелесть, вскинул испуганные водянистые глаза на вошедшего репортера. Протянул навстречу какой-то листок и лишь потом поздоровался.

- Привет, - отозвался Славик, принимая бумагу. - Тебя вчера к игротеху таскали?

Очкастый Голлум закручинился.

- Да таскали...

- Отбился?

- Да ну... Разве от них отобьешься! Вперед и с песнями...

Славик сел за свой стол и взглянул на полученный документ. Удивительно, но это было... письмо. Бумажное. И не официальное какое-нибудь послание, а именно письмо - на двух тетрадных листках. Еще и от руки начертанное. Давненько не созерцал и не осязал Славик ничего подобного.

Ну-ка, ну-ка...

«Уважаемая редакция, напечатайте это письмо!»

Хорошее начало. Многообещающее...

«Отвечаю авторам статьи про подпольную читалку. Которую не могут поймать. Я знаю, кто это делает. Он 1-го февраля...»

Славик мотнул головой и вновь углубился в дебри крупного корявого почерка.

«Он 1-го февраля позапрошлого года подкинул мне на веранду запрещенку и чем-то побрызгал. И я заболела. Полтора месяца лежала. Было удушье. Ко мне девочка ходила, помогала. А он Любочку отсадил и сам ходил под ее именем. Этот человек сам говорит мне об этом. Чего напустит. Понятно Вам. А недавно ходил тайно и сидел под столом...»

- Веня, что это?! - вскричал Славик.

- Сам не видишь? - уныло отозвался тот. - Отклик читателя...

«...Брал ножи со стола, но боялся собак, и собаки открыли мне, что он прячется под столом. Он бандит. Сидел 7 лет. Ему под 80 лет. Он живет под чужой фамилией. Я не знаю ее. Он раньше был знаком мне в молодости. Он печатал запрещенку. Теперь переплетает. Но фамилия была у него другая. Я сижу на замках. Это потому, что я не пошла за него замуж...»

- И что мне с этим делать? Явно ж вольтанулась старушка!

- Подготовь ответ. Опубликуем.

- Ты что, тоже сдвинулся? Какой тут может быть ответ?

- Н-ну, примерно так... - Голлумоподобный замредактора возвел глаза

к потолку. - «Дорогие читатели... Мы высоко ценим ваше рвение и тем не менее вынуждены вам напомнить, что в республике Гоблино запрещенной литературы нет и быть не может. Что же касается литературы, не пригодной для использования в ролевых играх (так правильно звучит этот термин), то хранение ее на дому законом не преследуется...» Вот, что-то в этом роде...

- Да, но... С чего вдруг?

Голлум Веня вновь погрузнел.

- Да понимаешь, - с горечью сказал он, - донос за доносом по электронке - как прорвало... За кого нас вообще держат? В конвертах уже присылать стали... Вот народ! Думают: раз вывели классику из школьной программы - значит запретили. Ну а раз запретили, значит... сам видишь...

Да уж. Без того, чтобы сообщить куда следует, у нас никак. В девятнадцатом веке на неверующих стучали, в двадцатом - на верующих, в двадцать первом - опять на неверующих... При Кирдыке норовили уличить в причастности к ролевым играм, при Шкарятине - в непричастности...

До полудня Славик подготовил ответ читателям, добил пару материалов, вывел на цветном принтере шесть составных будущей «Страны Хоббитании» и, свернув листы в трубку, известил замредактора, что либо появится после обеда, либо позже к вечеру. Веня не возражал. И правильно. Помни, помни, Моя Прелесть, что у нас еще впереди полигон.

* * *

Время для визита в школу Славик подгадал на удивление неудачно - как раз к началу урока. Постоял у двери, чуть приоткрыл, поглядел, послушал. Классная руководительница Нинель Васильевна, вскинув личико, сидела за столом, очень похожая на Иванушку-дурачка: кудерышки цвета пакли, восторженно распахнутые голубенькие глазки и алый рот до ушей. С таким видом она обычно внимала начальству или, как сегодня, почетным гостям. Сам почетный гость (горбатенький, подслеповатый, с полурыжей-полуседой шкиперской бородкой) пританцовывал у стола и, потрясая ручонками, взхлеб рассказывал юному поколению о тех романтических временах, когда ролевое движение только еще зарождалось.

- Никогда! - восклицал он с пафосом. - Никогда у нас не было дедовщины! Уважение к олдовым - да, было! Но дедовщины - ни-когда!..

- Что это вы в щелку подглядываете? - послышался за спиной строгий женский голос. Впрочем, тут же смягчился, снизошел до

насмешливости: - А-а, Славик:.. Как опаздывал всегда, так до сих пор и опаздываешь?

Разумеется, Клара Карловна - кому ж еще? Что-что, а заставить врасплох завуч не разучилась. Странно, однако за истекшие десять лет она нисколько не сдала - напротив, помолодела, расцвела, добавила в облик косметики. Хотя, возможно, дело тут было не в Кларе, а в самом Славике: резко возмужав, он в смысле самооценки быстро догнал и перегнал тех, кто совсем еще недавно казался ему немыслимо взрослым, чуть ли не пожилым.

- Что это у тебя?

- Для стенда. «Страна Хоббитания». Позавчера Нинель Васильевна попросила.

- Это не Нинель Васильевна просила, а я, - холодно поправила Клара.

- Пойдем посмотрим...

- Только это уже окончательный вариант, - всполошился он, вспомнив ее давнюю привычку с маху ставить на чем ни попадя птички и галочки красным карандашом, а то и маркером. Отчасти по этой причине Славик долгое время искренне полагал, что слово «маркер» происходит от слова «марать».

И они прошли в застенок (именно так десять лет назад именовали школяры кабинетик завуча по воспитательной работе). Помещеньице также мало преобразилось - сменились лишь табличка на двери да плакатик над столом. Теперь он звучал так: «Нет в мире вещи более серьезной, чем игра. Уинстон Черчилль».

Пока завуч раскручивала, выгибала и раскладывала на столе яркие листы, Славик успел заметить еще одно изменение в интерьере: стопка посторонних книг, отобранных на уроках, по-прежнему криво украшала собой подоконник, как десять лет назад, но состав ее был явно иным. Не поленился - подошел, посмотрел. Сверху - Лесков, кто под ним - не разобрать.

- Ну что ж... - задумчиво промолвила Клара Карловна. - В целом...

Одобрение осталось незавершенным, поскольку в дверь робко постучали, потом приоткрыли.

- Можно, Клара Карловна?

- А-а... - зловеще протянула завуч. - Явился, прогульщик?

Вошел исполненный недобрых предчувствий подросток, долговязый и долгорукий. Остановился, понурясь.

- То есть игру ты уже за урок не считаешь, так?

Явившийся мрачно и нераскаянно изучал запыленные носки собственных кроссовок.

- Поражаюсь тебе, Петров! Отец - игротех, мать - маститая ролевичка... В пеленках на полигону тебя возили! Откуда в тебе это равнодушие, это наплеватьство?

Ответа так и не последовало. Клара Карловна вздернула подбородок,

взор ее устремился куда-то вдаль, и Славику почудилось, будто на его глазах случилось мгновенное включение в игру. Несомненно, завуч уже стояла на трибуне перед огромной незримой толпой. Нет, она не переходила на крик, она даже голоса не повысила, но слова теперь произносились словно бы в микрофон.

- Выпасть из игры - все равно что выпасть из общества... Из коллектива! Как можно этого не понимать? Классик сказал: «Что наша жизнь? Игра!» - Тут Клара Карловна запнулась, сообразив, что ссылка на классика по нынешним временам звучит несколько неуместно, и резко сменила направление удара: - Вот, посмотри! Славик Савельев... Гордость нашей школы!..

Славику стало совсем неловко. Однако податься было некуда.

- Он бы тебе многое рассказал! Как оно было во времена Кирдыка. Как на ролевиков полицию бросали с дубинками и водометами. Как самим приходилось хайратники делать, из маминых занавесок прикиды шить, помоечный дюраль молотком выстукивать - для доспехов... А сейчас! Нет, ты сравни, сравни, Петров! Все ведь у вас есть, все готовое, все покупное, играй - не хочу!.. Не хотят, - как бы извиняясь, обернулась она к Славику. Вздохнула, подошла к единственному в застенке окну, сняла верхнюю из конфискованных книжек. - Замков для вас настроили, крепостей всяких... На, Петров, забери. И чтобы больше я посторонних книг в школе не видела! Это хорошо, что ты на досуге увлекаешься Лесковым. Но всему свое время, Петров, всему свое время!

Глава 7. АЙНЕ КОЛОННЕ МАРШИРТ

*И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
Михаил Лермонтов*

«Байдана и мисюрка...» Ну какое, скажите, отношение имеют они к Средиземью? У Профессора и слов таких в заводе не было! Байдана - крупнокольчатая броня, не спасающая от колющих ударов, зато спасающая от рубящих, а мисюрка - круглый шлем, напоминающий тубетейку. И то, и другое исконный древнерусский антураж. Впрочем, много ли с нынешних райигротехов возьмешь - сплошь бывшие военкомы. Им что рыцарские доспехи, что эльфийские...

Боевой прикид в хозяйстве у Славика был, причем по нынешним временам уникальный - собственноручно снизанный из канцелярских скрепок, но как представишь, во что он скомкался в кладовке и сколько

все это теперь распутывать... Ну на фиг! Казенный выдадут. А не выдадут - еще лучше. Отбудем налегке...

Призванных на переподготовку оловых собрали в актовом зале поздним вечером. Оглядевшись, Славик обнаружил, что прочие тоже пожаловали в цивильном. Доспехов ни на ком не видать. Это хорошо. Значит, когда выстроится очередь в каптерку, станем в хвосте.

Вскоре все расселись, и за лекционной кафедрой вырос игротех. На полигон приказано выехать в ночь, а пока инструктаж.

- Тяжело в ученье - легко в игре, - начал с афоризма бывший военком.
- Как говорится, игра - это вам не игрушки...

Сидящий рядом Моя Прелесть Веня протер платочком очки и достал книжку.

- Что читаем? - полусшепотом поинтересовался Славик.

Замредактора показал обложку. «Гарри Поттер».

- Ты чо, сдвинулся? - искренне спросил репортер.

Веня отлистнул страничку и предъявил истинное содержание. Салтыков-Щедрин. «Губернские очерки». Вот оно что! Берем, стало быть, и переплетаем заново... Неужели собственноручно?

- Слушай, так ведь с электронной читалкой проще! Удобнее... Кнопочку нажал - и вот тебе нужный текст на мониторе. И переплестать не надо.

Очкастое рыльце стало печально-мечтательным.

- Нет... - промолвил со вздохом Веня. - Не понимаю я этих ваших читалок. Все-таки бумажную держишь в руке и чувствуешь - книга...

Поправил очки и с тихой улыбкой углубился в чтение. Однако Славику было уже не до замредактора. Перед внутренним взором его возникли узенький стеллажик и два «Властелина Колец» на нем. Один настоящий, а вот что, интересно, было в другом, исчезнувшем? Нет, но каков Боромир Святославович! Тихоня-тихоня, а гляди, что учудил... И второй вопрос: где взял? Ну не сам же в конце концов переплел!.. Славик попытался припомнить прочтённые им корявые циничные фразы, но вспомнил только одну: «Что есть война? - Убийство»... А не попросить ли у Борьки эту самую книжицу? Тайком от Кристины, понятно...

- Участились случаи землячества в среде цивиллов, - зудел тем временем райигротех. - Ваша прямая обязанность - такие рецидивы реала пресекать...

Временами в зудение это встречал шелест переворачиваемой Венеи странички. Больше нигде ничего не шуршало, потому что у остальных читалки были электронные. Зато мерещились призраки мелодий - некоторые сидели в наушниках и нагло слушали музыку, а то и смотрели фильм. Не догадавшийся заpastись чтивом Славик снова оглядел актовый зал и обнаружил во втором ряду еще одну тоскливо озирающуюся личность. Ею, представьте, оказался бывший классный

руководитель Славика Савелий Павлович. А этот-то как в олдвые попал, позвольте спросить? Ах да, он же сейчас в министерстве... По чину положено.

В отличие от Клары Карловны экс-преподаватель литературы пострадал от возраста куда сильнее. Волосики поредели, бороденка исчезла вовсе. Препными остались лишь глаза, недоуменные глаза великомученика, да беззащитно выпуклый лоб, по которому всегда хотелось чем-нибудь стукнуть.

Надо будет после инструктажа подойти поздороваться. Однако инструктаж, похоже, кончатся не собирался.

- Игровая подготовка превосходит военную уже в силу своей универсальности, - не унимался игротех, - поскольку предполагает освоение не только современного, но и исторического оружия.

Славик помаленьку начинал клевать носом. В полудреме соткался перед ним стенд «Страна Хоббитания», только вот заповеди на нем были какие-то не совсем знакомые: «Юный хоббит самолюбив», «У юного хоббита деревянные нервы». Хотел удивиться, но в следующий миг всхрапнул. Вздрыгнул, вскинулся - и, как выяснилось, очень вовремя: вокруг зашевелились, захлопали откидными сиденьями и, не снимая наушников, подались всей громадой на выход.

Поздороваться с Савелием Павловичем так и не удалось.

* * *

Колонна армейских грузовиков выползла из города на шоссе и с церемониальной неторопливостью двинулась в сторону поймы. Сорок километров в час, быстрее - ни-ни! Ограничение скорости было предписано в прошлом году, когда ролевая землеройная машина протаранила мирный «мерседес». Устроившись у бойницы, Славик отдраил металлическую заслонку и от нечего делать созерцал окрестный ночной пейзаж. Моросило. Колыхались полотнища белого света. Зернисто посверкивал асфальт. Зловещим видением проплыл завалившийся в придорожную канаву тупорылый дракон на базе гусеничной самоходки. Над поверженным чудовищем скорбно склоняли головы трое в эльфийских непромокаемых плащах. Послышалось сдавленное восклицание, причем отнюдь не на квенье (она же - высокая речь). Даже не на синдаринском.

Повезло ребятам. Пол-игры просачкуют. А с другой стороны, вытаскивать-то дракона кому? Им и вытаскивать...

Освещение внутри походной типографии было крайне скудное, красноватое. Веня, ругнувшись, закрыл и спрятал книжку. Попытался заглянуть через Славиково плечо в бойницу, не преуспел, поерзал, притуливаясь поудобнее. Однако попробуй тут засни: зябко, неловко и

потряхивает вдобавок.

- И все-таки лучше уж так, - уныло сказал замредактора. - Собраться успели, подготовились... А представляешь, каково завтра цивилиам придется? Спят себе в постельках, знать ничего не знают, ведать не ведают... Вдруг хватить их тепленьких, трезвеньких, и на полигон.

Славик хмуро покосился и не ответил. Наивный он, этот Веня. Можно подумать, ни разу на игру не выезжал...

* * *

Нуменор-3, основой которого служили руины водонапорной башни, ныне отстроенные и превращенные в донжон, ночью выглядел особенно жутковато. Свет фар походной типографии, перепрыгнув черный, кажущийся бездонным ров, уперся в сырую, наспех сложенную кирпичную стену, украшенную полузатертой надписью: «Торин - лох!!!».

Играть в башне было можно, жить - вряд ли. К счастью, за крепостной стеной имелась еще так называемая гостиница - длинное одноэтажное строение с койками и масляными обогревателями внутри. А то пришлось бы разбивать палаточный городок, в грязи, темноте, под мерзкой изморосью. Удовольствие, прямо скажем, невеликое.

Пока опустили мост, пока перегнали технику через ров, пока запустили движок и закончили вчерне с обустройством территории, пошел уже третий час. Наконец Славик добрался до койки и заснул мгновенно и мертво.

Когда открыл глаза, в низкие квадратные окна лезло развеселое солнышко. Рог еще не трубил. Движок тоже молчал. Как и было обещано, после ночного марша дали выспаться. Сосед справа потянулся, сел, огляделся.

- Доброе утро, Славик, - озадаченно сказал он. - Или тебя теперь положено Урлом величать?

- Доброе утро, Савелий Павлович, - ответил тот и тоже сел. - Величайте как хотите... А вас-то чего загребли?

- Оказывается, по штату положено, - со вздохом отозвался бывший педагог. - Если работаешь в министерстве, то хотя бы раз в году будь добр выехать на полигон.

- А что вы там делаете, в министерстве?

- Так... под ногами путаюсь.

- По школе не скучаете?

- Нет, - сказал Савелий Павлович и неожиданно улыбнулся.

Хлопнула дверь, вошел озабоченный райигротех, оглядел койки. С ним поздоровались, нестройно и как можно тише, чтобы не разбудить досыпающих.

- Урл Левая Рука?

- Я... - с интересом глядя на вошедшего, отозвался Славик.
- Мордорский знаете?
- Фигли там знать! Аш назг дурбатулук...
- Вот и отлично, - с облегчением сказал игротех. - Значит, будешь поражать врага ужасом на его собственном языке...
Славик возмутился, сбросил ноги на пол.
- Не понял! - угрожающе произнес он. - Мое дело - начертательная магия, - полез в боковой кармашек рюкзака, извлек приписную квенту. - Вот! Черным по белому... - взгляделся в первую строку, моргнул. «Ординарец одиннадцатой роты девяносто первого пехотного полка Йозеф Швейк...» - значилось там. А дальше, что самое любопытное, все, как раньше: Урл Левая Рука, и так далее... Что за диво? Либо в райигропункте напутали, не из той игры вlepили, либо кто-то нарочно приколотся. Такое тоже иногда случалось...
Райигротех скривился, потер лоб.
- Да понимаешь... - страдальчески выговорил он. - Спецпропагандиста призвать забыли...
- Кого забыли?
- Ой... - спохватился игротех. - То есть не пропагандиста, а этого... Как его по игре? Ну, на драконе сидит с матюгальниками.
Подошел очкастый Голлум Веня. Личико заранее несчастное.
- Вы что, Славика у меня забираете? - испуганно спросил замредактора. - Я без него не справлюсь.
- Справитесь, справитесь, - успокоил игротех. - Ну нельзя нам никак без дракона! - жалобно вскричал он. - Гроссмейстеры придут, замминистра придут! Игра-то показательная.
- Замминистра? - оживившись, переспросил бывший педагог, а ныне работник министерства. - Петр Маркелович?
- Если бы! - буркнул игротех. - В том-то и штука, что Николай Иванович! С Петром Маркеловичем мы бы и горя не знали... Ну ты как, Урл? Кончай малодушничать! Решайся.
Славик размышлял. Глаза ролевика стали загадочными и жуликоватыми. Голлум Веня смотрел на коллегу то с ужасом, то с надеждой.
- Не, ну раз надо... - вымолвил наконец Урл.
Игротех обрадовался. Замредактора застонал. А в следующее мгновение во дворе завыл рог. Пора, пора...

* * *

Весь день потратили на воздвижение палаточного городка за пределами крепости. Ночь прошла спокойно, а ранним утром подкатили автобусы с цивилами, взятыми на игру, согласно

предписанию, тепленькими, из постелек. Трезвых среди прибывших не было.

Эх, ролевики, ролевики... А ведь подписку давал и о неразглашении! Что касается Славика, его совесть была чиста - никому ни словечка. Разве что соседу по этажу шепнул, ну так это ж сосед: не предупредишь, обидится вусмерть...

Да и сами игротехи, судя по графику заезда, не слишком верили в неукоснительное соблюдение секретности. Вот он, график-то: вчера оловые, сегодня цивильные, завтра приведение народа в чувство, а уж послезавтра, когда протрезвеют, игра. Выбор полигона опять-таки свидетельствовал о прозорливости организаторов: единственной лазейкой в реал (иными словами, в сельский магазин) служил мост через Гоблинку, а на мосту силы добра выставили пикет.

Неудачнику по жизни и по игре Вене приказано было остаться в лагере, где со скандалом изымались прихваченные из дому запасы спиртного. Пока мрачный подвал донжона заполнялся конфискованными бутылками, Славик с Савелием Павловичем, везунчики этикие, в составе отряда стражников шли себе налегке к мосту.

Зелень, солнышко, шершавый от влаги воздух.

- Савелий Павлович, - сказал Славик. - А вот... «Храбрость состоит из самолюбия и деревянных нервов...» Откуда это?

Бывший преподаватель внимательно посмотрел на выученика и как будто что-то заподозрил.

- Лев Толстой, - не сразу и как-то больно уж осторожно отозвался он. - «Севастопольские рассказы». Почему ты спрашиваешь?

- Так... Услышал.

А ведь, если вдуматься, государственный переворот ударил по Савелию Павловичу куда больнее, чем по всем прочим. Зануда, конечно, вечно в душу лез, приставал с дурацкими вопросами, но предмет свой любил. А изъяли Гончарова с Толстым из школьной программы - и куда ему податься? Хорошо Петр Маркелович под крылышко взял, пристроил в министерство.

В глубине души Славик готов был посочувствовать Савушке, кабы не одно обстоятельство: а именно - внезапная улыбка, с которой тот признался, что по школе больше не скучает.

- А все-таки, Савелий Павлович, что вы там делаете, в министерстве? Вы же ролевые игры терпеть не могли...

Второй раз Савушка отшутиться не посмел и призадумался, словно бы прикидывая, какую часть правды позволено ему огласить в данном случае.

- Проверяю отдельные произведения, - не слишком убедительно сообщил он.

- На играбельность?

- Пожалуй... да.

- Классику?

- Н-ну... В основном.

Ага. Вот уже кое-что становится понятно. Сидит себе в кабинетике и, послав всех на фиг, почитывает в свое удовольствие любимые книжки.

- А как считаете: по «Севастопольским рассказам» играть можно?

Савелий Павлович улыбнулся вновь.

- Нет.

- Почему нет? Там же оборона Севастополя.

- Оборона-то - оборона... - Иконописное личико зануды Савушки стало тревожно-задумчивым. - Как бы это тебе, Славик, объяснить?.. Понимаешь, большинство людей очень боится заглядывать в себя. И правильно, кстати, делает. Страшноватенько там, знаешь, внутри. Не каждый отважится. Проще себя придумать.

- Как это?

- Так. Устроить внутреннюю ролевую игру. Вот для интереса попроси кого-нибудь рассказать, что он за человек. И он почти наверняка поведаст о том, каким бы хотел стать. Придумает себе прошлое, настоящее...

- Прошное придумает?

- Всенепременно! У вас это, если не ошибаюсь, называется квентой. Жизнеописание персонажа вплоть до событий данной игры... То бишь до вашего с ним разговора.

- Нет, но... Прошное-то по жизни на самом деле было.

- Ты уверен? Прошное наше настолько нами приукрашено, что, можно сказать, вымышлено. Простой пример: стряслось у тебя давным-давно что-то с кем-то. И вот встретились вы спустя какое-то время, стали задним числом разбираться. Он точно помнит, что все было так, а ты точно помнишь, что по-другому. Ты ему говоришь: «Врешь!» - и он тебе говорит: «Врешь!». А вранья-то и нет никакого. Просто каждый запомнил о себе только хорошее, слепил из этих кусочков автобиографию, вжился в нее и теперь отыгрывает. Ну и чем же это тебе не квента?

- Слушайте, ребята! - не выдержав, вмешался в их разговор один из стражников, мумакоподобный детина в казенной митриловой кольчуге.

- Хорош о квенте! Заколебали уже: на полигоне квента, тут тоже квента... Гляньте, погодка какая!

* * *

Первая смена в пикете прежде всего замечательна тишиной и покоем. Лежи себе, загорай. Алкаши из цивильных если и попробуют прорваться в магазин, то ближе к вечеру.

- Значит, по-вашему, человек сам о себе никогда правду не скажет? - спросил Славик.

- Он ее даже самому себе не скажет, - ответил со вздохом Савелий Павлович. Оба сидели на обрубке бревна справа от въезда на мост. Рюкзачок, зачем-то прихваченный бывшим педагогом из лагеря, валялся в ногах. - Я ж тебе говорю: нормальный человек никогда себя не исследует - он себя придумывает. Вплоть до недостатков. Да-да, представь! Берет преувеличенные достоинства и объявляет их своими недостатками: слишком я честный, слишком доверчивый, оттого и все мои жизненные неприятности...

- Но со стороны-то его все равно видно!

- Ну это тоже, знаешь, как сказать... Видно-то видно, а вот кого?

- То есть как - кого? Того, на кого глядят...

- А может, того, кто глядит?

Славик не понял. Озадачился.

- Сейчас попробую объяснить, - видя его затруднение, сжалился Савелий Павлович. - Тут такое дело: свои настоящие недостатки мы замечаем только в других. В себе мы их не замечаем. Обрати внимание: трус всегда обвиняет всех в трусости, завистник - в зависти. Поэтому, если хочешь узнать, что перед тобой за человек, спроси, кто его злейший враг, и предложи о нем рассказать. Тут же всю правду о себе и выложит, до последнего грешка.

Славик с неприязнью покосился на собеседника. Ишь! Вознесся... Всех насквозь видит! Проницатель! Око Саурана... «Ой! - тут же спохватился он. - А ведь это я, получается, о себе подумал. Гляжу на Савушку и вижу в нем свои же недостатки...»

Действительно, Славик и впрямь считал себя весьма проницательным человеком, подчас даже гордился своей проницательностью, да и с самооценкой у него дела обстояли неплохо. Словом, неловко ему стало, неприятно. Сморщился, потер лоб и решил вернуть беседу в прежнее русло.

- А все-таки! Почему нельзя играть по «Севастопольским рассказам»?

- Потому что в Толстого играть - только расстраиваться. Зачем вообще человек играет? Чтобы незаметно возвысить себя в собственных глазах. Так вот с графом такая штука не проходит. Он-то как раз не придумывает людей, он именно исследует, причем беспощадно. Ну кто бы еще додумался, что каждое наше достоинство разбирается на отдельные недостатки!

- Это как?

- Позволь! Ты же сам начал с того, что храбрость состоит из самолюбия и деревянных нервов...

Славик моргал. Савелий Павлович поднялся с бревна - размять ноги - и мечтательно посмотрел на дальнюю рощицу:

- Эх, по грибы бы сейчас...

Ну слава богу! Разговор вернулся из пугающе смутных глубин в солнечный бездумный мир. Жить стало вновь легко и просто.

- А что вам мешает? За рюкзаком я послежу.

- Н-ну... игротех с проверкой нагрят...

- Не нагрят.

- А вдруг?

- Скажем ему, что вы местность пошли осматривать... Вы кто по квенте?

- Знахарь.

- Тем более!

Савелий Павлович подумал, затем нагнулся к лежащему в ногах рюкзаку и, развязав, вынул из него туесок, наполненный пластиковыми пакетами с мелким походным барахлом. Барахло отправил обратно, а сам встал и, прихватив берестяное изделие, двинулся к тополиной рощице. Когда сутулая фигурка грибника скрылась окончательно, к Славику приблизился один из стражников.

- Ты его давно знаешь?

- По жизни?

- Да.

- Давно... Учитель мой... Сейчас - в министерстве.

- Доиграется... - загадочно обронил стражник, пристально вглядываясь в перелесок.

- А что такое?

- Подпол.

- В каком смысле? - не понял Славик. - Подполковник?

- Подпольщик. Целая группа под ним в министерстве. Про переплетчиков слышал?

Славик ошалело оглянулся на дальние тополя, за которыми исчез Савелий Павлович. Ничего себе новостиска!

- Запрещенку переплетают и распространяют.

- Какую запрещенку? - запинаясь, спросил Славик. - Запрещенной литературы у нас нет.

- Тихо ты! Давай-ка подальше отойдем...

Отошли. Случись подобный разговор на полигоне лет десять назад, Славик бы решил, что мастера усложнили сюжет и дают ему через стражника вводную. Однако с тех пор, как ролевые игры стали всеобщими и обязательными вплоть до пенсионного возраста, все перепуталось настолько, что ни за что уже нельзя было поручиться. Реал пролезал во все щели, нигде от него не укроешься.

- Сегодня нет, - понизив голос, продолжил загадочный стражник. - А завтра, глядишь, будет...

- Погоди, - попросил Славик. - Переплетают - в смысле...

- Ну да! Берешь книгу. С виду «Многорукий бог далайна». А откроешь - «Война и мир».

- Или открываешь «Гарри Поттера», а там Салтыков-Щедрин?
- Именно!
- Так Щедрина с Толстым, сам же говоришь, никто не запрещал! Что ж эти твои подпольщики переплетают? Какой смысл? Сиди, пожалуйста, читай...
- Дома - пожалуйста, - не стал спорить стражник. - А на работе? А в транспорте? Бабушки-старушки обложку увидят - хай подымут.
Славику тут же вспомнилось письмо в редакцию. «Он живет под чужой фамилией. Я не знаю ее. Он раньше был знаком мне в молодости. Он печатал запрещенку. Теперь переплетает...» Может быть, не только реал проникает в игру, но и игра в реал? Вдруг уже и пенсионеров задействовали? Поиск вредителей и все такое... Чем не сюжет? Да нет, так не сыграешь! И письмеца такого не придумаешь. Тут и жгучая обида за неизвестно куда и на что потраченную жизнь, и желание хоть на ком-нибудь эту обиду выместить.
- Так мне его предупредить, что ли?
- Не вздумай! - Стражник округлил глаза и крепко ухватил за руку. - Тут слежка идет, а ты расселся с ним на бревне, вроде сговариваешься... Поосторожнее давай.
- Слежка? По игре?
Стражник осклабился.
- Ага! По игре. Только не по нашей.
- А по какой?
- По министерской. У них там сейчас знаешь какое взаимопожиралово! И под замов копают, и под министра.
- Так я-то не из министерства!
- Н-ну... - Стражник снял шлем-мисюрку и, почесав маковку, водрузил снова. - Мое дело предупредить.
Кстати, детина в кольчуге из митрила был Славику незнаком. А с виду - ровесник. Значит, до переворота он отношения к ролевой тусовке наверняка не имел... Может, и впрямь реальный агент? Или даже контрагент! Поди пойми... Жизнь - это ведь вам не игра. Начнешь распутывать - башку свернешь...

Глава 8. ИГРА В КЛАССИКИ

*А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светлы
В катакомбы, в пустыни,
в пещеры.*
Валерий Брюсов

Низкорослый пузатенький гроссмейстер в сером сюртуке и треуголке шел по крутому травянистому берегу Гоблинки и с недоумением озирался. Нигде никого. Возможно, затаились в засаде, поджидая условное зло, а возможно, уклоняются от игры.

Второе предположение было, конечно же, ближе к истине: именно уклонялись, точнее прятались по кустам при виде придирчивого к мелочам высокого начальства. Савелий Павлович, например, в данный момент укрывался в сухой канаве за ивой. Кузовок с грибами стоял рядом.

Понаехало гостей из столицы - шагу ни ступи! Игра-то показательная...

Внезапно пингвиний профиль гроссмейстера вздернулся, а в глазенках затеплилось вождение - начальство узрело ролевика-уклониста, беглеца в реал. Затем столь же внезапно взгляд потух, и должностное лицо неловко затопталось, словно бы в поисках куста, за которым можно спрятаться. Что же касается уличенного в самоволке рукастого дылды лет двадцати пяти, то он мало того что не выказал ни малейшего испуга - напротив, двинулся напрямик к оробевшему чиновнику.

- Господин гроссмейстер! - укоризненно и проникновенно обратился он. - Ну, когда же наконец моего дракончика починят? Мне играть надо, панику на врага наводить... на мордорском наречии...

Савелий Павлович отвел в сторонку мешавшую обзору ивовую плеть и невольно залюбовался бывшим своим воспитанником. Высший пилотаж! В то время как все разбегались от острого взора ролевых чинов, Урл Левая Рука смело шел в любовую атаку, и отвязаться от него было весьма затруднительно. Точно зная, что дракона на базе гусеничной самоходки с матюгальниками отремонтировать будут долго, Славик терроризировал начальство, ничем не рискуя. Замминистра, грозный Николай Иванович, при встрече с ним просто уже не знал, куда бежать.

Да уж, что олдовый, то олдовый... Целыми днями, пока остальные отыгрывали эпизоды или отсиживались по кустам, Урл нагло валялся на своей койке в гостинице и, покусывая огрызок ногтя, почитывал от нечего делать «Губернские очерки», изъятые у Голлума Вени, поскольку тому читать было некогда. Утро начинал с оздоровительной пробежки вокруг мохнатого от пара озерца - словом, жил в свое удовольствие.

- Ну так когда же, господин гроссмейстер? - в отчаянии вопрошал Славик.

Начальство произвело судорожный жест пингвиним крылышком (мол, не сейчас, потом!) и самоубийственно сверзилось по крутой тропинке на сырую полоску песка к самой воде. Дескать, дела у него там. Славик скорбно покивал вослед, потом бесстыдно усмехнулся и

направился восвояси. Проходя мимо ивы, за которой прятался грибник, приостановился, поприветствовал. Савелий Павлович подхватил кузовок и выбрался из канавы.

- Чего это вы? - полюбопытствовал Славик.

- От господ подалей, - цитатой отвечал ему словесник. - От них беды на всякий час себе готовь...

- Так вы ж знахарь!

- И что?

- Савелий Павлович, хотите совет? Впишите в квенту, что вы должны собирать грибы для зелья. Только обязательно у райигротеха заверьте. Прицепится гроссмейстер - а вы ему на лоб бумажку с печатью! И все дела.

- Разумно, - одобрил знахарь. - Слушай, что это за ерунда в квенте?

- А что там?

- Да понимаешь, вставка у меня какая-то странная: «Лекарь военного времени, доктор медицинских наук Фридрих Вельфер...» Ошибка?

- Да наверняка! Две разных игры перепутали. У меня и вовсе написано «Швейк».

Со стороны Нуменора-3 доносились побрякивание железа и команды на эльфийском. Давно отзвучал государственный гимн - показательная полигонка шла вовсю. По зарослям тальника, брэнча байданой, пробежал согнувшийся в три погибели дезертир.

Славик помедлил, поколебался.

- Савелий Павлович, - сказал он. - А почему вы не скучаете по школе? Бывший педагог пристально взглянул на бывшего ученика.

- Язык за зубами держать умеешь?

- Умею.

- Тогда присаживайся... - Савелий Павлович сел на травянистый край канавы, сбросил ноги вниз и приглашающе хлопнул по земле ладонью.

- Знаешь, Славик, - признался он, помолчав, - а ведь это я присоветовал Петру Маркеловичу изъять классику из школьной программы.

Славик был поражен.

- Вы? - переспросил он, присаживаясь рядом. - Ни за что не поверю!

- А придется... - промолвил работник министерства, задумчиво пощипывая то место, где когда-то у него произрастала косая полупрозрачная борода. - Понимаешь, отчаялся я! Втираешь-втираешь вам Гоголя в мозги, а вы его сильнее и сильнее ненавидите. Читаете в отместку черт знает что, а то и вовсе читать бросаете! Видишь ли, дружок, бог его разберет, в чем тут дело, но в наших условиях буйно расцветает лишь то, что подвергнуто полузапрету. Вот я и подумал: а ну как воспользоваться случаем...

- Саве-елий Палыч! - укоризненно одернул его Славик. - А то я вас не знаю! Да вы и мухи не обидите... А тут стольким людям, получается,

жизнь сломали, работы лишили.

- Кого я лишил работы?

- Да тех же старых училок! Вы вспомните, какие митинги в Гоблино были, когда школьную программу меняли! Чуть революция не стряслась.

- И чем все кончилось?

- М-м... - Славик напряг память, но так и не вспомнил.

- Ничем, - подсказал бывший преподаватель. - А знаешь почему? Теперь все эти революционерки, все эти разгневанные тетеньки работают на меня... Нет, не на меня, разумеется, лично - должность моя в министерстве маленькая, но...

Из зарослей тальника высунулось настороженное, словно чутко принюхивающееся, рыло дезертира - судя по всему, из цивиллов. Заметил сидящих и замер, не зная, на что решиться.

- Не понял! - надменно и несколько гнусаво изумился Урл Левая Рука.

- Кто такой, почему не в игре?

Дезертир подхватился и опрометью кинулся прочь. Восстановив порядок, Славик вновь повернулся к Савелию Павловичу. Сильно был заинтригован.

- А как это они на вас работают?

- В условиях глубокой конспирации.

- Шутите? - вырвалось у Славика.

- Нисколько. Организация засекречена, каждая акция тщательно планируется.

- А что за акции?

- Н-ну, скажем, тайное изучение после уроков «Униженных и оскорбленных» Достоевского.

- Тайное?

- Именно тайное.

- Ишь ты! - с уважением вымолвил Славик.

- Да, вот так... Нет, посадить, конечно, училку, сам понимаешь, не посадят и выгнать не выгонят, а вот выговор за такие проказы влепят запросто. Да и под сокращение потом могут подвести.

- Часто так было?

- Да пока Бог миловал. Я ж говорю: полная конспирация. В коридоре кто-нибудь из учеников на стреме стоит с телефоном - прогульщиком прикидывается... Нет, ну случались накладки, случались... - вынужден был тем не менее признать он. - Тоже ничего страшного. Есть у нас на такую проруху особый отдел. Завуча подкупить, директора подшантажировать...

- Со взрослыми тоже работаете?

- А как же! Вот скажи, много ты раньше встречал взрослых, чтобы для души Пушкина перечитывали, Лермонтова? Сдадут экзамены - и тут же все забудут. Ну, может быть, какой стишок в памяти застрянет... А

сейчас, ты не поверишь: тайные сходки аксаковцев, бунинцев... Туда еще попробуй внедрись! Проверки, перепроверки, агентурные сети, пароли... Каждая группа разбита на ячейки по четыре человека - если кто попадется, максимум троих выдаст - с другими-то он незнаком.

- А переплетчики?

- Ну, эти сами по себе. Во всяком случае, финансово они от нас не зависят - на обложках зарабатывают...

Вот как? Стало быть, дорогое удовольствие. Откуда же, в таком случае, Боромир Святославович раздобыл денег на бумажную, вручную, да еще и подпольно переплетенную книгу? Накопил? Заработал? Ладно, вернемся - выясним.

Покосился украдкой на конспиратора. Тот молчал. Слушал кукушек. На устах обозначилась все та же лирическая улыбка, что возникла, когда Славик спросил, не скучает ли Савелий Павлович по школе.

- И знаешь, - как бы по секрету поделился бывший преподаватель, а ныне глава Гоблинского подполья, - никогда я так не был счастлив. Ты представь: читают, вникают... Не из-под палки, не за оценку...

- Потому что классика подвергнута полузапрету?

- Н-ну, не совсем полузапрету... Скажем так: неодобрению властей.

- Так вы меня вербуете, что ли?

- А что тебя вербовать? - ухмыльнулся Савелий Павлович. - У самого вон Салтыков-Щедрин в обложке от «Гарри Поттера» под подушкой! Значит, дружок, надоело тебе в жизнь играть - решил ее на ощупь попробовать.

Славик посидел, поморгал.

- А если завтра возьмут и совсем запретят? - выпалил он, вспомнив загадочного стражника. - Или в заговоре вас заподозрят? Против правительства... Организация-то тайная.

Савелий Павлович с недоверием уставился на бывшего своего ученика.

- Господь с тобой! - произнес он чуть ли не испуганно. - Ты что, ничего не понял? Можно подумать, не ролевик. Это же игра! Ролевая игра в тайную организацию. Я ее провожу, а Петр Маркелович меня курирует. Все по закону!

Славик присвистнул.

- Вон оно как... - пробормотал он. - Ловко... Минутку! А все эти училки, подпольщики - они знают, что они в игре? Вы их предупредили?

- Зачем? - поразился Савелий Павлович. - Ролевая игра второго порядка - здесь никого ни о чем не предупреждают. Да и потом: что ж они, глупенькие? Если бы захотели, сами обо всем давно догадались бы... Ну разоблачат, ну... Дальше что?

В отдалении, шурша и хрустя тальником, приобрели три нетрезвых эльфа.

- А с гномосексуализмом, - глумливо вещал один из них, - мы будем

бороться беспощадно!

- М-да... - саркастически изронил Савелий Павлович, проводив троицу взглядом. - А признайся, Славик: наша-то игра по нынешним временам покруче будет, чем весь этот ваш Нуменор. Знаешь, как проще всего вылечить от нимфомании? - неожиданно спросил он.

- Как? - опешил Славик.

- Заставить нимфоманку профессионально заниматься проституцией. Вмиг надоест...

Оба, уловив краем глаза некое движение, повернулись в сторону крепости. Там между кряжистых верб обозначились две одинаково тщедушные фигурки в темно-серебристых пластиковых кольчугах под митрил. Один, несомненно, помощник райигротеха - тот, что приходил к Славiku с повесткой; другой, столь же несомненно, Голлум Веня. Оба озирались, оба кого-то высматривали.

- Савелий Палыч! - зычно воззвал один. - Ау-у!.. Хорош грибы истреблять! На развод оставь!

- По мою душу, - скорбно известил знахарь и встал. Двое в митрилопласте устремились к иве над канавой.

- Савелий Палыч, тебя там жена ждет в Нуменоре, - обрадовал помощник.

- Как жена? - растерялся тот. - Позвольте, но у меня в квенте...

- Да не по игре жена! По жизни. Сейчас приехала.

Савелий Павлович вскочил, на лице не поймешь: то ли радость, то ли испуг - кинулся было в направлении крепости, потом опомнился, вернулся за кузовком. Подхватил и неспешно двинулся к Нуменору.

Трое посмотрели ему вослед, и всем показалось, что поступь бывшего учителя с каждым шагом становится тверже, увереннее, а осанка прямее. Так обычно бывает, когда человек входит в игру или, напротив, выходит из нее.

Помощник райигротеха, вспомнив, видать, еще о чем-то, резко повернулся к Урлу.

- Гроссмейстера не видел? Говорят, здесь бродит.

- Там где-то... - Урл Левая Рука лениво махнул в сторону прибрежной кручи.

Чуть ли не на цыпочках двое в митриле подобрались к обрывчику, взглянули вниз - и отпрянули. Славик из любопытства тоже подошел. Страшное зрелище предстало его глазам. Справа по кромке сырого песка приближался гроссмейстер. А слева, шагах этак в пятнадцати, спускался к воде расхлюстанный уклонист со спиннингом в руке. Встреча была неизбежна - и она состоялась. Сошлись лоб в лоб. При виде высокого начальства беглый ролевик обмер.

- Чей спиннинг? - брюзгливо осведомилось начальство.

- Мой, - обреченно признался самовольщик.

- Ну-ка дай.

Пингвиноподобный гроссмейстер забрал снасть и осторожно, впереступочку взошел на ближайшую корягу. Пробный бросок лег на воду совсем рядом, но, следует признать, выполнен был вполне профессионально. Удовлетворенно хмыкнув, гроссмейстер размахнулся пошире, что-то щелкнуло - и вокруг катушки за клубилось облачко лески, так называемая «борода».

Снова сошел на песок, испепелил взглядом владельца, сунул ему спиннинг и, брезгливо отряхнув руки, полез по тропке на обрывчик, где, вытянувшись в струнку, ждали своей участи помощник райигротеха и Голлум Веня. (Славик счел за лучшее отступить к канаве, чтобы лишний раз не пугать собой высокого гостя.)

Гроссмейстер сурово оглядел из-под треуголки двух исправных, готовых на все ролевиков.

- Сколько намечено выпустить номеров «Игрового листка»?

- Два! - отрапортовал помощник.

- Выпустят три, - отрубил гроссмейстер и, заложив пальцы в разрез сюртука, вперевалку двинулся прочь.

* * *

В гостинице было пусто - все на игре. При виде мужа Клара Карловна вскочила с табурета, и в беспомощно раскрывшихся глазах завуча обозначились трепет и преданность. Супруги обнялись.

Трудно сказать, какое из двух событий в большей степени потрясло педагогический коллектив десять лет назад: победа Шкарятина на выборах или же помолвка Савелия Павловича с Кларой Карловной. И то, и другое представлялось одинаково невероятным. Ролевики бы сказали: мастерский произвол. Но если в неразумности нового Президента кое-кто еще сомневался, то безумие молодоженов угадывалось изначально. Впрячься в одну телегу при такой несхожести характеров? Впору было отсчет включать: десять минут - брак нормальный... сорок пять минут - брак нормальный... Отдельные мерзавцы даже заключали пари, скоро ли стервоза Клара вышибет зануду Савушку за порог и будет ли это сопровождаться телесными повреждениями.

Все пари были проиграны. Отметили ситцевую свадьбу, бумажную, кожаную, льняную... Осенью собирались отметить розовую (она же оловянная). Пришлось местным Нострадамусам внести коррективы в давние свои пророчества и стали уже слышаться такие речи: «Ну? Что я вам говорил! Душа в душу живут...» И все же сквозили в глазах говорящего обида и недоумение: как же так?

Что тут предположить? Возможно, сработал принцип шестеренок, когда недостатки одного супруга с идеальной точностью укладываются

в недостатки другого, что, как известно, дает в итоге нерушимый союз. Да, но почему главой семьи оказался именно Савелий Павлович, а не наоборот? Тоже вполне объяснимо (задним числом объяснимо все на свете). Интеллигентный, податливый, уступчивый Савушка тем не менее мыслил самостоятельно, в то время как Клара Карловна с юных лет неизменно выступала в качестве инструмента. Отточенного, закаленного, надежного - но инструмента.

Ну и, видимо, самое главное - оба к началу своего романа не имели ни малейшего опыта в личной жизни. Познания их в этой области были разрознены и большей частью почерпнуты из художественной литературы. Клара примерно представляла, как должна вести себя жена, а Савелий (столь же примерно) - как должен себя вести муж. И оба отыгрывали как могли. Так мало-помалу в одном начала полегоньку проглядывать мужественность, в другой - женственность.

Тем-то и хороша ролевая игра в любовь: все то же самое, все как в жизни, но без трагических последствий.

Супружеское объятие не размыкалось довольно долго, будто и не супружеское. Внезапно Клара Карловна уткнулась лицом в плечо мужа, всхлипнула.

- Что с тобой? - не понял он.

- Я боюсь за тебя... - жалобно сказала Клара.

- Глупенькая... - снисходительно молвил Савелий. - Что тут со мной может случиться? Хожу по грибы... - Он оглянулся на оставленный у порога берестяной туесок. - Кормят, правда, неважно, но терпимо... Или ты боишься, что я тут с какой-нибудь ролевичкой сойду? Так они все в Нуменоре-4, а на мосту пикеты.

- А ну тебя... - глухо произнесла она и отстранилась. Бросила опасливый взгляд на дежурного доспешника в дверях. - Вот посмотри. - Из сумочки был извлечен конверт. - Пришло сегодня. Причем уже вскрытое... Опять донос на Нинель Васильевну. Сколько я могу ее покрывать?

- Сколько надо, солнышко, - с укоризненной улыбкой увещевал супруг.

- Подумаешь, письмо.

- Если бы только письмо! Вся ваша конспирация трещит по швам! Понимаешь? Вся!

Савелий Павлович рассмеялся.

- Не принимай так близко к сердцу. В конце концов, это же только игра...

- Боюсь, мы уже доигрались, - стонуше отозвалась Клара.

Савелий насторожился.

- Погоди-ка... - попросил он. - Давай по порядку.

Она послушалась. Безропотно села на стоящую между койками табуретку, беспомощно уставилась на супруга.

- Под Петра Маркеловича копают, - выдохнула она.

- Знаю, - кивнул он. - Копают. Не первый год.

- Нет, не знаешь! - В голосе ее зазвучали трагические нотки. - Все очень серьезно. Настолько серьезно, что ты даже представить себе не можешь. Ему подрывную деятельность шьют! Значит, и тебе тоже.

А Славик-то, оказывается, как в воду глядел. Савелий Павлович прищурился.

- Кто шьет?

- Не знаю. Но уже специальная группа создана. «Око Саурана». Что-то вроде инквизиции.

- В нашем министерстве?

- Нет! В том-то и дело что не в нашем!

- А кто же тогда? - Савелий Павлович моргнул. - Полиция? Контрразведка? Они уже все давно под нами.

И это было чистой правдой. За истекшие десять лет министерство ролевых игр подгрело под себя и экономику, и образование, и контрразведку, что, конечно же, нравилось далеко не всем.

Глава 9. ДОЗНАНИЕ

Безнравственная тварь!

Теперь твое я вижу направленье!

Алексей Константинович Толстой

Тем временем Славик, затосковав от безделья, решил совершить пеший поход к так называемому священному бугру, единственному месту на полигоне, где иногда оживала сотовая связь. Бугор, как правило, охранялся, но Урлулевой было на это наплевать - стражники все свои. Конечно, он мог бы развеять скуку и по-другому, приняв участие в общем деле, однако с некоторых пор уклонение от игры стало для него самой увлекательной из игр.

Завернул по дороге в мертвятник, посмотрел, как могучий Аскольд (он же Илиодор, он же Василий) мается с убитыми. Судя по всему, занятие это надоело ему до чертиков - и владыка загробного мира откровенно развлекался.

- Кто из вас умер, - вещал он, - пусть явится в течение трех дней в штаб корпуса, чтобы труп его был окроплен святой водой...

Приход постороннего застал шутника врасплох. Крякнул владыка, взялся за игру всерьез.

- Ну, а вот пока ты был жив, - сурово обратился он к приземистому гному в накладной рыжей бороде (явно из каптерки). - Кого убил, кому помог?.. Колись давай... Мне ж тебе еще посмертное воздаяние определить надо...

Покосился на пришельца и узнал в нем Урла. Тут же прервал дознание, велел гному посетить храм за рощицей, душу очистить. Тот поплелся куда велено, а оба ветерана ролевого движения, пока улита едет, сели рядом, поговорили с тоской о прошлых временах, о нынешних.

- Последний раз выезжаю... - гудел Аскольд. - Сил моих больше нет. Смотреть не могу на этот бардак... Упрошу настоятеля, чтоб освободил. Пусть другого кого посылают.

Поодаль слонялись ожидающие своей участи убиенные в белых хайратниках.

Потом возвратился гном (кстати, подозрительно быстро), и Славик двинулся дальше. Обогнув осиновую рощицу, приостановился. Похоже, охрана со священного бугра была снята. Покатый холмик, увенчанный сгруженными как попало бетонными блоками, призванными изображать руины древнего мегалита, казался совершенно безлюдным. А, нет!.. Кто-то там наверху все-таки был. Пулю небось расписывают или нелегальные книжки читают.

Взбегая на склон, Славик различил голоса. Незнакомые. Начальственные.

- Это не игра! - рубленными фразами изъяснялся некто незримый, и чувствовалось, что он при этом слегка выпучивает глаза. - Это саботаж! Массовый и организованный.

- Возникает вопрос: кем организованный? - вильнул в ответ елейный теноришко.

Славик пригнулся и продолжил путь наверх короткими перебежками. Добравшись до первого мегалита, залег, выглянул. На двух бетонных блоках, застеленных раскатанными «пенками», сидели друг напротив друга четверо: грозный замминистра Николай Иванович с багрово-синим пятном на переносице и трое гроссмейстеров в сюртуках и треуголках - в том числе и тот, пузатенький.

Все понятно. Караул отослали, а сами решили провести секретное совещание.

- Что значит - кем? - гневно вздымая бровь, переспросил замминистра. - Вашим разлюбезным Петром Маркеловичем, кем же еще? Развал, полный развал...

- Может, оно и к лучшему, - побряхтев, отозвался третий. - Давно он по краешку ходил, ох давно. Представить отчет о том, что здесь творится...

- И обязательно упомянуть, что сам он даже приехать сюда не удосужился, - подтявкнул пингвиноподобный. - Видите ли, некогда ему...

Справа послышался шорох. Славик повернул голову и увидел еще одного соглядата, залегшего за соседним блоком. Зеленоватый плащ эльфийского образца сливался с травой. Кто-нибудь наверняка из

отосланного на фиг караула. Любопытно ведь... Видя, что его заметили, подслушивающий приложил палец к губам. Славик кивнул.

- А мне это, честно сказать, не нравится, - прозвучало на бугре.

- Что именно?

- Что его здесь нет.

- Петра Маркеловича?

- Подозрительно как-то... Откровенно провалил игру, а сам даже носа не показывает.

- Может, потому и не показывает?

- Ну не самоубийца же он! - вспылил гроссмейстер. - А раз не самоубийца...

Четверо на бугре тревожно задумались.

- М-да... - вымолвил наконец замминистра. - Как бы оно там ни было...

Отчеты готовы?

- В целом готовы.

- Тогда не будем даже ждать конца игры. По машинам - и в министерство. Застанем нашего кудесника врасплох.

Славик сообразил, что секретное совещание вот-вот завершится, и стал отползать.

* * *

Он вбежал в гостиницу, буквально отшвырнув дежурного - громоздкого детину в кольчуге и шлеме.

- Савелий Павлович! - крикнул Славик. - Савелий Павлович!..

Низкое, длинное, беленое изнутри строение пусто. Из-под койки в проход выглядывает бочком знакомый туюсок. На нетвердых ногах Славик приблизился, взглянул. Берестяное изделие было на треть заполнено собранными сегодня утром грибами. А других Савушкиных вещей не видать. Ни рюкзака, ни пластиковых пакетов с мелким походным барахлом...

В тревожном озарении Славик рывком приподнял подушку на своей кровати. «Губернских очерков» с обложкой от «Гарри Поттера» там также не обнаружилось.

- Где?.. - Он повернулся к дежурному и узнал в нем того самого стражника, с которым они охраняли мост от возможного поползновения недоперепивших цивиллов.

- А ведь говорил я тебе, - с ленивой укоризной произнес детина, подходя поближе. - Слежка за ним идет, не подсовывайся.

- Где он?

- Взяли, - безразлично сообщил деспешник, и почему-то у Славика мурашки побежали по спине. Что-то первобытное, древнее послышалось ему в этом слове. - И жену взяли. В город повезли,

разбираться.

- А?.. - Не в силах задать вопрос, Славик потряс подушкой над изголовьем своей кровати.

- И книжицу твою прихватили. Так что скоро, глядишь, и до тебя доберутся...

Мистически страшен русский язык неопределенно-личными предложениями. Доберутся. А кто именно доберется - не знаешь. Ужас, которому нет названия; угроза, у которой вместо лица размытое пятно; вина, разложенная поровну на всех...

- Кто доберется?

Стражник пожал плечищами. Митриловая кольчуга была ему явно тесновата.

- А ты?.. - медленно выговорил Славик, делая шаг вперед. - Ты тут при чем?

- Я?.. Ни при чем...

- Да? - Так прищуриваются перед тем, как нажать на спусковой рычаг арбалета. - На мосту ты оказался случайно, здесь - случайно...

- Э!Э!.. - Стражник попятился и предостерегающе возложил длань на рукоять.

Конечно, он был пошире и потяжелее, да и приемы, наверное, знал, но, когда на тебя бросится по-настоящему неумолимый человек, никакие приемы не помогут. Кроме того, у Славика в руке была подушка - грозное оружие, против которого, как известно со времен Вальтера Скотта, не то что тупой - отточенный меч бессилён. Во всяком случае, Ричард Львиное Сердце разрубить ее не сумел.

Видя такое дело, подлый ставленник реала прыгнул к дверям и выскочил на крепостной двор - пока не придушили.

Подушкой? Запросто!

* * *

Принести себя в жертву может любая женщина, но русская женщина не принести себя в жертву просто не может. Вчера, например, она была готова, глупея от восторга, отдать жизнь за царя-батюшку, сегодня - за мужа-декабриста, который, кстати, батюшку-то этого в случае успешного выступления предполагал шлепнуть собственноручно, а завтра... А черт ее знает, что завтра! Смотря за кого замуж выйдет.

Правда, с нынешними мужьями - морока, бабоньки, морока. Особенно, ежели угораздило жить в эпоху перемен. Вчера еще Боренька твой был пролетарий от сохи - и вдруг, выясняется, дворянин. Вчера еще дедушка его отважно воевал за рабочее дело, а теперь, глядишь, погиб в большевистских застенках, как и подобает деникинскому офицеру. Ну

вот как прикажете жертвовать жизнью за такого супруга, если у него квента что ни день начисто переписывается!

А с другой стороны, подумаешь - квента! Был бы супруг, а квента приложится...

Во Дворец (так теперь именовалось здание Министерства) Клару Карловну не пустили. Напрасно цеплялась она за рукав драгоценного своего Савушки - оторвали, чуть ли не отшвырнули. Кончилась игра, господа!

Осунувшаяся, с лихорадочным блеском в глазах (и от этого, как ни странно, помолодевшая еще сильнее), она отступила и беспомощно огляделась. Площадь была пуста. Куда бежать? Кому жаловаться? Петру Маркеловичу? Через парадный подъезд не пробьешься. Есть еще, правда, служебный вход... Наврять, что замминистра назначил ей встречу устно, а охрану предупредить забыл... Не верите? Ну позвоните ему по внутреннему телефону, скажите: Клара Карловна на проходной пропуска дожидается... Да! Клара Карловна! В девичестве - Цеткина, завуч...

И несчастная женщина побежала к служебному входу, что располагался с тыла министерского здания.

- Петра Маркеловича вам? - несколько даже охально переспросили ее там. - Не-ет, Петра Маркеловича вы сегодня не дождетесь. Да и завтра тоже...

- Что с ним? - спросила она, холодея.

- Пригласили, - многозначительно ответили ей.

- Куда?

- На ковер. А может, и сразу под ковер. У нас это запросто.

Не чуя под собой ног, Клара Карловна покинула стеклянную коробку проходной. Потом вдруг обнаружила, что снова стоит перед колоннадой парадного входа. Как она там очутилась, выпало из памяти напрочь.

Стало быть, съели замминистра... Или доедают еще... И замминистра, и всю его команду... Клара Карловна опустилась прямо на ступеньку и вновь выпала из бытия. Сколько она так просидела, сказать трудно. Из столбняка ее вывел низкий надрывный сигнал.

Вскинула голову и увидела, что по узкой улочке напротив, едва не раздвигая ее бортами, прет по-кабаньи колонна грузовиков армейского образца. Выбрались на оперативный простор, затормозили. Секунда, другая - и на глазах оторопевшей Клары Карловны из машин хлынули на мостовую остервенелые доспешники: эльфы, орки, нуменорцы, - оглашая площадь гневным гомоном, лязгом железа и лаем команд. Говорят, по сей день ни одна армия мира не побила рекорд римских легионеров в смысле быстроты построения. Так вот, прибывшие вполне бы могли претендовать на почетное второе место. Оно и понятно - олдовые. Цивилы остались на полигоне.

Высоченный эльфийский воин бегом устремился к ступеням. Это был Славик.

- Клара Карловна, где он? Куда его?

* * *

Кабинет, в котором допрашивали Савелия Павловича, был не велик и не мал. Задернутые шторы, над столом гравюра, изображающая око Саурона, в углу медицинский столик-каталка, накрытый салфеткой - и поди еще пойми, что там под ней: выпивка-закуска или зуболюбные инструменты.

- Иван Николаевич! - молил задержанный. - Вы скажите хоть, по какому вы ведомству.

- Это вы узнаете позже, - загадочно отвечал чиновник. За десять лет Иван Николаевич тоже сильно изменился: не дожидаясь окончательного облысения, обрил голову наголо и отпустил махонькую бородку клинышком, отчего и впрямь стал похож на татаро-монгольского захватчика. - Вы полагаете, что ваш сегодняшний арест - это игра второго порядка? - соболезнующе осведомился он. - Жаль вас разочаровывать, но вы действительно арестованы.

- А полномочия у вас имеются?

- Вроде бы мы с вами давно знакомы, - напомнил Иван Николаевич, с укоризной посмотрев на узника. - Вы всерьез полагаете, что я сошел с ума и решился задержать вас, не имея на то никаких полномочий?

Аргумент прозвучал убедительно.

- Очень мило, - язвительно отозвался Савелий Павлович, ослабляя ворот рубашки. - И что же вы мне намерены пришить? Подрывную деятельность? Не смешите! Она невозможна в принципе! Борюсь с ролевыми играми, в итоге сам включаешься в игру... Так или нет?

- Не совсем, - изронил Иван Николаевич и взглянул на задержанного еще загадочнее. - Как бы это вам подходчивее... Ну, скажем так: решили двое в шутку пофехтовать. Взяли деревянные шпаги. Стук-стук... сломались шпажонки. Берут медные. Бряк-бряк... погнулись. Хватают стальные! Смотрят... - содрогнулся, сделал паузу, глаза стали мертвыми. - А из-под клинков - искры летят...

На слове «искры» у Ивана Николаевича даже горло малость перехватило - и Савелий Павлович почувствовал себя совсем неудобно. Что-то и впрямь не слишком смахивало происходящее на игру, пусть и второго порядка.

- Так вот, летят уже искры, - осипшим голосом заключил монголоидный чиновник. - Вовсю уже летят... Вы сами не представляете, уважаемый Савелий Павлович, какое оружие, играючись, выковали. Тайная, практически неуязвимая организация,

разветвленная во все сферы жизни, в любой момент способная перехватить управление страной... Да ни одна бы вражеская разведка не смогла создать такого!

И Иван Николаевич сделал страшные глаза.

- Позвольте... - вымолвил тоже оробевший Савелий Павлович. - Но мы же... Да черт возьми! - тут же взорвался он, устыдившись своего испуга. - Не собираемся мы ничего перехватывать! Мы русскую классику изучаем!

«Я никого не убивал - я «Письма к ближним» сочинял...» - выпрыгнула вдруг в голове пара строк из Саши Черного.

Иван Николаевич внимательно посмотрел на задержанного, налил в стакан воды, хотел подать, но вместо этого выпил сам.

- Несущественно, - выдохнул он, осушив стакан до дна. - Сегодня русскую классику, а завтра?.. Когда добро выстраивает свою систему - это уже без пяти минут зло. Помните, как говаривал в известном фильме папаша Мюллер? Контрразведчик не пользуется прилагательными... Одни существительные и глаголы: «объект пошел, объект сделал»... Так вот, по нынешним временам, уважаемый Савелий Павлович, можно пропускать и существительные. Не важно, кто ты такой, важно, что ты творишь. А уж как ты себя при этом позиционируешь - дело десятое...

- Но мы же ничего пока не натворили!

- Пока - да.

Пару секунд оба молча глядели друг другу в глаза.

- И еще, - добавил Иван Николаевич, по-прежнему не отводя взгляда.

- По нынешним временам некогда разбираться и с модальностью. Разница между «мог сделать» и «сделал» сейчас исчезающе мала. Понимаете, о чем я?..

- Нет, - твердо отвечал Савелий Павлович. Решил стоять до конца. - Прошу меня извинить, но все, что вы сейчас говорите, не более чем спекуляция! Плод вашего воображения!

- Плод воображения? - Иван Николаевич дернул на себя выдвижной ящик и выбросил на письменный стол ворох каких-то конвертов и бумаг. - Вот это плод воображения? И учтите: здесь только бумажная корреспонденция. А сколько ее в электронном виде?

- Что это?

- Доносы! Народ всполошился... Да-да! Народ, который вы не принимали во внимание, который вы пренебрежительно именовали цивилами, вступил в игру... А если народ вступил в игру, то, считайте, игра кончилась, Савелий Павлович! Все пошло всерьез.

На Ивана Николаевича было жутковато смотреть. В искривленном татарском лице проглянуло что-то от Мефистофеля.

- Кроме того... - малость передохнув, мрачно продолжил он. - Так ли уж оно невинно, ваше занятие? Пока русская классика была

обезврежена школой, ситуация находилась под контролем. Ту чушь, которую несли педагоги хотя бы о Толстом, ученики приписывали самому Толстому... Но теперь-то, теперь! Они же читают и понимают все так, как написано... Русская классика! Да это, если хотите знать, самая подрывная, самая антигосударственная литература! Никакой благодарности властям... Державина вон Екатерина в зубах носила - и что взамен? «Властителям и судиям»? «И вы подобно так умрете, как ваш последний раб умрет...» Или Пушкин ваш разлюбезный! Холили его, лелеяли, учили, воспитывали, а он? «Твою погибель, смерть детей с жестокой радостью вижу...» Это государю-то императору!

- Да ему восемнадцать лет тогда было, Пушкину! - не выдержал Савелий Павлович.

- Вот именно! - огрызнулся Иван Николаевич. - Малолеткой бы уже не отделаюсь...

Он снова потянулся к графину с водой, но в следующий миг дверь кабинета отворилась. Оба встали - и следователь, и подследственный, потому что проем оккупировал не кто-нибудь, а сам замминистра. Петр Маркелович. Постаревший на десять лет. Грузный. Брюзгливый. Третий раз разведенный. Окинул оценивающим взором обстановку.

- Вот... работаем, - сказал Иван Николаевич. Толи оробело, то ли с вызовом.

- Поработали -- будя! -- помолчав, объявил замминистра. -В другой раз доработаете. Прошу в круглый кабинет...

Иван Николаевич остолбенел. Затем на татарских чертах его оттиснулись поочередно недоверие, изумление, гнев.

- Так это что, игра была? - возмущенно заорал следователь, почему-то оглядываясь на прикрытую салфеткой каталку.

- А ты думал?

Савелию Павловичу показалось, что еще мгновение - и татарин оскалится, завизжит, кинется грызть пришельца зубами. Ничего, сдержался.

- Что происходит, Петр? - проскрежетал он. - Мое назначение было согласовано с контрразведкой.

- Ну правильно, - отозвался тот. - Я и согласовывал. Чего ты дергаешься? Жалованье тебе причитается в любом случае... Все в круглый кабинет, я сказал!

Еще пару секунд, не меньше, Иван Николаевич стоял, переживая унижение. Кое-как пережил. Отчетливо было видно, каких нечеловеческих усилий это ему стоило.

- И что там будет? - ядовито осведомился он наконец. - Опять игра?

- Ох, если бы... - сокрушенно ответил Петр Маркелович. - Это у вас тут игра. А там нас свергать будут.

Глава 10. КОНЕЦ ИГРЕ

*Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман.
Александр Пушкин*

В круглом кабинете все уже расселись по местам: гроссмейстеры, сменившие сюртуки с треуголками на официальные тройки, два замминистра и не совсем еще пришедший в себя арестант. Министр по обыкновению «блистал отсутствием».

- Начнем, - угрюмо повелел Николай Иванович.

И начал.

- Всякое было, - отрывисто говорил он. - Но такого... Подготовка - ниже критики. Игровой дисциплины - ноль. Случаи дезертирства и уклонения настолько часты, что их уже трудно назвать случаями. Разложение - полное. Стража в донжоне продает цивильным у них же конфискованное спиртное. Но главное даже не в этом! Главное в том, что о самой игре просто нечего сказать. Ее не было по сути. Единственное светлое пятно - тот ролевик, просивший, чтобы починили наконец его дракона. Починили его? Нет, не починили... Расуль Вахитович! Вам слово.

Толстенький Расуль Вахитович достал айпад и, водрузив очки, принялся излагать все то же самое, только более занудно и не в пример подробнее. С указанием примерного количества самовольных отлучек и проданных бутылок. Даже о спиннинге упомянуть не забыл. Савелий Павлович покосился тайком на Петра Маркеловича. Тот сидел с отсутствующим и, пожалуй, слегка мечтательным видом. Впрочем, он, наверное, и поднимаясь на эшафот, себе не изменит.

Наконец с реестром грехов было покончено.

- В свете всего перечисленного, - скрипучим голосом подбил итоги Расуль Вахитович, - хотелось бы услышать, что ответит нам тот, чьими стараниями было организовано это... это... Простите, но у меня не хватает слов...

Петр Маркелович доброжелательно оглядел присутствующих, однако в следующий миг за окнами грянули сигналы, всхрапы моторов, а затем - гомон, лязг, топот, рубленные команды.

- О Господи! Что там происходит?

Все повскакивали с мест и ринулись к подоконникам. Пока, путаясь в шторах, прорвались к стеклам, построение на площади было в целом завершено. Войско, изготовившееся к штурму, являло собой весьма грозное и назидательное зрелище.

- Ну вот, - с удовлетворением произнес в наступившей тишине Петр Маркелович. - А говорите, игровой дисциплины - никакой.

- Это что? Государственный переворот? - сорвался на петушиный крик Николай Иванович.

- Понятия не имею... Но стоят, согласитесь, красиво.

- Они там не таран сгружают? - замирающим голосом осведомился кто-то, и все содрогнулись.

- А ну-ка по местам! - рявкнул Петр Маркелович. - Будете тут еще панику наводить!

Последним от окна отлип тот, из-за кого вся эта каша, собственно, и заварилась. Показалось Савелию Павловичу, будто нечто подобное было уже видно им когда-то, а вскоре он даже вспомнил, где и когда: десять лет назад на заброшенном колхозном поле точно так же перестраивались в единую фалангу бывшие супротивники при виде шеренги полицейских.

Наконец заседающие кое-как расселись и, надо сказать, сделали это очень вовремя, потому что секунду спустя высокая дубовая дверь круглого кабинета приотворилась - и все замерли в ожидании. Черт его знает, вдруг войдет сейчас амбал в рогатом шлеме с мечом наголо да и брякнет что-нибудь историческое. Ну там, к примеру: «Караул устал». Или: «Которые тут временные?» Вошел начальник охраны.

- Что там? - с облегчением спросили его.

- Какого-то ролевика арестовали на полигоне, - помаргивая, доложил он. - Требуют его освобождения... Водометы вызывать?

Сидящие переглянулись.

- И за это вы тоже ответите, Петр Маркелович, - тихонько, но явственно примолвил гроссмейстер.

- Никаких водометов, - объявил Петр Маркелович. - Подите скажите им, что ролевик уже освобожден.

- А поверят? - усомнился охранник.

- Ну хорошо! Пусть пришлют делегацию, сами убедятся.

Начальник охраны вышел.

- Так как поступим? - спросил почти уже опальный замминистра. - Продолжаем заседание или...

- Да нет уж, - сказали ему. - Давайте уладим сперва. А то они нам сейчас колонны тараном подшибут.

Вскоре ввели делегатов: Клару Карловну, Славика и иеродиакона Илиодора. Увидев супруга целым, невредимым и, кажется, даже не лишенным должности, Клара Карловна тихо ахнула и как бы споткнулась стоя. Славик с Аскольдом ее подхватили.

- Адекватно, Клара Карловна, адекватно... - одобрительно и насмешливо пророкотал Петр Маркелович. - Урл! Аскольд! Помогите даме сесть.

Клару Карловну усадили.

- Славик! Поди успокой свою банду.

- А что сказать?

- Н-ну... скажи... - Замминистра поколебался, поразмыслил. - А, ладно! Савелий Павлович, на сегодня вы свободны. Попробуем справиться без вас. Подите явите себя народу... и вообще... А вы, святой отче, будьте добры, останьтесь.

Иеродиакон Илиодор, направившийся было к дверям вослед за Славиком и счастливыми супругами, крикнул, послушливо наклонил голову, присел. Дождавшись тишины и порядка, Петр Маркелович звучно опустил ладони на край стола.

- Итак, - бодро начал он. - В каком-то смысле игра, проводимая сейчас на полигоне Нуменор-3 и отчасти в городе, уникальна.

- Да уж... - тихонько присовокупил кто-то.

- Уникальность ее заключается прежде всего в повышенном количестве уровней, - невозмутимо продолжал Петр Маркелович. - Первый уровень - обычная полевая игра по мотивам «Властелина Колец». Ну, об этом здесь было уже сказано достаточно и в целом справедливо, так что повторять предыдущего оратора мне, полагаю, не стоит... Второй уровень. Так сказать, подкладка, она же подоплека...

До подоплеки не дошло, поскольку толпа за окнами оглушительно взревела. Сидящие дернулись вновь, но тут же сообразили, что рев скорее ликующий, нежели яростный. Надо полагать, там, на крыльце под колоннами, Савелий Павлович явил себя народу.

Наконец клики и бряцание холодным оружием стали потише, и замминистра смог вернуться к прерванной речи.

- А подоплека такая... В девяносто первый пехотный полк поступает нешифрованная телеграмма от командующего бригады Риттера фон Герберта...

Сидящие, даже те, кто тревожно прислушивался к шуму за окнами, слегка трянули головами и пристально взглянули на Петра Маркеловича. Тот был непоколебимо спокоен и уверен в себе.

- Этой депешей генерал отменяет марш на Сокаль и взамен приказывает провести ролевую игру на полигоне Нуменор-3. О том, что командующий сошел с ума, еще никому не известно. И будейовицкий полк выполняет приказ. Вот, стало быть, это и есть второй уровень.

- Вы... шутите, что ли? - вырвалось у гроссмейстера.

- Отнюдь нет, Расуль Вахитович, отнюдь нет. А вы думали, современная ролевая игра - это так просто? Выехали на природу, построились в ряды, помахали мечами? Тогда б мы с вами, Расуль Вахитович, и горя не знали... - Исключил гроссмейстера из поля зрения и окинул взглядом стол в целом. - Задача, как видите, исключительной сложности: «Властелин Колец» Толкина, пропущенный через «Похождения бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека... Но! - Петр Маркелович предостерегающе поднял указательный палец, и все уставились на вздетый перст, будто загипнотизированные. - Кое-что, конечно, в связи с техническими трудностями пришлось упростить.

Например, мы заранее условились считать цивил обмундированием пехотинца, а современный сленг - солдатским жаргоном.

- Чем подтвердите? - перебил Николай Иванович.

- Аскольд, - позвал Петр Маркелович. -- Приписная квента при вас?

- Всегда при мне...

- Огласите, будьте любезны, кто вы по первому уровню.

- Фельдкурат Отто Кац, - добродушно пробасил тот.

- А по второму? Кого вас попросил изобразить поручик Лукаш, которому вы опять проигрались в карты?

- Мандоса. Владыку царства мертвых...

- Спасибо, достаточно... Если у кого остались сомнения - пусть ознакомится с заявкой... Вообще должен сказать, что ожидал от комиссии большей скрупулезности. Впрочем, это уже не мое дело. Вернемся к нашим баранам. Есть еще и третий уровень...

Однако вернуться к баранам удалось далеко не сразу - похожий на пингвина Расуль Вахитович закусил удила.

- Ах, большей скрупулезности вам? - взъерепенился он. - Вы что нам тут, понимаешь, голову морочите? Какая телеграмма от Герберта фон... В 1914-м году Толкин еще не публиковался! Даже если генерал сошел с ума, как он мог отдать такой приказ?

- Анахронизм налицо, - с одобрительным видом подтвердил Петр Маркелович. - Но мы же играем не историческую реконструкцию, а моделируем образ и дух той или иной социальной реальности, не так ли? Кроме того, известно, что военные эпизоды «Сильмариллиона» Толкин писал под прямым влиянием своих впечатлений от Первой мировой. Вспомните: в раннем варианте «Падения Гондолина» орки вообще ездят на танках... То есть игра по Швейку парадоксальным образом возвращает нас к истокам творчества Профессора в одном из его аспектов.

Иван Николаевич обменялся с Николаем Ивановичем скорбно-ироническим взглядом: дескать, что я говорил! Опять выкрутится. Еще и министру стукнет - в порядке отыгрыша.

- Стало быть, третий уровень... - невозмутимо продолжал Петр Маркелович. - Третьим уровнем является так называемая «Игра в классики» - игра второго рода, вот уже который год проводимая отсутствующим здесь по уважительным причинам Савелием Павловичем. Подробно опять-таки останавливаться на этом не буду, поскольку доклад о ней был заслушан здесь не далее как в позапрошлом месяце... Вам что-то неясно, святой отче?

- Кое-что неясно, - признался могучий Аскольд. - Я-то на докладе не присутствовал.

- Хорошо, - кивнул замминистра. - Если вкратце, то суть дела такова...

И принялся в общих чертах излагать примерно то, о чем не далее как сегодня утром на краю сухой канавы под старой ивой поведал Славику

Савелий Павлович: тайное изучение Блока и Некрасова, тщательно законспирированные подпольные группы читателей, разветвленная агентурная сеть...

- Да, но... - внезапно убоявшись, спросил иеродиакон. - Игра ли это?

- Игра, - подтвердил Петр Маркелович. - До определенного уровня это игра... Так вот с некоторых пор к ней удалось подключить значительное количество граждан пенсионного возраста, ранее считавшихся непригодными для участия. Как выяснилось, исполнители они прекрасные. На нас обрушился настоящий поток заявлений на тайные организации и секты переплетчиков, бумажников, книголюбов. С нашей стороны логично было прибегнуть к мастерскому произволу и, согласовав это дело с контрразведкой, ввести особый следственный орган «Око Саурона», занимающийся исключительно подпольем. Именно с целью ареста главаря (отсутствующего здесь Савелия Павловича) и была затеяна полигонка по Толкину-Гашеку. Особое внимание прошу обратить на блестящий отыгрыш Святослава Савельева, совершенно самостоятельно организовавшего акцию протеста, чему вы только что были свидетелями.

Его слушали в странном оцепенении.

- А четвертый? - внезапно спросил Николай Иванович.

- Что четвертый?

- Вы перечислили три уровня. А где три, там и четвертый...

- Разумеется.

- И что это за уровень?

- Четвертый уровень - это наше с вами нынешнее заседание.

- Та-ак... А сколько уровней всего?

- Откуда ж мне знать! - искренне удивился Петр Маркелович. - Я ж не Господь Бог, я всего лишь замминистра.

* * *

Перерыв объявили при первой возможности. Курящие вышли на крыльцо под нетронутые тараном колонны, некурящие остались в помещении. Площадь перед министерским дворцом к тому времени успела опустеть: колонна грузовиков вновь убыла в Нуменор. Один лишь озадаченный дворник стоял и оглядывал мостовую, не понимая, как такая орава ухитрилась не оставить после себя ни бумажки, ни тряпочки. Старое правило: провел игру - приведи все в прежний вид. Не цивилиы, чай, не гоблины.

- Слушай, Петр, - озабоченно молвил Иван Николаевич, поднося зажигалку. - А если честно! Как тебе вообще в голову пришла эта штука со Швейком?

Тот прикурил, затянулся, пустил колечко дыма.

- Да в общем все естественно... - нехотя ответил он. - Помнишь, у Сэнт-Экзюпери король приказывал солнцу взойти в момент восхода? Ни мгновением позже, ни мгновением раньше. И случая не было, чтобы солнце его ослушалось! Вот и я тоже... Я ж чувствовал, что эту игру мне нарочно подсовывают - на провал. Сам видишь, какой теперь контингент! Да еще и всех отставников армейских всучили. И отказаться нельзя, и сыграть нельзя. Напрашивался Швейк, напрашивался...

Иван Николаевич хмыкнул и в недоумении раскинул руки.

- Ну ладно, - сказал он. - Урл, Аскольд - с ними понятно... Но полторы тысячи цивилы! Ты что же, хочешь сказать, будто в каждой приписной квенте...

- Разумеется! Тоже мне проблема - впечатать одну пометку на всех: рядовой девяносто первого полка.

- Ты полагаешь, хоть кто-нибудь из них это прочел?

Петр Маркелович усмехнулся.

- Полагаю, нет. Но ведь и в девяносто первом полку поступили бы точно так же...

Из стеклянных дверей вышел на свежий воздух некурящий Аскольд и неловко затоптался поодаль с обычной своей доброй и несколько растерянной улыбкой.

- А что с «Оком Саурана»? - угрюмо спросил Иван Николаевич, гася окурок.

- С «Оком Саурана» - продолжай. Вербуй осведомителей, собирай компромат, вызывай на допросы... Что тебя, собственно, смущает?

- А если все всерьез обернется?

- Стало быть, и допрашивать будешь всерьез. Делов-то...

Видя, что беседующие вот-вот вернутся в здание, Аскольд решил.

- Петр Маркелович, - несколько приниженно обратился он. - Да я насчет этой вашей «Игры в классики»...

- Ну?

- Неужели вправду? Тайно собираются, читают... с увлечением...

- Именно так.

- Наизусть учат... - с трепетом продолжал иеродиакон. - Сами переплетают... Чуть ли не от руки переписывают... Карьерой рискуют, расположением начальства...

- Многим кажется, что да... рискуют...

Помялся Аскольд, побряхтел.

- Да я вот думаю... А что если и веру тоже запретить? Ну, не совсем, конечно, не наотмашь, а так, слегка...

ЗАЧЕМ МЫ ИГРАЕМ?

Владислав ГОНЧАРОВ

Автор этого своеобразного послесловия к только что прочитанной повести не только известный петербургский критик, но и большой знаток и активный участник ролевого движения, известный в «том мире» под именем Ульдор. Поэтому неудивительно, что вместо обычной статьи появились очень личные, эмоциональные заметки о феномене ролевых игр, «непосторонний» взгляд, которые, как нам кажется, великолепно дополняют повесть Евгения Лукина, выступая в качестве своеобразного комментария к тексту.

Сейчас об этом многие забыли, но ролевые игры родились в отечественном фэндоме на рубеже 1990-х годов, и первыми ролевиками были именно любители фантастики, представители КЛФ, завсегда и фестиваля «Аэлита». Однако очень быстро ролевое движение оторвалось от фэндома и зажило самостоятельной жизнью. Ролевики создали свой фэндом, стали проводить собственные коны и в конечном итоге забыли о своих корнях. В «классическом» фэндоме они завоевали отрицательную репутацию: бегают нечесанные чудики по лесам с деревянными мечами, говорят на эльфийском языке, а книжек читать не хотят. Или читают, но совсем не то...

Почему так получилось - разговор отдельный и долгий. Тема эта лежит на тонкой грани между литературоведением и социологией, прорастая опасными корнями в историю отечества последних 20 лет. Достаточно вспомнить, что средневековая магия в эти годы потеснила науку и на книжных страницах, причем общее количество этих страниц тоже сократилось во много раз: несмотря на увеличение числа названий, реальное количество книг сильно уменьшилось. Тиражи упали, да и читать стали меньше, а такое понятие, как зачитанная до дыр книга, и вовсе исчезло из нашей жизни.

Да, ролевые игры в какой-то мере стали формой эскапизма - бегством в ту реальность, которая многим казалась более комфортной. Но в то же время они стали и средством создания реальности. А творить свою реальность оказалось гораздо интереснее, нежели читать о мирах, придуманных кем-то другим.

На самом деле с эльфийским языком ролевики «завязали» довольно быстро. Игры по Толкину продолжали пользоваться уважением, но играть лишь в эльфов, орков и в неизбежную борьбу Света с Тьмой уже порядком наскучило. Появились игры по другим книгам фэнтези, и даже по произведениям научной фантастики, да и просто по реальным историческим событиям. В какой-то момент, когда Будущее вновь

попыталось занять свое место в нашем мире, случился прорыв: стали играть по технологическим мирам.

Романтика «меча и магии», во многом питавшая ролевые игры в самом начале, само стремление к эскапизму, стимулированное атмосферой лихих девяностых, уступили место пристальному интересу к окружающему миру и его итерациям. На смену играм по «Фаллауту», миру после катастрофы, пришли игры, базирующиеся на текстах и эстетике киберпанка, питаемые иной романтикой - подчеркнуто высокотехнологических, информатизированных миров. С вай-фаем на полигоне и выкладыванием игровых отчетов сразу в Сеть, еще до возвращения из леса домой.

Другим знаковым событием стало появление игр по «авторским мирам» - не по какой-то конкретной книге, историческому событию или эпохе, а такие, где мир и сюжет создавали сами мастера игры. На самом деле это произошло достаточно давно, первые подобные игры появились еще в середине 1990-х. Но именно это явление, наверное, следует считать ключевым в развитии ролевого движения - отныне игра перестала быть производной от уже кем-то созданного вторичного мира, она сама превратилась во вторичный мир, фактически равноправный литературе.

Повесть Евгения Лукина поднимает и эту тему: о ролевой игре как слепке с реальности, но слепке второго порядка, потому что первый порядок - это литература. Однако постепенно игра трансформируется, превращаясь в этот первый порядок: люди играют уже не по литературе, игра сама становится художественным произведением.

Но ведь есть и отличия игры от литературы? Да, и главное заключается в том, что художественное произведение можно написать о чем угодно, а вот сделать игру по любой книге невозможно. «Играбельное» произведение должно обладать рядом свойств, в первую очередь - пространством, на котором разворачивается взаимодействие персонажей. Чем сложнее это пространство, тем проще добиться от игроков сложных взаимодействий, самоподдерживающихся без вмешательства мастера.

Фактически ролевая игра рождается лишь от взаимодействия персонажей, от «приключений тела» (гораздо реже «приключений духа»). Внутренние переживания игрока, душевная работа оказываются лишь следствием его внешних, сюжетных взаимодействий - если, конечно, такая работа возникает вообще. В то же время в литературном произведении вариантов может быть гораздо больше, и раскрытие психологии героя необязательно связано с экшеном, передвижениями в пространстве и во времени. А вот в ролевой игре без экшена не обойтись.

Существуют, правда, игры, в центре которых стоят только обработка информации и принятие решения, но они, скорее, относятся к

профессиональным тренингам и редко создают новые персонажи: каждый ее участник, как правило, отыгрывает самого себя.

Итак, ролевая игра все-таки уже литературы: ведь основные усилия ее создателей уходят на решение технических вопросов, на создание механизмов, которые обеспечили бы взаимодействие игроков друг с другом, и только в случае удачи - рождение новых сущностей.

В самом деле, ролевые игры постоянно нарабатывают новые технологии, однако технологии эти не действуют без творчества, без вдохновения (и в этом, между прочим, состоит еще одно их сходство с литературой). Существуют строгие законы стихосложения, однако знание их не делает человека поэтом, и даже соответствие некоего текста правилам грамматики и стилистики не превращает его в литературное произведение. Так и игра: она невозможна без таланта, без «божьей искры».

И все же у игры есть то, чего нет даже у самой лучшей, самой глубокой психологической книги, - интерактивность. В игре дается не портрет персонажа, в ней рождается сам персонаж, живой человек. И это уже не просто попытка «пожить в Средиземье». В нынешних играх нередко случается, что человек играет вовсе не то, что планировал, к чему готовился и чего ожидали от него. Персонаж начинает жить собственной жизнью, без участия игрока, точнее, вопреки его «сценарию».

Конечно, нельзя сказать, что такой «беспредел» творится на всех сегодняшних играх. Но именно в последнее время организаторы стали сознательно отходить от боевки, интриги и вообще от игры на выигрыш (пусть даже самой закрученно-интеллектуальной) в пользу антуража, реконструкции культуры и психологии. А от реконструкции внешней - к реконструкции внутренней. Сверхзадачей игры стало не захватить Кольцо Всевластья, стать королем или сколотить империю, а создать психологически интересный персонаж и красивый сюжет с его участием - так, чтобы наслаждался не только сам игрок, но и окружающие люди.

Впрочем, «насладиться» - неточное слово. В данном случае правильнее говорить о каких-то психологических переживаниях, не заданных заранее, не запланированных, не «отыгранных»... Сами по себе игры-катарсисы, игры-мистерии в принципе тоже известны давно. Однако раньше мастера ставили задачу добиться от игрока определенных переживаний; а теперь высший пилотаж - свободная импровизация игрока. Фактически он сам становится мастером (собственно, это «племя» и формируется из наиболее опытных игроков), творит новый сюжет и сам же его отыгрывает, по возможности вовлекая других игроков. Но последнее должно происходить спонтанно, без выхода из прежней роли, иначе это будет уже не другой слой заданного сюжета, а просто другая игра.

Я погрешу против истины, если стану утверждать, что это тенденция

самого последнего времени. Автор этих строк еще в далеком 1995 году участвовал в организации игры по знаменитому в те годы роману Мэделайн Симонс «Меч и Радуга». Настоящего имени автора тогда никто не знал, мы познакомились с Еленой Хаецкой именно в процессе подготовки к игре. Но книга тогда поразила нас своей многослойностью, явными литературными аллюзиями, проглядывавшими из-под внешней оболочки фэнтезийного романа о Робине Гуде, рыцарях и эльфах. В конце концов мы решили, что у игры будет второй слой - игра на основе повести «Трудно быть богом», благо основные действующие лица романа великолепно накладывались на героев Стругацких. Естественно, об этом никто не знал, кроме мастеров, вводная для создания «второго слоя» давалась в рамках вводных для основной игры и ни в коем случае не должна была выходить за ее пределы. Предполагалось, что игроки могут понять, кого они играют на самом деле, но это не являлось обязательным условием для полноценной игры.

И естественно, ни у кого даже не возникло вопроса: а как мир доброй Старой Англии вкупе с волшебным лесом Аррой мог вдруг оказаться на далекой планете? Никакой необходимости увязывать и мотивировать подобные вещи не было, поскольку фантастическая игра (то есть не являющаяся реконструкцией каких-либо исторических событий) всегда происходит во вторичной, насквозь постмодернистской реальности. Точно так же автор художественного текста имеет право опускать подробности, несущественные для текущей задачи. А окажется ли описанный им мир достоверным, зависит исключительно от его таланта и творчества.

Так зачем же все-таки нужны ролевые игры? Этот вопрос кажется странным и напоминает другой не менее странный вопрос: зачем нужна литература? Но я все-таки попытаюсь на него ответить. Об адаптационной функции ролевых игр говорилось довольно много, а игровые тренинги у многих едва ли не навязли в зубах. В самом деле, играя, человек получает множество полезных умений, вплоть до элементарных навыков общения; игровой опыт часто помогает человеку успешнее приспособиться к новым обстоятельствам. Но гораздо важнее другое: ролевые игры легитимизируют многослойность человеческой деятельности, в том числе наличие творчества (или его элементов) в обыденной жизни, быту и работе. А это не только облегчает жизнь, хотя бы в плане взаимодействия с другими людьми, но и просто делает ее интереснее.

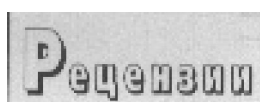
Наконец, вспомним такой классический образец ролевой игры на самом высоком государственном уровне, как петровский «Всешутейший, Всепьянейший и Сумасброднейший собор». Обычно к нему принято относиться как к карнавальная забаве, досужему развлечению царя, не слишком скованного рамками норм и правил. Но

именно неординарность взглядов и поведения сделали Петра Великим. А если взглянуть на «Собор» как на ролевую игру, то все сразу становится на свои места: мы видим и распределение ролей, и игровые имена, легко переходящие в реальность, и набор отыгрываемых сюжетов.

Причем карнавал и пьянка составляли лишь первый, внешний слой игры, по сути лишь обеспечивая ей приемлемое объяснение для окружающих да и для самих участников (хорошо известно, что человек, не желающий или стесняющийся признать серьезность своих действий, склонен в первую очередь маскировать их, выдавая за пародию). Внутренний же слой был куда важнее и не столь очевиден, но именно он давал участникам навыки, крайне важные в условиях быстро меняющегося мира и прямо связанные с важнейшими аспектами государственного управления. Участники «Собора» приучались действовать поперек сословных перегородок, получали примеры не только неформального взаимодействия, но и коллегиального принятия решений. И что уж совсем удивительно для мероприятия, проводимого под руководством самодержавного монарха, на «Соборе» отыгрывалось и проведение выборов. Правда, только «князя-папы». «Князь-кесарь» Ромодановский был несменяем, зато и выполнял эту функцию не только «по игре», но и в жизни, замещая Петра во время его отсутствия в стране. Можно сказать, игра прорастала в жизнь и прямо влияла на нее.

Конечно же, становясь всеобщим и принудительным, любое занятие теряет значительную долю своей прелести. Так случилось с преподаванием русской классики в школе. Если ролевые игры обретут официальность, с ними, уверен, случится то же самое. С одной оговоркой: если игра становится официальной обязанностью, то наличие второго слоя, игры в игре, предоставляет законную возможность выйти из рамок предписанного. Иначе говоря, не нарушая установленных правил, можно превратить игру в свою собственную. Нечто подобное в 1980-е годы происходило с комсомолом, когда многие обнаружили, что официально предписанные правила «игры» дают прекрасную возможность сотворить вполне реальную политическую и даже коммерческую карьеру.

Будет ли играм лучше, если ими и в самом деле займется государство, - вопрос открытый. Но знать о такой возможности не помешает никому, особенно тому, кто и в самом деле любит играть...

Рецензии

Игорь МИНАКОВ
ОБМЕН МИРАМИ

Москва: Эксмо, 2012. - 352 с.

(Серия «Приключенческая фантастика»).

3000 экз.

Существуют два Марса.

Один из них очень неудобен для колонизации: там холодно, там проблемы с кислородом, туда далеко лететь, и главное, там пока еще безлюдно. Более того, специалисты иногда позволяют себе сомнения в том, что на Марсе когда-либо существовала цивилизация, созданная кем-то, отличным от людей... Зато другой Марс выглядит уютно: хорошая погода, нетрудно подцепить красотку, а при желании можно раздобыть настоящую принцессу; по каналам плавают причудливые корабли. Разумеется, здесь была когда-то мудрая цивилизация, и от нее осталось немало интересного - надо только внимательно смотреть по сторонам. Во всяком случае, Берроуз, Хайнлайн и Брэдбери кое-что заметили в тех местах...

Действие романа Игоря Минакова разворачивается на Марсе-2: густонаселенной планете, куда можно попасть с помощью шеклианского «обмена разумами», или иначе - психотуризма. Затурканный клерк осуществляет мечту: отправляется на далекую таинственную планету, предоставив проходимцу свое тело и завладев его. Главного героя ждут погоня за сокровищами, знакомство с яростными четверорукими воинами, кое-какие дела с компанией «Хайнлайнер», плотские утехи с красотками и освоение совершенно незнакомого навыка - быть великим воином. Декорации, в которых всё это происходит, гораздо важнее сюжета. Центральный персонаж, по сути, берет на себя роль проводника, он сопровождает читателя на экскурсию по страницам классической фантастики о Марсе - от Берроуза до Мартынова. И читатель может вместе с ним окунуться в антураж и сюжеты из текстов, по которым светло ностальгирует не первый год.

Итог: книга хороша прежде всего для тех, кто с удовольствием совершил бы путешествие по старому доброму Марсу из Рэйтауна в Берроуз-сити. А эти города на карте Марса точно есть. Во всяком случае, на карте, составленной автором книги.

Дмитрий Володихин

Терри ГУДКАЙНД

ЗАКОН ДЕВЯТОК

Москва: АСТ, 2012. - 480 с.

Пер. с англ. И. Садукевича.

5100 экз.

«Закон девяток» - до последней строчки гудкайндовская книга: с узнаваемым сюжетом, вьющимся вокруг малозначимой детали.

Действие романа разворачивается на Земле, волшебников с их «правилами» нет и в помине, зато есть пафосный закон девяток, вся мистическая суть которого сводится к единственной подсказке для главного героя в самом конце романа. Казалось бы, о чем тут говорить?

Однако в каждом хорошем тексте есть своя изюминка. Чтобы постичь суть этого произведения, нам придется отринуть очевидные параллели с предыдущими романами автора, забыть про построенный по всем законам боевика сюжет, отвести взгляд от ружей на стенах и сосредоточиться на любовной линии Алекса и Джекс.

Юноша и девушка, художник и убийца, американец и иномирнянка. Что у них может быть общего? По Гудкайнду - буквально все! Они похожи как брат и сестра. Он рисует пейзаж, который она больше всего любила в своем мире. У них оказываются одинаковые ножи. Он с первой попытки повторяет ритуал, которому она училась долгое время. Гудкайнд тщательно выписывает детали, которые, несмотря на колоссальную разницу в характерах героев, позволяют читателю идентифицировать их как пару.

Для чего это нужно? Разгадку внимательный читатель найдет в посвящении: «Джери, любви всей моей жизни, которая всегда рядом в нужную минуту», - и после этого сошедшие со страниц книги образы предстают в совершенно ином свете.

Говорят, во время великой битвы Моисей поднимал руки к небу, надеясь переломить ее исход. Но битва шла долго, и когда руки Моисея уставали и опускались, враги начинали одолевать. Тогда на помощь приходил Аарон и удерживал руки Моисея до победного конца.

От жены писателя зависит, не опустятся ли у него руки, доведется ли нам прочитать новые захватывающие истории. «Закон девяток» - это признание в любви, и Джери Гудкайнд его заслужила.

Дэн Шорин

НЕИЗВЕСТНЫЙ АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ.

Театральные заметки, пьеса

Сост. А. Андриенко.

Иерусалим: Млечный путь, 2012. - 294 с.

Изучение биографий крупнейших отечественных писателей-фантастов имеет вид высокой горы и окружающей ее равнины с редкими незначительными всхолмлениями. Гора - литература, так или иначе посвященная феномену братьев Стругацких. Равнина - исследования, обращенные к судьбам всех остальных столпов нашей фантастики. Да, есть книги и статьи, посвященные Александру Беляеву, Ивану Ефремову, Северу Гансовскому, Илье Варшавскому, Киру Булычеву и иным ушедшим от нас титанам. Но их немногочисленные биографы вынуждены опираться на довольно скудный запас источников. Многолетние усилия тех, кто занимался поисками и публикацией материалов, связанных с творческой деятельностью Стругацких, создали очень значительный пласт информации для биографа. В иных случаях документы биографического плана, малые тексты, вещи, изданные небольшим тиражом или не изданные вовсе, т.е. оставшиеся в рукописях, чаще всего невероятно трудно достать и включить в сферу литературоведческих исследований. Потому и столь короток список работ об иных, помимо Стругацких, замечательных фантастах.

С этой точки зрения, «Неизвестный Беляев» - полезное издание. Под одной обложкой собраны десятки заметок и рецензий фантаста, изданных им в смоленский период жизни (1907-1914), а также детская пьеса «Бабушка Мойра», уже обнародованная недавно в беляевском ПСС издательства «Эксмо».

К текстовому блоку добавлен библиографический список малоизвестных произведений Александра Беляева на полдюжины страниц. Когда-нибудь, надо надеяться, биография этого писателя украсит собой серию «Жизнь замечательных людей». И составитель полного, основательного жизнеописания Александра Романовича найдет в данном сборнике ценный материал для работы, способный избавить от многих недель кропотливых библиотечных разысканий.

Дмитрий Михайлович

Владимир ВАСИЛЬЕВ

ДВА ЗАПОВЕДНИКА

Москва: Астрель, 2012. - 320 с.

(Серия «Звездный лабиринт»).

10 000 экз.

Для того чтобы дать старт новому циклу романов, Владимир Васильев привлек «легионеров» из пула уже написанных историй. Два заповедника - это два мира, уже ранее созданные автором. Загадочная Селентина («Проснуться на Селентине», 2000) - рассказ о

цивилизации, отдавшей предпочтение биологическому пути развития; Поднебесье (цикл новелл «Высота», 1996-2001) - причудливый мир огромных листов-анклавов, парящих над бушующей твердью.

Это роман-зачин. Две сюжетные линии в книге так и не пересеклись. В то же время декорации, предложенные автором, достаточно экзотичны, а действие захватывает, так что читателю определенно захочется познакомиться с продолжениями истории.

В центре повествования - борьба чужаков за место в новом для них мире. Представителям цивилизации, избравшей путь технического прогресса, довольно трудно приспособиться к миру победившего «био».

В одном из комментариев к роману сказано, что текст относится к советской фантастике. Причем в хорошем смысле этого слова. Действительно, произведение с «оттенком фантастического прошлого» выглядит более гуманным, чем тексты современных авторов. Перед нами приключенческая фантастика, коренящаяся в романах-путешествиях рубежа XIX-XX веков. Смена планов и событий в «Двух заповедниках» работает на динамику и увлекательность сюжета, а не на декларацию сверхидеи. Сможет ли автор выдержать ту же стилистику в последующих произведениях цикла, которые придется создавать без заимствования из старых наработок? Посмотрим.

Пока что перед нами компиляция из реанимированных текстов, созданных более десяти лет назад. Очевидно, у Владимира Васильева есть что рассказать о некогда придуманных вселенных. Об этом свидетельствует и включенная в состав романа новая легенда из мира Поднебесья. Читателям остается ждать следующую часть и надеяться, что в ней будет больше ответов, чем вопросов.

Николай Калиниченко

Иван НАУМОВ

ТЕНИ. БЕСТИАРИЙ

Москва: АСТ - Этногенез, 2010. - 270 с.

25 000 экз.

Странное впечатление производит дебютный роман Ивана Наумова, уже получившего широкую известность в малой и средней форме. Кажется, в книге удалось то, к чему он не прилагал сознательных усилий, но не вышло того, что пребывало в фокусе его внимания.

Идея ввести в традиционный для межавторского проекта мир маленьких металлических фигурок, дающих своим обладателям чудесные свойства и возможности, еще одно измерение - снабдить фигурки расой стражей-«стекляшей» - оставляет впечатление

чужеродной добавки. Попытка сделать персонаж, Яна Вана, более рельефным за счет долгого повествования об особенностях его работы в туризме, создает тяготию в сюжетной завязке.

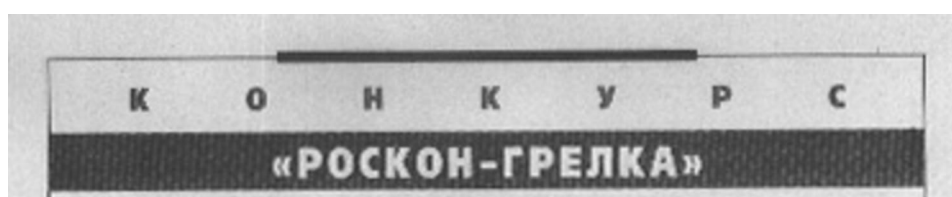
Превосходно получилась история художника, которого одно лишь призрачное посмертье избавило от страсти к игре, освободило от необходимости «пахать на провиант» и дало счастливый шанс посвятить себя творчеству без остатка. Но ясно: история живописца довольно искусственно включена в ткань этногенезного романа. Как отдельная повесть она выглядела бы гораздо уместнее.

Зато чудо как хороша в исполнении Ивана Наумова Европа 1990-х. Не «большая Европа» - с парламентами, грандиозными концернами и средневековыми соборами, а маленькая, в которой незаметные человечки бешено цепляются за ускользающий достаток, немного хитрят с законом и безуспешно конкурируют с многочисленными иммигрантами. Среди последних, кстати, почетное место занимают наши соотечественники. Иван Наумов, явно не понаслышке знающий, что такое Евросоюз, дарит читателям немало сочных подробностей ветшающего быта европейцев. Как «коллекционер деталей» он проявил недюжинную наблюдательность и меткость.

Может быть, Европа маленьких людей - главный персонаж его романа. И уж точно самый живой...

«Тени» - не триумф, но и не провал. Upper-middle томик для серии «Этногенез» и... ожидание от Ивана Наумова новой книги, сделанной с большим тщанием.

Дмитрий Володихин

**КОНКУРС
«РОСКОН-ГРЕЛКА»**

Конкурс проводится в формате состязания фантастов «Рваная грелка», наиболее популярного в российском фэндоме. Участвуют как молодые авторы, так и уже получившие известность писатели - однако в данном случае лишь те из них, кто желает посетить фестиваль фантастики «Роскон».

После того как предложенная тема вывешивается в интернете, конкурсанты должны выполнить задание в течение 72 часов. На первом этапе сами участники, они же члены жюри (ныне - 79 человек),

определяют из числа анонимных работ двадцать четыре лучших, а затем уже во время конвента после специального семинара, где анализируются произведения, называют десять лидеров.

«Если» публикует по собственному выбору один рассказ из финальной десятки.

Тема, предложенная оргкомитетом «Роскона», звучала так: «Мягкая конструкция с вареными бобами». На самом деле, это название известной картины Сальвадора Дали, более знакомой аудитории как «Предчувствие гражданской войны». В качестве дополнительного условия конкурса было предложено осветить проблему пассионарности.

Предлагаем вниманию читателей рассказ Юлии Зонис «Семеро из стручка», вошедший в десятку произведений-лидеров.

Юлия Зонис родилась в 1977 году в городе Рустави. Училась на биофаке МГУ, затем по выбранной специальности в Израиле, Англии и Канаде. В Лондоне закончила сценарные курсы и снимала короткометражные фильмы. В 2010 году оставила биологию ради литературной деятельности. Живет в Санкт-Петербурге.

Первые работы Ю.Зонис напечатаны в журнале «Порог» в 2005 году. С тех пор повести и рассказы писательницы регулярно появлялись в фантастической периодике и сборниках. В 2009 году был опубликован дебютный роман «Культурный герой», написанный в соавторстве с А.Шакиловым, затем читателям были представлены книги «Дети богов» (2010) и «Инквизитор и нимфа» (2011). В нынешнем году увидел свет сборник рассказов и повестей «Боевой шлюп «Арго». Рассказы Ю.Зонис отмечены премиями Бориса Стругацкого «Бронзовая улитка» и киевского конвента «Портал».

ЮЛИЯ ЗОНИС

СЕМЕРО ИЗ СТРУЧКА

У них были имена, но Психопомп привык называть их Гляциолог, Геофизик, Буровик, Водитель, Механик, Сапер, Связист. Ведь и его самого никто не называл по имени: в институтских коридорах, столовке и курилке он был известен под кличкой Психопомп, сокращенно - Псих.

Сегодня с утра он снова вглядывался в записи со зрительной коры Гляциолога, выведенные на экран. И снова результат был все тот же: последние двенадцать часов перед взрывом. Двенадцать часов, хотя реплики провели на Европе-8 двенадцать лет. Почему же в мозгу впавших в кому оригиналов непрерывно прокручивались только последние двенадцать часов? Психопомп чувствовал: если бы он нашел ответ, задача была бы решена.

С момента взрыва на Европе-8, уничтожившего семь реплик и погрузившего в кому семь человек на Земле, прошло четырнадцать месяцев. Программу «Репликатор» заморозили семь месяцев назад решением подкомитета сената по безопасности труда. Корпорация «Ай-Бионикс» теряла миллионы каждый день. И, в конечном счете, все сводилось к работе Психопомпа и нескольких его коллег-психиатров в правительственном институте, куда поместили впавших в кому оригиналов. Психопомп, несмотря на докторскую степень, был простым техником, считывающим данные со зрительной коры пациентов. Что уже само по себе настораживало: как правило, сигналы от этой зоны мозга у впавших в кому людей почти обнулялись.

Сняв очки - старые, еще отцовские и более чем нелепые в этом технологическом подобию рая, - он протер усталые глаза и снова всмотрелся в экран. Белые расплывчатые пятна. Надел очки. Пятна прояснились, из трехмерной глубины всплыла ледяная пустыня.

Она должна была быть черной. Маленькое красное солнце системы, безнадежно далекое, не давало достаточно света. И все же в воспоминаниях - или в галлюцинациях - Гляциолога лед был белым. Возможно, потому что оригинал работал только с земными и марсианскими ледниками, и воспоминания реплики так странно преломились в его угасающем сознании.

Белые поля, ледяные торосы. Низкое небо над ними с намеком на синеву южных сумерек. Бесконечные звездопады: планетка находилась в зоне, соответствующей поясу Койпера, и синеву расчерчивали астероидные потоки. Горбатые полукруглые купола - лагерь «экспедиции». Черные башни двух запасных буровых установок. И воздух, пронзительно-холодный, лишенный кислорода воздух этой ледяной планеты. Его, конечно, Психопомп не видел, но нейротехнику казалось, что он ощущает на коже его морозное дыхание.

Люди не выдержали бы там и нескольких минут.

Реплики провели на Европе-8 двенадцать лет, просверливая панцирь планеты и закладывая геомагнитные бомбы, чтобы разбудить дремлющие под километровой толщи льдами вулканы. Разбуженные взрывами вулканы исторгли бы потоки тепла и магмы, создав вокруг планеты слабую пленку атмосферы и растопив льды. Они же послужили бы источниками энергии для следующей экспедиции. Водяная планета с атмосферой пригодна для терраформирования - так гласит теорема Уильямсона. Но прежде следовало превратить лед в воду. Следующими на очереди были энергостанции и кислород - этим должна была заняться вторая группа реплик, в то время как оригиналы продолжали трудиться на Земле, Марсе и других планетах «комфортной зоны». Так бы и произошло, но после взрыва заложенных на Европе-8 геомагнитных бомб оригиналы семерых

погибших реплик впали в кому.

Психопомп, который в свободное от работы время позволял себе довольно рискованные размышления о политике и ситуации в мире, поставил бы три против одного, что все это ловкий трюк конкурентов «Ай-Бионикс». К примеру, «Ариан Технолоджи», разрабатывавшей тяжелые скафандры и оборудование для работы на экзопланетах. Не требовалось особых познаний в рыночной инфраструктуре, чтобы догадаться: прогресс с репликами избавил людей от работы в экстремальных условиях. Последние двадцать лет терраформированием занимались только изделия «Ай-Бионикс», с каждым годом становившиеся все более совершенными. Кое-кто из сотрудников называл их не репликами, а репликантами, намекая на андроидов из старых фантастических романов. Однако различие было ключевым. Искусственный интеллект, приближенный к человеческому, создать так и не удалось, зато ученые сумели скопировать человеческое сознание в мозг робота.

Отсюда и обозначение. Оригиналы и реплики. Люди и их копии, совершенно независимые от исходного носителя сознания. Так считали вплоть до того момента, когда четырнадцать месяцев назад на Европе-8 рванули геомагнитные бомбы.

Купола жилых корпусов. Черные паучьи лапы буровых опор. Небо цвета индиго и неестественно белый лед.

- Знаешь, у эскимосов было то ли сто, то ли триста слов, обозначающих снег.

Психопомп вздрогнул и обернулся. Через спинку кресла перегнулся Лойсо Гвид, один из команды психиатров. Молодой, лет на двадцать младше нейротехника. Напористый. Амбициозный. Такие поначалу хотят покорить мир, а потом либо выполняют задуманное, либо - что случается намного чаще - уходят из академической науки в какие-нибудь новые «Биониксы» в погоне за длинным баксом.

Лойсо начал свое покорение мира с того, что предположил: виной всему блок «пассионарности», последняя техническая примочка производителей. Предположение было более чем логичным. На этой семерке блок впервые испытали в полевых условиях, хотя предварительно в течение полутора лет тестировали в лаборатории. А если быть точными (Психопомп предпочитал точность формулировок, за что бывшие однокурсники и нынешние сотрудники считали его педантом), сжигали, расстреливали и взрывали реплики преступников и добровольцев. Добровольцы получали за это кругленькую сумму. Преступники не получали ничего, кроме бесплатного нейроскана. Никто из подопытных, если говорить о людях, не погиб, и блок сочли достаточно безопасным, чтобы начать полевые тесты.

Эти семеро тоже были добровольцами. Теперь они покоились в стазисных гробах и все как один грезили о последних двенадцати часах

перед взрывами, прогремевшими под коркой льда и навсегда изменившими облик планеты Европа-8. «Почему последние двенадцать часов?» - снова подумал нейротехник.

А Лойсо, оказывается, все еще говорит.

- Триста слов для снега, неплохо. Интересно, сколько у этих? - Гвид кивнул в сторону саркофагов с пациентами.

Психопомп нахмурился. Неточность формулировок его просто убивала.

- Не у этих, а у их реплик. Это раз, - сухо ответил он. - И два: не думаю, что реплики способны на словотворчество.

Лойсо ухмыльнулся, будто не замечая резкого тона, и оперся локтем о спинку кресла, которое тут же провернулось на ножке, и нейротехник чуть из него не вывалился, но Гвид продолжал как ни в чем не бывало:

- Если у оригиналов и реплик одинаковые воспоминания, можно предположить, что и личность тоже одна. Это раз. И два: реплики точно копируют сознание оригинала, так отчего бы нашим спящим красавицам не иметь склонности к словотворчеству?

Психопомп поморщился - не из-за кресла, а из-за неуважения к почти покойникам. Отец, светлая ему память, всегда говорил: «О мертвых либо хорошо, либо ничего». А эти были практически мертвы - нельзя ведь считать жизнью ледяную пустыню, застывшую у них под веками.

- Вы мне мешаете, Лойсо, - мягко, но настойчиво произнес нейротехник. - Я пытаюсь просматривать записи.

Молодой ученый фыркнул и, запихнув руки в карманы халата, комически пожал плечами.

- Ничего нового все равно не увидишь, друг мой Псих. Я сам чуть не сломал глаза об эти торосы. Говорю: все дело в блоке «пассионарности». Надо его снять с новых моделей, и все будет тип-топ, как раньше. Вообще, если подумать, дурная затея. Глупая и жестокая.

Психопомп склонил голову к плечу.

- Жестокая? Что вы называете жестоким?

Лойсо придвинул соседнее кресло и плюхнулся в него, вытянув длинные ноги в грязных стоптанных кедах, и нейротехник снова поморщился: здесь полагалось носить пластиковые бахилы поверх обуви.

- Жестокой, - повторил Лойсо, щуря наглые выпуклые глаза, - я называю всю эту хохму с самопожертвованием во благо и для. Ведь как было раньше: отправят команду реплик, внушив им, что они вкалывают за большие деньги, чтобы до старости семью обеспечить. Или срок отбывают таким способом. И все ясно и понятно, вопросов нет, а сейчас у бедняг от всех этих морально-этических установок просто крышу сносит.

Психопомп поджал тонкие губы. Игры с мозгами, затеянные

«Биониксами», внушали ему отвращение. Якобы репликам ни в коем случае нельзя было узнать, что они реплики, - иначе матрица сознания отторгалась, и самый сложный механизм превращался в тупой, ни на что не пригодный кусок углепластика. Как кудесникам из «Ай-Бионикс» удалось проделать этот фокус, нейротехник не понимал. По замыслу, существо, которое не нуждается ни в еде, ни в дыхании, способно пережить температуру, близкую к абсолютному нулю, давление в десятки атмосфер и поднимать несколько тонн груза - и каким образом оно может заподозрить, что в нем что-то не так? Будто оно не совсем тот Джон Смит, который лег в нейросканер на стандартное медобследование.

И ведь трюк работал. Реплики искренне верили, что они живые, настоящие люди.

А живым и настоящим людям неприятно умирать.

И кстати, им неприятно торчать на замерзшей планете двенадцать лет, вдали от семьи и дома.

И когда за ними не прилетает обещанный челнок - а челнок и не посылали, слишком дороги межзвездные транспортировки, - их охватывает такое бесконечное и черное отчаяние, что они способны на самые неожиданные поступки.

Многие реплики пытались в последние часы - или недели, или месяцы, или годы, зависит от того, где именно их бросили, - покончить с собой. Многие портили ценное оборудование, совершали диверсии. Несколько лет назад произошел громкий скандал. Трое реплик как-то ухитрились переоборудовать посадочную капсулу, не предназначенную для орбитальных полетов, и выйти на орбиту. Там они дождались корабля следующей экспедиции, захватили его, и если бы не мужественный поступок связиста (реплики, разумеется), успевшего известить флот, дело могло бы закончиться весьма печально. Опять в прессе появились упоминания репликантов, войны машин, терминаторов и прочих замшелых фантазий человечества. Кажется, тогда подкомитет по безопасности труда, купленный-перекупленный «Ариан Технолоджи» и их коллегами, впервые поднял вопрос о закрытии «Ай-Бионикс» и приостановке их разработок.

Ответом «Биониксов» стал блок «пассионарности». Реплики, которым вшивали этот блок, рады были умереть за счастье человечества и всегда готовы пожертвовать собой ради высших целей. По крайней мере, так утверждал «Бионикс». Психопомп позволил себе чуть заметно усмехнуться, вспомнив один из рекламных роликов.

Девчонка лет двенадцати, конопатая, вихрастая, чистый кошмар родителей, забирается в кабину отцовского мусоровоза. На дороге машина, яростно фырча и завывая, вдруг несется напрямик к обрыву. Но появляется один из биониксовских «пассионариев», упирается руками в бампер и останавливает грузовик на самом краю пропасти.

Девчонка выскакивает из кабины в слезах и соплях, откуда-то с заднего плана набегают нерадивый отец, а спаситель, все же не удержавшийся на краю, медленно, со счастливой улыбкой летит вниз.

Ролик быстро убрали из Сети, признав педагогически некорректным и даже вредным для подрастающего поколения. Но осадок остался.

И остался вопрос. Ладно, допустим, всему виной блок «пассионарности», неведомо почему заставивший мозг оригиналов вспыхнуть и сгореть в ту же секунду, когда огонь проснувшихся вулканов, или взрывная волна, или острые осколки льда уничтожили их реплик. Точнее Психопомп сказать не мог, потому что последние полчаса из тех проклятых двенадцати все никак не удавалось восстановить, а именно это он пытался сделать уже два месяца. Четкая картинка сменялась помехами, яркими вспышками, и, наконец, все заливал ослепительный свет, еще более белый, чем невозможная белизна бессолнечной планеты. Именно это медленно, но верно убивало зрение нейротехника, вплоть до того, что пришлось вытащить из комода старые отцовские очки.

Итак, пусть во всем виноват блок. Но как прошел сигнал?

Основное свойство реплик - независимость их сознания от сознания оригинала. А предположить, что некая электромагнитная связь между разумами-двойниками существует, просто невозможно. Для того чтобы электромагнитный сигнал с Европы-8 достиг Земли и Марса (а именно там на момент взрыва находились оригиналы), потребовалось бы одиннадцать лет. Но люди, те, кого Психопомп называл Гляциологом, Геофизиком, Буровиком, Водителем, Механиком, Сапером и Связистом, рухнули как подкошенные в ту самую секунду, когда на Европе-8 прогремел тщательно запланированный и безупречно произведенный взрыв.

Позади остались их матери, отцы, жены, дети. Незавершенные дела. Неосуществленные планы. Несбывшиеся мечты и неудовлетворенные амбиции. Все, как и у других умерших, за одним исключением - ледяная пустыня под веками, а точнее, в экстрастриарной зоне зрительной коры.

Психопомп снова снял очки, протер их полкой халата и устало прикрыл глаза. Как бы ни кипел энтузиазмом молодой психиатр Лойсо Гвид, ничего не понятно.

По воскресеньям они с матерью ходили в церковь, а потом на маленькое кладбище за церковью навестить могилу отца. Отец был убежденным католиком. Мать посещала службу скорее по привычке, а сын из уважения к матери. Не прислушиваясь к словам ксендза, он, сощурив больные глаза, смотрел, как косые солнечные лучи расщепляются в витражных окнах. По каменным плитам пола скользили цветные пятна. Святая на витраже смотрела снизу вверх на

высокого старца с посохом. И статуи, конечно, здесь были барельефы и статуи. Святое семейство. Снятие с креста. И дальше, там, за кафедрой и спиной ксендза, мраморное распятие.

Тот, кого в институте звали Психопомп, смотрел на распятого человека и думал о жертвенности. О том, что этот вот тоже пожертвовал всем ради высоких идеалов, если говорить языком Лойсо. Мелькнула шальная мысль: а вдруг и он был репликой со вшитым блоком «пассионарности»? Мелькнула, окрасив щеки стыдливым румянцем, заставив неловко переступить на месте и покоситься сначала на мать, а затем на ксендза. В отличие от родителей, нейротехник не верил в Бога, и все же мысль была настолько кощунственной, что невольно казалось: услышит и накажет. Детский страх наказания, который трудно изжить и во взрослые годы.

После службы они с матерью вышли на солнечный порог, миновали цветочные клумбы с рыжими флоксами и золотистыми тысячелистниками и зашагали по тихой аллее. Ветер шевелил листья рябин. Ягоды уже начинали наливаться красным. По словам матери, это были не такие рябины, как у них на родине. У здешних ягоды крупнее и красивее, но несъедобные, а из тех можно было варить вкусное варенье.

За низкой оградкой показалась могила отца. На камне высечены имя, Вацлав Пшельский, и годы жизни; простое фото смотрело из-за стекла. Почти вся зарплата Пшельского-младшего уходила на содержание этой могилы. Кладбища давно стали виртуальными, а освободившуюся землю заняли супермаркеты и заправки.

Мать, как всегда, всплакнула, утерла слезы платком. Поменяла воду в горшках с бессмертниками, выдернула несколько пучков проросшей у камня сорной травы. Они с отцом прожили вместе сорок лет, и теперь самым большим горем Агнешки Пшельской было то, что ее сын до сих пор неженат и бездетен.

Когда вернулись домой, мать пошла на кухню разогревать томатный суп. Сын устроился в кресле у стола и задумался о том, как он любит мать. Она единственная называла его Яреком, единственная знала, что светлый ежик волос и серо-прозрачные глаза за стеклами очков у него от отца, а тонкий хрящеватый нос - от нее, старалась вникнуть во все сыновние дела и заботы и ни разу не упрекнула за то, что он, взрослый, сорокалетний мужчина, все еще сидит у нее на шее. Но дело даже не в этом. Дело не в причине, не в том, что она что-то делает или чего-то не делает, а просто сын любит мать, а мать сына - и все тут.

- О чем размышляешь?

Перед ним уже стояла тарелка с супом. На другой лежал нарезанный хлеб, рядом белела сметана в пластиковом стакане.

- Все о своих семерых?

Ярек, доктор Ярослав Пшельский, зачерпнул сметану ложкой и

улыбнулся, потому что как раз сейчас - редкий случай - он думал о чем-то другом.

- Мама, я уже слышал твои теории.

Мадам Пшельская покачала головой. Мать бдительно следила за сыном, пока он не размешал сметану и не отправил ложку супа в рот. Только услышав, что суп великолепен, как всегда, она удовлетворенно кивнула и присела на соседний стул.

- Ты зря не хочешь меня послушать, Ярек. Вам, молодым, кажется, что старики глупые...

Сын с трудом сдержал смешок: в свои сорок с лишним молодым он себя давно не считал.

- ...а старики внимательные. Вы бежите-бежите, тут-там, тят-ляп, все лишь бы поскорее. Много чего не замечаете. А старикам ничего уже не осталось, кроме как замечать.

- Мама, - мягко сказал нейротехник, - я не сомневаюсь в твоей наблюдательности. Но если я скажу доктору Наварре, что в семерых впавших в кому пациентах умерла душа, боюсь, это станет моим последним днем в институте.

- Говорить не надо, - упрямо гнула свое женщина, - а мать послушать не помешает. Ты помнишь дядю Джорджа, что работал с отцом?

Ярослав кивнул. Он действительно помнил Джорджа, рослого, громкого, заросшего черным волосом мужчину, наполовину ирландца, наполовину итальянца. Смесь настолько взрывная, что так просто не забудешь.

- Так вот, у дяди Джорджа был брат-близнец Майкл. Он работал монтажником на лунной базе, какая-то закрытая стройка. И его придавило насмерть... Я помню тот вечер: Джордж к нам ворвался, на нем лица нет. Упал на стул, молчит, только дышит тяжело. Отец дал ему воды. Он выпил и говорит: «Беда с Майки».

Сын пожал плечами.

- Что ж тут такого? Понятно, он переживал...

- А то, - торжествующе сказала Агнешка, сверкнув черными, совсем не похожими на сыновние глазами, - что позвонили ему только ночью. А вбежал он к нам в восемь вечера... Близнецы - потому что у них одна душа на двоих... И эти твои реплики душу делят, потому как куда ей, душе, деваться?

Доктор Пшельский снова улыбнулся, но на сей раз уверенности в улыбке было куда меньше.

Когда остальные сотрудники разошлись по домам, и Психопомп оставался в лаборатории один, в голову начинали лезть странные мысли. Он пытался представить, как это было.

Репликам легче. Они абсолютно уверены в том, что прошли регулярную медицинскую проверку, отправлялись на далекие Европы,

Ио и Вулканы строить лучшее будущее человечества. Но что с оригиналами? Каково это - продать свое сознание в рабство. Это как продать отражение в зеркале? Или тень? Но человек, продавший тень или отражение, отличается от других: он не виден в зеркалах, его легко можно опознать в солнечный день. А они?..

В одну из таких беспокойных ночей Психопомп залез в рабочий компьютер Гвида. Впрочем, Лойсо никогда и не прятал пароль. В сущности, он записал его на блокнотном листке и кнопкой прикрепил к стене, чтобы не забыть, потому как был чертовски рассеян. Триста названий снега явно не для Лойсо. Удивительно, что он помнил одно.

Данные медицинских и психологических тестов Психопомп пролистал быстро - он немного мог расшифровать в этих формулах, графиках и таблицах. Но было и другое. Интервью с родственниками. Видео с камер круглосуточного наблюдения, этого недремлющего ока, ежесекундно и бдительно следящего за каждым гражданином Земной Федерации. Видео не зарегистрировало особых отклонений, разве что Гляциолог стал реже посещать бар, Геофизик оставил свой гольф-клуб, а Сапер после многолетних неудачных попыток бросил курить. Ни экстремального спорта и травм, ни увлечения наркотиками или вирт-играми - всего того, что могло бы вызвать внезапное нарушение мозговой активности.

С родственниками интереснее. Супруги Гляциолога и Водителя отметили, что их мужья изменились к лучшему - стали уделять больше внимания семье. А вот жены Механика и Сапера, наоборот, жаловались на небрежность, холодность к ним и к детям, отстраненность, черствость. Если смотреть по записям, то и в случае с Гляциологом и Водителем все было не так просто - они, несомненно, проводили с семьей больше времени, но тратили его в основном на совместный просмотр телепередач. Ни пикников, ни школьных спектаклей, ни отдыха на венерианских курортах - всех тех маленьких радостей, которые и делают семью семьей. Так, по крайней мере, думал Психопомп, родителям которого было не до венерианских курортов. Связист, Геофизик и Буровик жили одиноко и после подписания контракта с «Ай-Бионикс» стали еще более замкнутыми.

Психопомп снова прокрутил интервью с родственниками. Холодность. Отстраненность. Черствость. Заглянув в словарь, он узнал, что синонимы к слову «черствый» - это «бесчувственный», «бессердечный» и «бездушный». Опять душа. Хоть иди в церковь и спрашивай у ксендза, что такое на самом деле эта душа. Психопомп и пошел бы, потому что привык относиться к работе тщательно и рассматривать все возможные версии, но мешал стыд: ксендз видел его каждое воскресенье на проповеди. Несомненно, все прихожане, посещавшие церковь, отлично знали, что такое душа, и Психопомпу не хотелось казаться глупее других. Ему даже подумалось, что вопрос

может оскорбить старого священника. В самом деле, что человек, не имеющий представления о душе, делает в католическом храме?

Поэтому, вместо того чтобы донимать ксендза, он решился на рискованный шаг.

Одно дело - скопировать собственный разум в носителя, хотя бы внешне похожего на оригинал. Или погрузиться в виртуальное пространство, поддерживаемое сотнями серверов, как в случае вирт-игр. Другое - попытаться проникнуть в угасающее сознание семерых человек, в их маленькую общую вселенную, всей жизни которой - на двенадцать часов и которая может рухнуть при малейшем изменении мозговых ритмов одного из семерки.

Доктор Наварра, научный руководитель лаборатории, отнесся к затее подчиненного неодобрительно, но запрещать не стал. Ярослава Пшельского поместили в стазис-контейнер, весьма напоминавший те, в которых покоились тела пациентов. Никто, кроме Лойсо, ничего не сказал, хотя все понимали: их коллега может и не вернуться, навеки присоединившись к семерым в их технологически совершенных гробах. А Гвид подмигнул и, заглянув через плечо подсоединяющего электроды врача, громко прошептал:

- Псих, постарайся и вправду не стать психом.

- У вас двенадцать часов, - буркнул медик, словно Психопомп и без него не знал, сколько длится цикл.

В предплечье вонзилась игла. Мир мигнул и погас, чтобы вспыхнуть ослепительной белизной.

Он вернулся и долго не мог понять, что за лица склоняются над ним, почему такой тусклый свет, отчего холодно в затылке и что колет кожу черепа. Колола электродная сетка, и только эта несильная боль заставила его снова поверить в реальность собственного тела.

Потому что там, в ледяной пустыне, у него не было тела. Там он парил, как дух над водами в первый день творения. Снова рухнув в собственную плоть, он в первые минуты ощутил горькое сожаление: живому человеку не познать такой свободы.

И те семеро были там. Сейчас язык не повернулся бы назвать их привычными кличками, потому что за каждой стояло лицо. Не замершее в тупой безразличности лицо в плексигласовой гробнице стазис-контейнера, а живое человеческое... Гляциолог, его звали Семеном Аркадьевичем, написал письмо жене. Он отлично знал, что письмо это никогда не достигнет адресата, и все же за три часа до взрыва опустил в железный патрон и отнес в треснувший стручок посадочной капсулы, лежавшей в воронке за лагерем.

Геофизик Ральф Фарадей ушел во льды, но вернулся перед самым взрывом, чтобы быть с товарищами.

Сержио Рамирес, Водитель, поцеловал изображение уродливого медного божка, которое носил на цепочке на шее. Не снимая, все двенадцать лет.

Механика звали Вацлав, как и отца Психопомпа. Вацлав, не прикасавшийся к еде последние двенадцать лет, вдруг захотел шкубанков из картошки. Семен Аркадьевич сказал, что шкубанки отлично пошли бы под водку. Сапер Уилл Джефферсон ненадолго выбрался наружу и вернулся с пустотелым корпусом геологического зонда, заполненным ледяным крошевом. Лед растопили ультразвуковым буром, объявили водкой, только стопок найти не удалось...

Но самым поразительным было даже не это, не то, что семь реплик оказались куда более живыми, чем их оригиналы на записях камер наблюдения и в рассказах родни.

Удивительно, что они никого не проклинали. От первой секунды тех двенадцати часов до взрыва, когда стало окончательно ясно, что за ними не прилетят - потому что ближайший выход из гипера находился в двенадцати часах лёта от планеты, а передатчик упрямо молчал, - и до момента, когда не сработал код дезактивации бомб, и жизни им осталось всего на полчаса. Даже тогда они не заподозрили предательства и не осознали, что происходит. Психопомп, парящий над ними как некое небесное создание, ожидал другого. Смутно помня о блоке «пассионарности», он, как выяснилось, подсознательно ждал каких-то речей о будущем человечества, театральных жестов, ударов кулаком в грудь и восхождения на мученический алтарь. Может, виной тому шуточки Лойсо. А на самом деле семеро просто сидели в полуразобранном центральном корпусе станции и, пользуясь переговорными устройствами, вспоминали о доме. А в последние минуты вышли наружу, чтобы посмотреть, как все будет.

Лед за пределами расчищенной и ярко освещенной огнями посадочной площадки был черным.

Потом он встал дыбом. Огромные пласты льда, вздыбившиеся над горизонтом, как чешуя гигантского разгневанного ящера, изменили рисунок созвездий. Звука взрыва Психопомп уже не услышал, зато увидел, как весь лед вокруг засиял белым светом.

Нет. Наоборот. Сияние этого света навеки отпечаталось в зрительной памяти, окрасив черные льды Европы-8 в белый цвет.

- Вы плачете, Иар?

Потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить: в тех редких случаях, когда Лойсо решался произнести имя Ярослав, он безбожно его коверкал. Нейротехник сердито выдрал из предплечья иглу и протер глаза. Кто-то протянул ему очки. Все прояснилось: вот Герберт Коль, второй техник, в своем замызганном белом халате. Вот похожий

на хищную птицу доктор Наварра, с немного нарочитой сединой в волосах. Вот Лойсо Гвид кривит лицо то ли в ухмылке, то ли в гримасе... Вот остальные. Все собрались вокруг и заботливо, встревоженно, вопросительно смотрят на него.

- Я понял, - тихо сказал Психопомп. - Доктор Гвид был прав: дело в блоке «пассионарности», но не так, как мы предполагали.

- Иар... - начал Лойсо, но Наварра оборвал его движением руки.

- И еще... - со странной улыбкой продолжил Психопомп. - Душе нужноместилище. В древности люди полагали, что душа обитает в сердце или в печени. В более позднее время пришли к убеждению, что ееместилищем служит сознание. А мы его копируем. Бедная душа мечется, не зная, что ей выбрать - копию или оригинал. «Ай-Бионикс»облегчил выбор. Этот блок - идеальноеместилище для души. Они подарили репликам жертвенность. Способность пожертвовать собой ради других, ради идеи, идеала... вот, оказывается, основное свойство души, ее небесные одежды. Боюсь, я вынужден признать, что души наших семерых пациентов вознеслись после того, как погибли их реплики, а нам остались тела и эхо памяти. Память души, если можно так назвать...

- Иар, - настойчивее позвал Лойсо, и на сей раз Наварра его не остановил.

Психопомп взгляделся в лица сотрудников и понял, что тревога и любопытство сменились неловкостью. Пожалуй, так смотрел бы ксендз, явись к нему прихожанин с вопросом о природе души.

- Иар, пока ты... был там, ситуация изменилась. «Ай-Бионикс»предъявила иск «Ариан Технолоджи». Речь идет о мошенничестве в особо крупных размерах и покушении на убийство. Они нашли свидетеля, который заявил, что все подстроено. В наших пациентов стреляли из нейроружей. Семеро наемников, и выстрел был согласован до секунды, чтобы это выглядело как внезапная кома после гибели реплик. А у бедняг просто вскипели мозги. Учитывая, как погибли их копии, это даже отчасти смешно...

Но Лойсо не смеялся.

- Короче, - торопливо договорил он, - «Ариан Технолоджи» заплатила за то, чтобы утопить конкурента. Сейчас четверо наемников уже задержаны и дают показания. Наше исследование закрыто. Никакой связи между репликами и оригиналами на самом деле нет. Суд будет чисто формальный; представитель «Ай-Бионикс» уже заявил, что производство реплик возобновится на следующей неделе.

Психопомп потер висок. Там начинало тихонько ныть - предвестник мигрени, последствие бессонных ночей и перенапряжения глаз.

- Подождите, - сказал он. - Как же так? Мы исключили внешнее повреждение в самом начале. Нейроружье оставляет характерную травму. Гематомы, омертвевшие клетки, ткани - такое ни с чем не

спутаешь...

- Этот проект завершен.

Холодный и раздраженный голос принадлежал Наварре. Развернувшись так резко, что полы халата взметнулись, шеф быстро зашагал к двери своего офиса. На пороге он бросил, не оборачиваясь:

- Доктор Пшельски, зайдите ко мне. Обсудим ваше следующее задание.

Остальные сотрудники тоже быстро ретировались. Лаборатория опустела. Только Гвид задержался: плюхнулся по своему обыкновению в кресло и сидел, покручиваясь и закинув ногу на ногу.

Он смотрел на Психопомпа. Психопомп смотрел на него. Гвид нарушил молчание первым.

- Ну что, остались мы с вами, Иар...

Нейротехник прикрыл глаза. Под веками колыхалось белое свечение. «Забрали в свет», - неожиданно подумал доктор Пшельский. Хотя кого и зачем забрали в свет? Как вообще можно забрать в свет, который, по сути, лишь поток фотонов?

Подняв тяжелые веки, Психопомп спросил:

- Вы в это верите? Верите, что все подстроено «Ариан Технолоджи»? Улыбка Лойсо стала совсем кривой. Крутанувшись еще раз в кресле, молодой ученый ответил:

- Я верю в то, что институт получил очень солидное пожертвование от анонимного спонсора и что меня берут ведущим психиатром в чикагский офис «Ай-Бионикс». А во что верите вы, доктор Иар Пшельски?

Психопомп молчал.

- И все-таки?.. Скажем, вы верите в то, что являетесь проводником душ на тот свет? Психопомп - это ведь Гермес. Он транспортировал в Аид покойников, а самых строптивых тащил на веревке из змей. Как это вяжется с вашими теориями о душе?

Нейротехник передернул плечами. Он заговорил, поначалу неохотно, но по мере рассказа голос его становился все оживленнее.

- Знаете, Лойсо, тут в последнее время в связи с этими событиями часто упоминают репликантов, терминаторов и прочее. Мне сейчас тоже вспомнился один старый фантастический рассказ. Там речь шла об Армагеддоне, решающей битве сил света и тьмы. Фантастика заключалась в том, что на стороне света люди отправили сражаться роботов. Войско Господне победило, но в рай вместо людей забрали погибшие в битве машины.

Психопомп поднял голову и, глядя прямо в глаза коллеге, договорил:

- Вы спрашиваете, во что я верю? Так вот, я верю, что роботы вознесутся на небеса, а мы, Лойсо, останемся на Земле и займем их место.

4 **«Небьюла-уикенд»** прошел с 17 по 20 мая в Арлингтоне, штат Вирджиния. Названы лауреаты премий «Небьюла» за 2011 год. Лучшим романом стал «Среди иных» Джо Уолтона, лучшей повестью - «Мост через туман» Кидж Джонсон (с этим произведением читатели «Если» смогут познакомиться в ближайших номерах журнала), лучшей короткой повестью - «Что мы нашли» Джеффа Раймана, рассказом - «Бумажный зверинец» Кена Лю. Премию имени Рэя Брэдбери за выдающуюся драматическую презентацию получила, как ни странно, одна из серий «Доктора Кто»; впрочем, сценарий этого эпизода написал Нил Гейман. Приз имени Андре Нортон за лучшую НФ для молодежи достался Делии Шерман за книгу «Лабиринт свободы». Гранд-мастером стала Конни Уиллис.

4 **Альф возвращается!** Таким заявлением порадовал поклонников знаменитого сериала его создатель Пол Фаско. В свое время сам Фаско закрыл сериал о смешном инопланетянине из-за «отсутствия сценарных идей», и вот, очевидно, они появились. По словам продюсера, полнометражный приквел - картина о том, каким образом Альф попал на планету Земля.

4 **Очередная «Аэлита»** прошла с 23 по 26 мая в Екатеринбурге. Лауреатом премии «Аэлита» стал израильтянин Павел Амнуэль. Премию им. И.Ефремова (за выдающуюся редакторскую, организаторскую и просветительскую работу в области фантастики) получил москвич Андрей Синицын. Премия им. В.Бугрова за работы в области антологистики фантастиковедения досталась Сергею Чекмаеву, орден «Рыцарь фантастики» им.И.Халымбаджи - администрации сайта RUSF.RU. Премию «The Great Master of SC-FI & Fantasy» за выдающийся вклад иностранных авторов, редакторов или издателей в развитие мировой фантастики получил американец Майкл Суэнвик.

«Темный мир: Равновесие» - этот проект, основанный на сиквеле известной российской ленты, будет реализован как в качестве полнометражного фильма, так и телесериала. Здесь предусмотрен свой фантастический сюжет: из Темного мира на Землю просачиваются существа, питающиеся человеческой энергией и эмоциями. Режиссером станет Олег Асадулин, сценарий написали Марина и Сергей Дяченко. Премьера назначена на осень 2013 года.

Лауреат британской награды Артура Кларка за лучшее произведение в жанре НФ прошлого года Джейн Роджерс представила читателям в своем романе «Завет Джесси Лэмб» антиутопию о мире, в котором процветает биологический терроризм.

Терри Пратчетт получил премию имени Вудхауза, которая вручается за лучшее юмористическое произведение, написанное британским автором. Жюри вручило премию писателю за его «Разрушение» (Snuff) - 39-й роман из серии о Плоском мире.

Студия MGM планирует экранизировать серию рассказов Рэя Брэдбери «Из праха восставшие». Эту историю о странной семейке духов, мумий, вампиров, приютившей человеческого мальчика, фантаст начал писать еще в 1940-х годах, а первым иллюстратором стал Чарли Аддамс, который позже воспользовался идеей и создал цикл комиксов о семейке Аддамс. Брэдбери же публиковал отдельные рассказы цикла, многие из которых стали классикой жанра. В результате появились два знаменитых сборника новелл - автобиографическое «Вино из одуванчиков» и фантастические «Из праха восставшие».

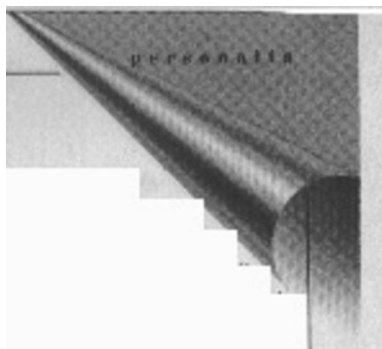

«Интерпресскон-2012» прошел с 6 по 9 мая 2012 года в пансионате «Морской прибой» под Санкт-Петербургом. В программе – традиционные доклады, дискуссии, литературные студии, концерты, вручение многочисленных премий и пр. Лауреатами премий стали: «Бронзовая улитка», крупная форма - Захар Прилепин, «Черная обезьяна»; средняя форма - Андрей Измайлов, «Игра в ящик»; малая

форма не присуждалась. Публицистика - Сергей Переслегин, «Опасная бритва Оккама».

Премии «Интерпресскон»: крупная форма (роман) - Юлия Зонис, «Инквизитор и нимфа»; средняя форма (повесть) - Святослав Логинов, «Медынское золото»; малая форма (рассказ) - Юлия Зонис, Ина Голдин, «Ignis fatuus»; дебютная книга - Анна Семироль, Олег Семироль, «Полшага до неба»; критика, публицистика - Владимир Ларионов, Александр Етоев, «Книга о Прашкевиче, или От Изысканного жирафа до Белого мамонта». Удивительно, что в результате голосования участников в номинации «Публицистика» работа о Г.Прашкевиче опередила фундаментальный труд самого автора - книгу о братьях Стругацких, написанную совместно с Д.Володихиным для серии ЖЗЛ.

Агентство F-пресс

Personalia

АЛИЕВ Тимур (Тамерлан) Магомедович

Публицист и фантаст Тимур Алиев родился в 1973 году в городе Грозном. Высшее образование получил в Грозненском нефтяном институте, но выбрал профессию журналиста: работал в газетах, на телеканалах, в 2003-2008 годах издавал газету «Чеченское общество», был координатором по Чечне и Ингушетии Лондонского института по освещению войны и мира, экспертом Центра экстремальной журналистики Союза журналистов России. За профессиональную деятельность награжден призами и премиями. В настоящее время - помощник Президента Чеченской Республики.

По собственному признанию, писать рассказы начал в возрасте десяти лет. «Когда в 1995-м году стол сгорел, а все наработки превратились в пепел, на долгое время забыл о возможной писательской стезе». Лишь в 2006 году в местной печати и в интернете

появилось несколько НФ-рассказов. С 2010 года публикуется в сборниках и периодических изданиях, в том числе в журнале «Если» («Мультитрегеры», в соавторстве с Е.Гаркушевым, 2010).

БАЧИЛО Александр Геннадьевич

Писатель и драматург Александр Бачило родился в 1959 году в г. Искитиме Новосибирской области. После окончания Новосибирского электротехнического института работал программистом в Институте ядерной физики Сибирского отделения Академии наук: «Там-то, сидя ночами «под теплым боком» ускорителя, стал писать фантастические рассказы».

Участник литобъединения «Амальтея» М.П.Михеева, малеевских семинаров и ВТО МПФ, он представил читателям первый рассказ «Элемент фантастичности» в 1983 году. В 1988-м состоялся книжный дебют - написанная в соавторстве с Игорем Ткаченко книга для детей «Путешествие в таинственную страну, или Программирование для мушкетеров».

Перу автора принадлежат романы «Ждите событий» (1989), «Проклятие диавардов» (1991), «Незаменимый вор» (2000, 2002) и сборник новелл «Академон-городок» (2004). В 2008 году вместе с И.Ткаченко стал лауреатом Мемориальной премии им. Кира Булычёва за повесть «Красный гигант».

Наряду с литературной биографией успешно развивается и телевизионная карьера А. Бачило. Перебравшись в 1999 году в Москву, А.Бачило работал на телевидении в качестве сценариста и режиссера программ. Он один из авторов сценария телесериалов «Простые истины» и «Театральная академия», русской адаптации мюзикла «Иствикские ведьмы». В содружестве с Игорем Ткаченко создал сценарий фантастического телесериала «Башня».

ГАРКУШЕВ Евгений Николаевич

Журналист и фантаст Евгений Гаркушев родился в 1972 году в шахтерском городе Гуково Ростовской области, где живет и поныне. Окончил факультет физики Ростовского государственного университета, затем обучался в аспирантуре. Позже окончил Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). После учебы работал в областной газете, затем в мэрии родного города более десяти лет занимался информационной политикой и связями с общественностью. В настоящее время вернулся в журналистику.

Профессиональным дебютом стал роман «Ничего, кроме магии» (2002), за которым последовали продолжения «Обойдемся без магии» (2003) и роман в жанре подростковой НФ «Афанадор» (2003). После этого все дальнейшее творчество Е.Гаркушева сместилось в русло НФ и альтернативной истории: это книги «Грани матрицы» (2003), «Близкие миры» (2004), «Великий поход» (2005), «Выше времени» (2006), «Кодекс чести» (2009). Кроме того, в соавторстве с Андреем Егоровым выпустил цикл космической НФ - «Заповедник» (2006), «Космический капкан» (2006), «Бунт при Бетельгейзе» (2006) и «Межпланетная банда» (2007). В соавторстве с Дарьей Булатниковой написал детективный роман «Изумрудная сеть» (2007).

В 2009 году Е.Гаркушев выступил в роли редактора-составителя сборника «Точка отсчета» (приз «Роскон-2010» в номинации «Лучшая антология»).

ЖЕВАР Пьер (GEVART, Pierre)

Пьер Жевар родился в 1952 году на севере Франции. Работал чертежником, учителем, журналистом, имеет звание магистра по геологии, право преподавания естественных наук и диплом Национальной административной школы. Выпустил немало работ, посвященных образованию и культуре.

Настоящая известность пришла к автору благодаря его литературной деятельности. В списке произведений Жевара романы, сборники стихотворений, рассказы и театральные пьесы, опубликованные под своим именем и многочисленными псевдонимами. Он председатель музыкального театрального фестиваля Ле-Малин-Плезир в Па-де-Кале, создатель фэнзина «Красный Гигант», дважды был организатором Национального французского конвента по научной фантастике (2006 и 2009). В 2008 году стал главным редактором ведущего национального фантастического журнала «Галактика».

Первый роман «Забастовка Солнца», написанный в соавторстве с супругой Николь, писатель выпустил в 1976 году. Затем последовали книги «Господин бронзы» (1992), «Паника в цирке» (2000), «Откройте окна» (2001), «Ждущий» (2005) и другие.

КИТАЕВА Анна Игоревна

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 5 за этот год)

Корр.: Вы одинаково уверенно чувствуете себя как в мирах фэнтезийных, так и на ниве научной фантастики. А что все-таки вам

ближе?

А.Китаева: Фантастика часто имеет дело с необъяснимым или, как минимум, необъясненным. Какая разница между загадочными технологиями и таинственными магическими артефактами, если не объясняется принцип действия ни того, ни другого? Это лишь декорации, в которых разыгрывается действие...

В фэнтези у автора больше свободы, там можно выстроить авторский мир, который весь целиком будет работать на главную идею. Увы, за эту свободу приходится расплачиваться условностью фэнтезийного мира, его некоторой театральностью. Научная фантастика более реалистична, но этот жанр имеет свои ограничения... А теперь давайте возьмем наш привычный мир, в котором происходит нечто небывалое. Так вот: если дать небывалому научное объяснение, получится научная фантастика; если магическое - фэнтези... А если оно так и останется необъясненным - каков жанр? Допустим, фантастика - но какая? Определения нет. Вот это «пограничье» мне и нравится больше всего.

ЛУКИН Евгений Юрьевич

Фантаст, поэт и бард Евгений Лукин родился в 1950 году в Оренбурге в актерской семье. После окончания филологического факультета Волгоградского педагогического института работал учителем, журналистом, сотрудником издательства. Фантастическую прозу начал писать в 1975 году в соавторстве с супругой Любовью Лукиной, а дебютом в печати стала их совместная повесть «Каникулы и фотограф» (1981).

В 1980-е годы Любовь и Евгений Лукины стали знаковыми фигурами, завоевав репутацию мастеров короткой фантастической новеллы. Их совместное творчество объединено в сборники «Когда отступают ангелы» (1990), «Пятеро в лодке, не считая Седьмых» (1990), «Шерше ля бабушку» (1993), «Петлистые времена» (1996) и «Сокрушитель» (1997). Но с 1994-го супруга и соавтор отошла от литературной деятельности, а еще через два года ее не стало.

Сольная биография волгоградского писателя, продолжившего развитие иронической и социальной фантастики, оказалась не менее удачной. Сборник «Там, за Ахероном» (1995) сразу же завоевал читательское внимание. С появлением романа «Разбойничья злая луна» (1997) автор стал активно выступать и в крупной форме. Книги «Катали мы ваше солнце» (1998), «Зона справедливости» (1998), «Чушь собачья» (2003) и другие становились событием в отечественной фантастической прозе. К этому списку необходимо добавить и несколько поэтических сборников Лукина, где фантаст

предстал как яркий, самобытный поэт: «Дым Отечества» (1999), «Ой да...» (2001), «Фарфоровая речь» (2002) и «Чертова сова» (2004).

Писатель неоднократный лауреат всех жанровых наград. Он «полный кавалер» приза читательских симпатий «Сигма-Ф» (за роман, повесть и рассказ), лауреат премий «Аэлита», «Бронзовая улитка», «Интерпресскон», «Роскон», «Странник», «Золотой кадуцей» и других. Но все рекорды побил повесть «Бытие наше дырчатое» (2006): в течение 2007 года она получила семь премий. В 2009-м писатель собрал в номинации «Повесть» абсолютно все существующие жанровые награды за «Лечиться будем» и «С нами бот», опубликованные в «Если» в 2008 году. В нынешнем году Е.Лукин уже успел получить «Золотой Роскон» за опубликованную в «Если» повесть «Андроиды сраму не имеют».

МИРАБЕЛЛИ Юджин (MIRABELLI, Eugene)

Американский писатель, поэт, журналист Юджин Мирабелли родился в 1932 году и после окончания Массачусетского технологического института и Гарвардского университета сменил не одну профессию. Но защитив диссертацию по филологии в Гарварде, окончательно переквалифицировался в гуманитария: преподавал во многих университетах и вел творческие курсы для будущих писателей. Параллельно занимался литературной деятельностью и приобрел известность как тонкий стилист и автор парадоксальной прозы.

Ряд произведений писателя содержит фантастические элементы. Таков, например, недавний мейнстримовский роман «Богиня, влюбленная в коня», герои которого - богиня и кентавр, рожденные в семьях итальянских иммигрантов, переселившихся в Бостон. В научной фантастике писатель дебютировал в 2003 году рассказом «Единственный известный прыжок сквозь время». С тех пор Мирабелли опубликовал еще четыре НФ-рассказа, один из которых, «Женщина в волновых уравнениях Шрёдингера» (2005), известный читателям «Если», был номинирован на премию «Небьюла».

СКИЛЛИНСТЕД Джек (SKILLINGSTEAD, Jack)

Джек Скиллинстед родился в 1955 году в Сиэтле (штат Вашингтон). Пишет фантастику и детективную прозу.

В НФ Скиллинстед впервые выступил в 2003 году, опубликовав рассказ «Подмастерье», а вышедшая в том же году новелла «Мертвые

миры» была номинирована на Премию имени Теодора Старджона. С тех пор Скиллинстед опубликовал еще около трех десятков произведений короткой формы, лучшие из которых составили сборник «Вы там?» (2009), и роман «Предвестник» (2009).

**СТИЛ Аллен
(STEELE, Allen M.)**

Американский писатель Аллен Мальерин Стил-младший родился в 1958 году в Нэшвилле (штат Теннесси) и закончил колледж Новой Англии в Бостоне с дипломом журналиста, после чего защитил магистерскую диссертацию в Университете штата Миссури.

Впервые А.Стил обратился к фантастической прозе в 1988 году (рассказ «Операция «Голубой горизонт»). Затем опубликовал две серии романов и рассказов - «Вселенная Койота» и «Близкий космос», а также три одиночных романа и более полусотни рассказов и повестей, лучшие из которых составили четыре сборника. Рассказы Стила «Смерть Капитана Будущее» (1995) и «Где боятся ступать ангелы» (1997) принесли автору премии «Хьюго». Всего же на ведущие жанровые премии были номинированы десять произведений автора.

**Подготовили Михаил АНДРЕЕВ, Злата ЛИННИК и Юрий
КОРОТКОВ**

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТЬ

Александра ГРОМОВА

«СО ДНА»

РАССКАЗЫ

**Яна КРИЗИ, Кена ЛЮ, Максима ХОРСУНА,
Руди РЮКЕРА и Элин ГАНН**

СТАТЬЯ

**Вл. ГАКОВА: экранизации
российских фантастов (ч. III)**

ОБЗОР

**Сергея ШИКАРЕВА:
тотальное равенство будущего**

ЧИТАЙТЕ АВГУСТОВСКИЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

Наш журнал вы найдете в каталогах
«Пресса России» и «Роспечать» (газеты, журналы).
Индекс 73118.

Подписаться можно с любого месяца на любой срок.

Стоимость одного номера — 87 рублей,
включая почтовые услуги.

Подписка ведется во всех отделениях связи.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТЬ

Александра ГРОМОВА

«СО ДНА»

РАССКАЗЫ

Яна КРИЗИ, Кена ЛЮ, Максима ХОРСУНА, Руди РЮКЕРА и Элин

ГАНН

СТАТЬЯ

Вл. ГАКОВА: экранизации российских фантастов (ч. III)

ОБЗОР

**Сергея ШИКАРЕВА:
тотальное равенство будущего**

ЧИТАЙТЕ АВГУСТОВСКИЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

**Наш журнал вы найдете в каталогах «Пресса России» и
«Роспечать» (газеты, журналы).**

Индекс 73118.

**Подписаться можно с любого месяца на любой срок.
Стоимость одного номера - 87 рублей, включая почтовые услуги.
Подписка ведется во всех отделениях связи.**

